Александр Казанцев

Гость из космоса

Путешествия Приключения Фантастика

Путешествия Приключения Фантастика

Александр Казанцев

Гость из космоса

Полярные новеллы

Государственное издательство
географической литературы
Москва 1958

Эта книга — ожерелье переходящих одна в другую новелл — повесть о людях Арктики. В ней читатель найдет научную фантастику и приключения; необычайность и достоверность. Центральное место занимает волнующая загадка тунгусского метеорита. Художественный текст дополнен подробным научно-популярным изложением проблемы.

Автор — Александр Казанцев много путешествовал по Арктике, написал научно-фантастические романы «Пылающий остров», «Арктический мост», «Полярная мечта».

Художник Ю. Г. МАКАРОВ

ПОМОЩЬ

Усть-Камень — маленький рыбачий поселок. Несколько бревенчатых домиков на пологом берегу широкой, словно разлившейся в половодье реки. За домами — островерхие ненецкие чумы. Около чумов нарты в оленьих упряжках. В каждой по шесть оленей веером. Дальше тундра — зеленый обманчивый ковер. Если ступишь — хлюпает вода.

Прежде по тундре ездили только на нартах. Зимой в упряжке четыре оленя — по снегу ехать легче, так объяснял мне мой попутчик, с которым мы прилетели сюда на сухопутном самолете.

Когда мы приземлились, он пошел за новостями к начальнику аэропорта. Летающая лодка Баранова, возвращаясь с ледовой разведки, должна была зайти в Усть-Камень и захватить нас на остров Дикий.

Издалека донесся шум мотора.

Через тундру шел крытый вездеход. Он медленно взбирался на пологий холм, потом опустился в низину. Вездеход походил на крохотный катерок, плывущий в мертвую зыбь по зеленому морю. Вот он снова появился на гребне.

Машина приблизилась к оленьим упряжкам. Теперь было видно, как врезались колеса в сочный травянистый покров. Гусеницы оставляли за собой широкий мокрый след.

Олени к урчащему чудищу относились спокойно: как видно, привыкли.

Около крайнего домика рыбачьего поселка вездеход остановился. Из кабины на траву легко выпрыгнула тоненькая фигурка в ватнике и ватных штанах.

Я подошел к вездеходу.

Сошедший первым юноша куда-то скрылся. Около машины, подняв капот и то и дело заглядывая в мотор, возился плотный мужчина в комбинезоне и мятой кожаной фуражке. Он что-то мурлыкал себе в усы.

— Кузьма Андреевич! Поезжайте заправиться в аэропорт, потом вернетесь за мной сюда! — неожиданно услышал я знакомый женский голос.

На крыльце рыбачьего домика стояла женщина. Даже в ватной куртке и штанах она казалась тонкой и стройной. Из-под ее шапки выбился черный локон, и по этому локону я сразу узнал ее.

Вспомнился фронт и группа военных топографов, повстречавшаяся мне близ Петсамо.

Галина Николаевна тоже узнала меня. Протянув вперед обе руки, она сбежала со ступенек.

— Вы?! Откуда? Куда?

— Что здесь делает топограф? — спрашивал я, пожимая ее руки и вглядываясь в красивое лицо с мягко очерченным подбородком, тонкими губами и строгими серыми глазами, под которыми появились морщинки.

— Теперь я геолог,— отвечала Галина Николаевна.

— А где муж?

— Убит... там же... вскоре после вашего отъезда,— сказала Галя и отвернулась.

Механик с грохотом закрыл капот. Он смотрел на меня укоризненно.

— Куда же вы? — уже спокойно спросила Галя, снова поворачиваясь ко мне.

Я рассказал, что лечу на остров Дикий, чтобы сесть там на корабль, который доставит меня на «Георгия Седова».

— Я буду на «Седове» до конца навигации, побываю на многих островах, даже самых северных.

Галя оживилась.

— Какая удачная встреча! Вы непременно передайте привет одному радисту — Ване. Он раньше работал со мной в тундре. Потом решил уйти на острова. На самые северные...

Мы сидели с Галей на косых деревянных ступеньках и смотрели на разгоравшуюся оранжевую зарю.

Я расспрашивал и слушал Галю, поглядывая на ее тонкий профиль, ватник, резиновые сапоги.

Она рассказала мне о своем первом самостоятельном рейсе в качестве начальника геологоразведочной группы.

Ее вездеход шел через тундру.

Далеко впереди, справа от машины, бежала длинная тень от крытого кузова. Обгоняя вездеход, она заползала на пологую гряду и, переваливая через нее, растворялась в темном пятне за бугром.

Галя сидела рядом с водителем-механиком Добровым.

Трудно приходилось с Кузьмой Андреевичем в первые дни поездки.

Добров не скрывал своих мыслей: «Отдали под начальство!.. Дожил, доработался, заслужил механик, товарищ Добров!.. Теперь тебя будут учить, как ездить по тундре!.. А потом и горшки в печь будешь ставить...»

Галина Николаевна действительно объявила, что готовить обед будут все по очереди. Пришлось готовить и Доброву. Выполнял приказание он молча, ни на кого не глядя, словно ему было совестно.

Усевшись в кабине, Галя сказала механику:

— Я буду, Кузьма Андреевич, давать вам только общее направление по компасу, а как проехать по тундре, вы лучше меня знаете.

Добров тогда бросил на начальника быстрый взгляд. Шли против солнца, и приходилось щуриться.

«Вот оно как! Значит, все-таки понимают, что такое водитель-механик!»

Третьим членом группы был Ваня-радист. Для него-то, как и для Гали, этот рейс тоже был первым серьезным испытанием. Он гордился тем, что отвечает за радиосвязь.

В отличие от Доброва Ваня сразу же признал начальство. Пожалуй, даже отнесся к нему слишком внимательно. Невысокий, с веснушчатым лицом, с едва пробивающимся пушком на подбородке, он старался окружить Галину Николаевну заботой, непременно хотел готовить вместо нее и искренне обиделся, когда Галя не пожелала об этом и слышать.

Все же ей не удалось избежать его мелких услуг. Ваня открывал банки консервов, прежде чем Галя успевала об этом подумать. Ее спальный мешок оказывался развернутым раньше, чем они останавливались на привал.

Однажды Ваня прочел Галине Николаевне стихи о богине Диане. Диана, обгоняя оленей, носилась по тундре в поисках чудесных кладов, которые она видела на сотни метров под землей.

Галя спросила Ваню, видел ли он когда-нибудь статую богини Дианы. Тот признался, что нет. Потом Галя сказала Ване, что у нее был сын, который мог бы быть почти ровесником Вани. На самом деле у Галины Николаевны детей никогда не было, и уж во всяком случае не могло быть взрослого сына.

Слова Гали произвели на Ваню оглушающее впечатление, тем более что были сказаны в тот день, когда рация группы выбыла из строя.

Забыв обо всем на свете, Ваня тщетно пытался наладить аппаратуру: что-то разбирал и собирал, перепаивая провода, вертел ручки и сокрушенно вздыхал. Галя старалась не подходить к нему.

Механик Добров ворчал поучающе:

— В Арктике каждый должен уметь при случае заменить другого. А у нас что? Только стряпать и можем по очереди.

— Это верно,— прямо глядя в глаза Доброву, сказала Галя.— Вы непременно должны научить меня водить машины, я вас буду учить геологии. А радиотехнике будем учиться вместе.

Добров покрутил усы и ничего не ответил.

— Так что, Галина Николаевна,— сказал он на следующий день,— рация накрылась. Надо нам поворачивать домой.

Галя нахмурилась.

— Мы еще не выполнили задание. Вы говорите, нас потеряют на базе? Последние дни рация работала с перебоями. На базе поймут, что она вышла из строя, а мы продолжаем выполнять задание. Так и будет.

Добров пожал плечами. Но решение начальника ему понравилось.

Чувствуя себя неравноправным членом группы, Ваня был в таком отчаянии от своего бессилия, что Галя стала обращаться с ним ласковее. Поручала ему собирать образцы пород в тех местах, где они останавливались.

Уже два месяца колесила геологическая группа по тундре, лишь изредка встречая оленьи стада и оленеводов, перекочевывавших ближе к морю, дальше от несносного гнуса, летевшего из тайги.

Находки, сделанные группой в последние дни, требовали широкого фронта работ. Может быть, удастся начать работы еще до снега. Будь у нее радио, Галя вызвала бы усиленный отряд с нужным оборудованием; теперь приходилось самой спешить на базу.

Солнце низко висело над горизонтом. Длинная тень вездехода, забегая вперед, словно нащупывала дорогу.

Галя думала о маме, старенькой учительнице, о Хибинах, о рыбачьем поселке, в котором Галя родилась.

Говорят, когда на это место пришли геологи, там не было ничего, кроме тундры и гор. А потом вырос замечательный город, заводы.

Геологи показались тогда Гале людьми, прокладывающими путь в «завтра». Она решила стать геологом. В войну она пошла защищать родные места. Потом, уже геологом,

пришла сюда, в северные пустыни, где тоже вырастут когда-нибудь города.

Было трудно... Хорошо, что выросла на Севере, хорошо, что мать воспитала в труде: это во многом помогло.

Кузов мерно раскачивался, наклоняясь на буграх. Галя то прижималась к дверце, то приваливалась к плечу Кузьмы Андреевича.

Он с заботой поглядывал на начальника. Из-под шапки выбился черный локон. В уголках губ усталые складки. Что-то ей снится? Может быть, видит во сне асфальтовое шоссе, про которое недавно говорила Доброву, видит заводы да города, что вырастут здесь, подле их находок?

Как у нее засияли глаза, когда осмотрела она последнюю, вырытую ими яму!

Кузьма Андреевич спрыгнул тогда к ней вниз. Галя рассказывала ему, он слушал, не все понимая... Эх, непременно будет он учиться на геолога! Сорок лет не так уж много. А то что он механик, так это только на пользу будет. В Арктике люди непременно должны друг друга заменять. Вот Ваня, он еще зеленый, а помочь сейчас некому...

Галя привалилась плечом к Кузьме Андреевичу. Машина накренилась влево. Добров быстро вывернул руль, перехватывая баранку. Но кузов кренился все больше, машина остановилась, забуксовала. Галя проснулась.

— Замечтался! — в сердцах воскликнул Кузьма Андреевич.

Ваня забарабанил в стенку кабины.

Галя распахнула дверцу и легко выпрыгнула на траву. Под ногами захлюпало.

Левое переднее колесо по самую ось ушло в топь.

Галя забежала за кузов, столкнулась с Ваней. Он стоял над левой гусеницей, почти по колено в воде.

— Не газуй, не газуй! — кричал Ваня.— Еще глубже гусеница уходит...

С трудом вытаскивая сапоги, Галя обошла машину. Добров выглянул из кабины.

— Назад, полегоньку,— спокойно скомандовала Галя.

— Вы бы сели в кабину, Галина Николаевна,— предложил Ваня,— а то вода зальет еще в голенища...

Галя улыбнулась.

— Берите лопату, Ваня.

Трещал мотор, то завывая, то замолкая. Крутились колеса, летели комья липкой грязи.

Забрызганные, измазанные, Галя и Ваня тщетно старались помочь мотору. Машина ушла в топь по самый кузов.

— Вот ведь какое дело,— сокрушенно говорил Добров, осматривая увязшие гусеницы,— а ведь когда-нибудь будут здесь асфальтовые дороги, пренепременно будут...

— Не вовремя о мостовых вспомнили, Кузьма Андреевич,— вздохнул Ваня.

Галя нахмурилась:

— Неужели придется ждать, когда подмерзнет? Мы не можем терять времени.

— А вот и вовремя о мостовых вспомнил,— резонно возразил Ване Добров и обернулся к Гале: — вскроем верхний слой с бугра. До мерзлоты и полуметра не будет. Начнем мостить мерзлыми «кирпичами»...

Ваня покраснел и полез в кузов за ломом и второй лопатой.

— Галина Николаевна! Мы сами... зачем вы лопату берете? — протестовал он.

Галя работала упорно, наравне с мужчинами.

На северном склоне бугра сняли оттаявший слой земли, докопались до вечной мерзлоты и, с трудом вырубая куски грунта, стали переносить их в вырытую гусеницами колею.

Через три часа Добров снова сел за руль, включил мотор. Кузов затрясся, машина дрогнула. Завертелись колеса сначала в одну, потом в другую сторону. Полетели мерзлые комья. И вдруг что-то хряснуло, мотор завыл, как от боли. Колеса остановились.

Побледневший Добров выскочил из кабины. Лопатой прорыв себе ход, он полез под кузов.

Галя и Ваня молча стояли, наблюдая за ним.

Совершенно мокрый, перепачканный, он наконец выбрался из-под кузова и поднялся на ноги.

— Так что, Галина Николаевна,— сказал он,— плохое дело... Карданный вал полетел... Теперь капут.

Галя отвернулась, чтобы спутники не видели ее лица.

Положение казалось ей отчаянным. Что скажет она подчиненным, которые ждут ее слова? Во всем виновата она. Надо было возвращаться, как только рация выбыла из строя. Но это значило бы на год отложить завершение поисковых работ! Имела ли она право рисковать? Но разве это был уж такой большой риск? Разве на фронте они посчитали бы такую поездку за риск? На фронте они и пешком...

Галя быстро повернулась к Доброву.

— Как вы думаете, Кузьма Андреевич,— спросила она спокойным голосом,— сколько километров осталось до базы?

Добров не смел смотреть в глаза начальнику.

— Больше двухсот, Галина Николаевна,— сказал он, понуря голову.

— Ваня, готовьте продукты в дорогу. Пойдем пешком,— решительно сказала Галя.

— Пешком? — оторопело переспросил Ваня.

Они пошли.

Застрявшая машина с крытым кузовом, беспомощно накренившаяся, долго была видна путникам.

Ваня часто оглядывался. Галя не оглянулась ни разу. Она шла первой. За плечами у нее был такой же рюкзак, как и у мужчин.

Поникший Добров шагал за ней.

Идти было трудно. Обманчивый зеленый ковер местами был непроходим. Бесконечные речушки, озерки и болотца встречались на пути.

Галя неутомимо шла вперед. У нее был мужской упругий шаг. Высокая, в ватных штанах, она походила на тонкого юношу.

Привалы были короткими. Отдыхали на вершинах бугров, где все-таки было не так сыро.

На следующий день солнце скрылось. По небу поползли размочаленные тучи. Выпала крупа. Тундра стала серой, как и воздух.

Путники не останавливаясь шли вперед.

Пошел снег. Он таял на земле, но порошил глаза, заползал за ворот. Поднялся сильный ветер.

«Больше двухсот километров! — с ужасом думала Галя.— За первые сутки мы прошли едва пятнадцать! Ведь почти на каждом шагу приходилось вытаскивать увязшие ноги. Что ждет нас впереди? Труднее всего держать себя в руках, подавать пример. Хватит ли у меня сил?

Главное, чтобы шаг был спокойным, уверенным. Не показывать усталости!..»

Вдруг Галя радостно вскрикнула; обернувшись к спутникам, она указала рукой на ближайшую гряду.

Олень!

Животное стояло, как бы всматриваясь в приближающихся людей. Через мгновение оно помчалось вниз по склону. На гряде появлялись все новые и новые олени и скатывались следом за первым. Они мчались вскачь, а их рога, параллельные земле, словно плыли над ней.

Оленье стадо! Близко люди!

Путники прибавили шагу. Олени проносились мимо них. Это были небольшие животные, ростом едва по грудь человеку.

Галя остановилась, любуясь легкостью несущихся оленей.

Нарты! — крикнул Ваня.

С гряды быстро спускалась оленья упряжка — шесть оленей веером. Сидевший на нартах ненец правил длинным шестом.

Путники замахали руками. Нарты остановились. Ненец в оленьей кухлянке сошел на землю.

Очень здравствуй,— сказал он, обращаясь к Доброву.— Почему пешком тундра ходить?

Узкие глаза на морщинистом лице приветливо щурились.

— Машина поломалась,— ответил Добров.

— Ай-ай-ай! — закачал головой ненец.— Плохой дела... Поедем наш чум. Угощать будем. Скажи жена, пусть мешок кладет.

— Это не жена,— сказал Добров.— Это начальник.

— Начальник? — удивился ненец, недоверчиво оглядывая Галину Николаевну.

Оленям трудно было везти четверых. Старый ненец решил идти пешком и передал длинный шест Доброву. Тот отрицательно покачал головой.

— Рулевое управление не по мне.

— Я умею,— сказала Галя.— Давайте сюда хорей.

Ненец взглянул на нее с уважением.

Через час путники сидели в чуме у председателя оленеводческого колхоза.

— Ай-ай-ай! — сокрушенно качал головой старик, слушая гостей.— Радио поломал, машина поломал...

— Мы очень просим,— говорила Галя,— доставить нас до ближайшего места, где есть радио. Мы дадим о себе знать, вызовем помощь...

— Ай-ай-ай! Очень много километров... Однако ваш радио совсем плохой?

— Совсем плохой,— подтвердил Ваня.— Вот я — радист, а ничего поправить не мог.

— Ты поправить не мог? — переспросил старик.

Откинув меховой полог чума, вошла женщина. Старик засуетился.

— Оленя резал,— говорил он.— Мясо кушать будем. Сырой мясо будешь кушать?

Обратившись к женщине, старик сказал ей несколько слов и пояснил гостям: сейчас она один нужный человек звать будет.

— Позвольте мне сварить оленину,— попросила Галя.— Я очень хорошо умею готовить.

— Зачем портить хороший мясо? Как хочешь... Ты мой гость,— пожал плечами старик.

Галина Николаевна вышла следом за женщиной.

— Не жена? — недоверчиво переспросил старик.— Один женщина тундра ходит... Начальник? Почему стряпать хочет?..

В чум входили все новые и новые ненцы. Здоровались с гостями за руку и садились подле них на разостланные оленьи шкуры. Все пришедшие, несмотря на теплую погоду, сидели в меховых кухлянках. Только один был в солдатской шинели. Верно, недавно вернулся из армии.

Галина Николаевна принесла вареную оленину. Началось угощение. Из уважения к гостям ненцы ели приготовленное Галей кушанье.

— Мы не так кушаем,— объяснял старик.— Вареный мясо — порченый. Мы вот так кушаем.

Достав острый нож, он взял кусок сырой оленины, поднес его ко рту и, схватив зубами, отрезал ножом кусок у самых губ.

— У нас нет овощей и витаминов,— сказал ненец в шинели.— Сырое мясо предохраняет наш народ от цинги.

Ваня удивленно смотрел на говорившего.

— Это правда,— подтвердила Галя.— Мне пришлось однажды проверить это на себе. Я поборола цингу сырым мясом.

Старик одобрительно посмотрел на Галю.

— Хорей в руке держишь... тундра ходишь... мясо понимаешь... настоящий человек...

Галя посадила к себе на колени маленького мальчонку с блестящими, как бусинки, глазами и черными жесткими волосами.

— Почему я не вижу у вас ребят постарше? — спросила она.

— Школа уехал,— ответил старик.

— У нас в тундре теперь организованы школы с интернатами. Ребята уже съезжаются,— пояснил ненец в шинели.

— Вылка там учить будет,— старик указал на говорившего.

Вылка смутился:

— Я еще не знаю. Не решил, где буду работать.

— После армии? — спросила Галя.

— Да, после армии.

— Шесть лет дома не был. Отец ушел, брат ушел,— заметил старик.

— Куда ушли?

— Отец — исполком председатель. Брат картинки рисует.

— Мой брат художник и резчик по кости,— пояснил Вылка.

— Я думал, ты жена,— снова обратился к Гале старик.— Раньше тундра русский женщина не ходил. Купец ездил без жена. Приедет в стойбище. Кушает, пьет, торгует... Потом жена давай!

Правда, что у вас такой обычай был — давать гостю жен? — спросил Добров.

Не было такого обычая! — горячо возразил Вылка.— Это купцы пустили легенду. Они заставляли бедных людей отдавать им своих жен и клеветали, что такой обычай...

Купца нет...— сказал старик,— богатей-оленевод больше нет... колхоз есть... олени общий, а жена у каждого ненца свой... Вот так теперь живем...

А мы хотели просить у вас помощи,— обратилась ко всем присутствующим Галя.— Нам нужно дать знать о себе по радио. Скажите, какой самый ближний пункт, где есть рация?

— Далеко, ой, далеко будет! — закачал головой старик.— Оленям долго бежать придется... Шибко далеко, однако...

— Я думаю, что самый ближний пункт — это ваш вездеход, где осталась рация,— неожиданно сказал Вылка.

— Так ведь рация испорчена! — вырвалось у Вани.

— Я тоже так думал. Вездеход близко, полярная станция далеко... Я Вылку просил...— указал старик на демобилизованного.

— Ты, что ж... проводить нас сможешь? — спросил Вылку Добров.

Вылка, коренастый, неторопливый в словах и движениях, переждал минуту, а потом сказал:

— Провожу вас... постараюсь помочь... Провожу до вездехода.

— До вездехода? Вы что, смеетесь? — вскричал Ваня.

Галя успокаивающе подняла руку.

Через тундру один за другим шли четыре крытых вездехода. Каждый шел своей дорогой, вернее без дороги, оставляя за собой мокрую колею.

Длинные тени машин ползли по земле, забираясь на пологие бугры.

Тундра походила на зеленое море, то вскидывающее автомашину на гребень волны, то опускающее ее в болотистую низину.

На очередной гряде с первого вездехода заметили далекую накренившуюся машину с крытым верхом.

— Наконец-то! Это они! — воскликнул начальник партии, сидевший в первой кабине.

Навстречу вездеходам мчались оленьи нарты.

Галя правила хореем.

Вездеход и олени встретились в низине. Галя соскочила на мокрую траву, подбежала к автомашине и крепко, по-мужски, пожала протянутую из кабины руку.

У накренившегося вездехода стояли Добров, смущенный Ваня и ненец Вылка в солдатской распахнутой шинели. На гимнастерке виднелась колодка орденов.

— Здравствуйте, товарищ Вылка! — первым поздоровался с ним начальник партии.— Спасибо, что выручили наших.

Вылка улыбнулся:

— Не за что, товарищ начальник. Один конденсатор пробило, другой утечку давал. Я только немного изменил схему. Вот рация и заработала.

— Спасибо, Вылка! — сказала Галя.— Я благодарю вас уже, наверное, в тысячный раз.— Галя неожиданно обняла и поцеловала ненца.— Подумайте только, Георгий Ильич,— обратилась она к начальнику партии.— Кто мог ожидать, что в стойбище мы найдем такого радиста!

— Армейский радист! — многозначительно заметил начальник партии.— А на вас уже покушаются,— повернулся он к Вылке,— зовут работать на ближайший радиоцентр.

— Спасибо,— с достоинством ответил Вылка. Он стоял перед приехавшими спокойный, низенький, коренастый, неторопливый.— Спасибо. Может быть, я подожду. Я хочу, чтобы в каждом стойбище, в каждом чуме было радио. Это непременно надо сделать.

— Будет сделано... многое будет сделано! Вы свяжитесь со всеми, кто из армии вернулся,— посоветовал начальник.

Ване наконец удалось отвести начальника партии в сторону.

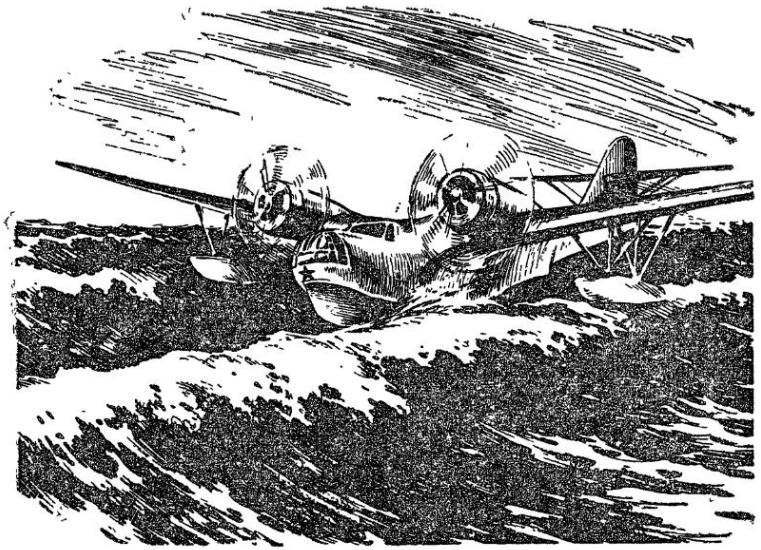
— Я на курсы попрошусь...— горячо, но шепотом говорил он.— А потом на зимовку... на самую дальнюю зимовку! Я теперь понял, каким должен быть полярный радист,— и он посмотрел на ненца в солдатской шинели.

Мы сидели с Галей на крыльце рыбачьего домика. Со стороны аэропорта шел заправившийся бензином вездеход.

— Вылка научил не только Ваню,— рассказывала Галя,— он научил меня умению владеть собой, умению так просто и радушно предлагать и оказывать помощь. А вы знаете, он действительно провел радио в чумы, а теперь работает начальником смены радиоцентра. До армии он едва знал грамоту. Теперь он мечтает о дальнейшей учебе. Если вы увидитесь с ним, пожмите ему руку. Может быть, вы увидите и радиста Ваню. Передайте ему, что мы с Кузьмой Андреевичем всегда вспоминаем о нем. А теперь прощайте,— сказала Галя, вставая.— Добров уже ждет меня.— Она пожала мою руку.— Смотрите, рыбаки заводят сети.

Я смотрел вслед удалявшемуся вездеходу. Он то появлялся на бугре, то исчезал в низине. Геологи отправлялись прокладывать дороги в «завтрашний день».

На горизонте горела оранжевая заря, заменявшая в этих широтах ночь.



ОСТАНОВЛЕННАЯ ВОЛНА

Занявшаяся заря отражалась в реке, и вода казалась оранжевой.

На берегу несколько человек заводили сети.

Мой попутчик Нетаев, молодой штурман дальнего плавания, направлявшийся, как и я, на «Георгия Седова», должен был сменить на корабле заболевшего помощника капитана. Нетаев ушел к начальнику аэропорта и долго не возвращался.

Я решил посмотреть на рыбаков и спустился к ним.

Несколько рыбаков тянули сеть по берегу, а их товарищи в брезентовых робах, зайдя в реку по грудь, медленно шли в ледяной воде.

Сеть вытянули на песок. Рыба шевелилась в ней, как живое серебро.

Я никогда не предполагал, что на Дальнем Севере ловится столько разной рыбы. Тут и корюшка, и навага, и даже камбала, которая, как мне казалось, живет только в южных морях. Иногда попадалась небольшая безобразная рыбешка. Ее с отвращением выбрасывали обратно в воду. Это морской черт. Он похож на сказочного лешего.

Наконец вернулся Нетаев. Лицо его было спокойно, но голубые глаза взволнованно перебегали с предмета на предмет.

— Несчастье на острове Угаданном! — явно сдерживаясь, ровным голосом заговорил он.

Рыбаки подошли к нам. Одна или две проворные рыбки выскочили из сетей и, судорожно подпрыгивая, добрались до воды.

— Пропали зимовщики — механик Гордеев и второй радист Панов,— сказал Нетаев.

— Как пропали? — забеспокоился старый рыбак с серо-желтыми усами.

— Пошли охотиться на нерпу, и со вчерашнего дня нет...

— Беда-то какая! А искали? — послышались голоса.

— Искали. Шли по лыжне. Лыжня обрывается у кромки льда.

— Стало быть, остались на льдине,— сказал старик и снял шапку. Голова у него была изжелта-седой.

— А погода там какая? — спросил молодой рыбак в солдатской шинели.

— Шторм.

— Значит, шторм и отломил льдину.

— Только двое их?

— Двое. Собака еще с ними. Продовольствия нет.

— Горе-то какое!.. Арктика — она лютая да поворотная. Погибли ребята беспременно. Поди, молодые? — сокрушался старик.

— Молодые.

— Вы Баранова ждете? — спросил нас демобилизованный.

— Баранова.

— Вот если бы Баранов...

— Да, если бы Баранов! — согласились окружающие.

Мы шли к аэропорту. Я думал о пропавших зимовщиках. До острова Угаданного тысяча километров. Рыбаки отнеслись к несчастью на далеком острове так, словно оно произошло в крайнем доме поселка.

В аэропорте мы узнали от радиста последнюю новость. На остров Угаданный только что вернулась мокрая собака... одна, без охотников. На шее у нее ножевая рана.

Что же произошло на льдине, когда штормовой ветер тащил ее вдоль острова? Кто скажет?..

В небе показался самолет. Сначала он походил на черточку. Потом превратился в красавицу-птицу с застывшими в полете крыльями.

Птица скользнула по воде, грудью разрезая оранжевую гладь. Появились два буруна с седыми гребнями.

Два вращающихся с ревом винта казались блестящими дисками. Линия крыльев была много выше корпуса лодки, напоминавшего изящное тело чайки. На концах крыльев появилось по поплавку, один из которых уже касался воды, вздымая пену, а другой еще шел над гладью реки.

Летающая лодка развернулась и стала приближаться. С берега от бензиновых цистерн шли мостки. Работники аэропорта, в керзовых сапогах и ватниках, уже тянули шланг.

— Почему здесь заправляемся, а не на Диком? — спросил плечистый пилот, выходя из шлюпки на берег.

Мы уже знали его. Это Матвей Баранов.

Вместо ответа начальник аэропорта протянул пилоту радиограмму. Летчик взглянул на нас, кивнул и углубился в чтение.

У Баранова были крупные черты лица, глубокие складки у губ, мохнатые брови. Лицо его могло бы показаться суровым, если бы не ямка на подбородке, как-то смягчавшая его.

Как всем пилотам, ему приходилось часто прищуриваться, напрягая зрение, и от уголков глаз к вискам разбегались веером мелкие морщинки.

— А я хотел заночевать, влажность в твоем буфете убавить,— сказал он начальнику аэропорта и улыбнулся.

— Думаю о другом,— покачал головой начальник, старый пилот, давно оставивший полеты.— Ведь ты четырнадцать часов в воздухе.

— Надо осмотреть и проверить моторы,— сказал Баранов и обернулся к своему спутнику. Тот вытаскивал из шлюпки какие-то мешки.— Костя, грузи обратно. Сразу полетим!

— Полетим? А заправка?

— Не видишь? Цистерны...

— Это посуда не для той заправки! — озорно блеснул глазами Костя.

Рядом с командиром корабля Костя казался маленьким, шустрым. Это про него рассказывал нам начальник порта.

Во время войны Костя был военным летчиком. Не раз имел взыскания за авиалихачество и попал на исправление в железные руки Баранова. Они сдружились. Однажды, когда Костя вернулся с задания, он лег спать, и Баранов, отправляясь на вечеринку, не мог его разбудить. Костя проснулся и, обнаружив, что Баранов оставил его, отправился в один из кабинетов школы, в которой стояла часть, принес человеческий скелет и положил его под одеяло приятелю. Вернувшийся Баранов в ярости стащил Костю с кровати. Конечно, это не нарушило их дружбы.

Баранову как-то пришлось спрыгнуть с подбитого самолета на парашюте; Костя, чтобы помочь другу, сел на своей машине на болотистую тундру «на брюхо». Рация была повреждена, и летчики не могли дать о себе знать. Неделю они делали взлетную площадку, выправляли поврежденный винт и все-таки прилетели на свой аэродром, где их считали погибшими.

Шлюпка направилась к летающей лодке. Механики занялись моторами. Баранов подошел к нам, поздоровался, пред-

ложил закурить. Вокруг нас собрались ребятишки из рыбачьего поселка. Один из них — черненький ненец — был в крохотной настоящей кухлянке, в которой ему, верно, было очень жарко.

Я догадывался о содержании радиограммы и с интересом наблюдал за Барановым. Летчик часто поглядывал на готовящуюся к полету лодку, но лицо его было непроницаемо. Он шутил с ребятишками, потом протянул им кожаный портсигар. Ребята ахнули от изумления и отрицательно замотали головами. Баранов рассмеялся.

— Вот всегда так. Папиросы интересны, если их прячут. Ладно, возьмите... на память!

Ребята так и не взяли папирос. Баранов обернулся к нам:

— У меня двое таких же сорванцов. Я им каждому по серебряному портсигару подарил. Наверняка курить не будут. Только запретный плод сладок. Вчера получил от них радиограмму. Ждут живого медвежонка. А я им кусок диковинного угля привезу. На острове одном нашли. Уголь как будто бы и каменный, а легкий. Почему вы стоите? — вдруг переменил он тон.— Где же ваши вещи? Задерживаться нельзя...

Пока мы ходили за вещами, нам удалось кое-что узнать о Баранове.

Почти пятнадцать лет летает он в Арктике. Зиму живет с семьей в Москве, испытывает там самолеты, но как только начинается арктическая навигация, летит на Север и возвращается только по окончании навигации. Мечтал о зимних полетах в полярную ночь, помогал сделать их регулярными.

Когда мы вернулись, в баки заливали горючее.

Баранов, высокий, грузный, расставив ноги в собачьих унтах, разговаривал с синоптиком аэропорта.

— Значит, дня на три зарядил? Волнение крепкое? — услышали мы его голос.

— Счастливых посадок,— прощаясь, сказал синоптик.

Баранов скрылся в летающей лодке. Скоро и мы с Нетаевым полезли туда и очутились в просторной кабине со стеклянным полукруглым верхом.

Подошел катер с начальником аэропорта. Он сам хотел отбуксировать лодку на старт.

Из кабины летчиков выглянул Костя, подмигнул нам и снова исчез.

Летающая лодка медленно плыла вслед за катером. Река была удивительно спокойна. В ее водах все еще отражалась золотистая заря. В этих широтах в августе золотистые ночи.

Через стеклянный верх кабины было видно, как отбуксировавший нас катер быстро уходил к берегу.

Заревели моторы. Казалось, сейчас летающая лодка рванется вперед и пойдет в воздух. Наконец-то!

Через мгновение мы потеряли катер из виду. Мимо быстро плыли домики рыбачьего поселка, крохотные фигуры рыбаков на берегу. Потом перед нами оказалась ровная водная гладь, вдалеке появился едва видимый противоположный берег реки.

Лодка поворачивалась. Может быть, Баранов выбирал направление для взлета? Снова в поле зрения домики рыбачьего поселка, дом аэропорта, катер, направляющийся к берегу.

Лодка крутилась на месте. Зачем это? Что-нибудь не в порядке?

Появился Костя.

— Вальс танцуем,— объяснил он.— Моторы прогреваем. Сухопутный самолет, пока моторы прогреваются, стоит как вкопанный, а нам плясать приходится. Оно и веселее!

Мы сделали еще много оборотов в этом своеобразном танце. Могучая машина проверялась в последний раз. Пропеллеры ровно ревели.

И вдруг лодка рванулась вперед. Домики поселка остались позади. Вода от бурунов поднялась и закрыла стекла кабины. Казалось, мы погрузились в воду. Белая пена стремительно проносилась мимо окон.

Неожиданно волны исчезли. Лодка быстро набирала высоту, направляясь к открытому морю.

— «Сухуми»,— сказал Нетаев.

Я посмотрел вниз. Там виднелся игрушечный пароходик. Он стоял на рейде.

Было приятно рассматривать землю. Когда мы летели сюда, самолет все время шел над облаками.

Скоро и поселок, и устье реки, и пароходик скрылись.

— Горы! — крикнул Нетаев.

Я обернулся. Позади нас из-за горизонта поднимались туманные очертания гор, скорее похожих на тучи.

— Урал,— сказал мне в самое ухо моряк.

— Урал? — поразился я.— Сколько километров?

— Сто.

Видеть за сто километров? Это казалось неправдоподобным.

Морская губа осталась позади. Внизу виднелся странный ландшафт. Не море ли это с плавающими на нем льдинами?

На зеленоватом фоне были разбросаны тысячи круглых и продолговатых разноцветных пятен — темно-зеленых, голубых, коричневых и белых. Некоторые из них извивались, как цветные ленты.

— Тундра,— бросил Нетаев.

Вот оно что! Значит, цветные пятна — это вода: бесчисленные лужи, озера, ручейки и реки. От почвы и глубины водоемов зависел их цвет.

Полуостров остался позади. Мы шли над полярным морем.

Вот они, льдины. Маленькие белые пятнышки, рассеянные по водному простору. Поразила странная геометрическая сетка, как бы своеобразная штриховка, нанесенная на воду.

Вышел Матвей Баранов и пригласил нас в жилую кабину — закусить.

— Это волны,— сказал он нам про загадочную сетку.

По стенам кабины были койки в два этажа. Мы уселись на нижние. Сверху опустили доску, подвешенную к потолку. Она заменяла стол.

Копченый омуль поразительно вкусная, нежная рыба.

— Получил задание лететь на Угаданный,— говорил Баранов.— Надо найти льдину с людьми.

— Почему же мы идем не на север? — спросил моряк.

Баранов вскинул глаза на Нетаева.

— У острова Угаданного шторм,— сказал он.— Высажу вас на остров Дикий.

Мы с Нетаевым переглянулись. Почему нас надо высаживать? Разве не проще вместе с нами лететь на остров Угаданный?

Баранов, ничего не объяснив, ушел сменить Костю, который очень беспокоился, что омуля съедят без его участия.

— На льдину с людьми мы только сверху посмотрим. На море шторм. Не сядешь,— рассказывал нам Костя, уплетая рыбу.— На бухте Дикого и то сесть трудно. Волнение, чтоб ему...

Показался остров Дикий. Мы сделали над ним круг. В бухте, отделявшей остров от материка, стояло на рейде несколько кораблей. На серо-голубоватых скалах приютились домики и мачта радиостанции. На противоположной стороне бухты виднелся порт.

Мы быстро снижались. На волнах белые гребешки. Костя озабоченно смотрел в окно.

И вдруг толчок. Нетаев полетел назад, ударился о переборку. Мимо окна пронеслась волна с седым гребнем, в следующее мгновение она куда-то провалилась. И опять удар...

— Вот это тряхануло! — неизвестно чему обрадовался Костя и скрылся в кабине летчиков.

В приоткрытой двери мелькнули лица бортмеханика и радиста.

Пол кабины уходил из-под ног...

— Нормальная морская качка,— удовлетворенно сказал Нетаев.

Я посмотрел в окно. Мы плыли по неспокойной бухте. Впереди вверх и вниз качались базальтовые скалы, два двухэтажных дома, высокая радиомачта, ветряк...

— Волнение балла три,— отметил Нетаев.

Я подумал об острове Угаданном.

— А там каково? — словно подслушав мои мысли, проговорил моряк.

К летающей лодке подошел и запрыгал на волнах катер. Нетаев передавал мне чемоданы.

Катер шел к берегу, зарываясь носом в волну. Брызги окатывали нас с головы до ног. Мы не спустились в каюту и наблюдали, как, выходя на старт, разворачивается летающая лодка.

Вот, прыгая на волнах, птица с распростертыми крыльями понеслась вперед. Сквозь вой ветра и шум моря мы услышали рев моторов. Могучая машина, перепрыгивая с гребня на гребень, уходила от нас. Еще несколько секунд, и между ней и волнами я заметил полоску серого неба.

Запрокинув головы, мы провожали глазами самолет.

Где-то там шторм. Оторванная от острова льдина плывет в туманном море. А на ней два человека...

— Баранов сбросит продовольствие, укажет, где они,— сказали нам на берегу.— На выручку пойдет «Георгий Седов», но...

— Трудно будет найти их в открытом море?

— Очень трудно. Почти невозможно...

«Георгий Седов» находился на севере моря. Нам с Нетаевым еще предстояло добираться до него с попутным пароходом. Если «Седов» уйдет к острову Угаданному, мы на него не попадем.

Мы бродили по острову Дикому. Кое-где у подножия скал лежал снег. Между камнями зеленели мох и низкая полярная трава. Я нашел несколько крохотных, крепко пахнущих цветочков. Под ногами шныряли лемминги — зверьки, похожие на крыс, только пестрые. Между их норками были протоптаны аккуратные дорожки.

Мы прошли в радиоцентр. Большой зал был наполнен стрекотом аппаратов. Радисты и радистки в наушниках сидели над ключами и пишущими машинками. Принимая на слух, они сразу печатали текст.

Нам показали радиста Грачева, поставившего рекорд на состязаниях полярных радистов. Он успевал принять на слух запись специального аппарата и напечатать на машинке невероятное количество слов в минуту, чуть ли не вдвое больше обычной машинистки.

Сейчас Грачев держал связь с островом Угаданным. Его крупное, почти квадратное лицо с выдающимися скулами было нахмурено.

— Баранов прошел над островом. Идет,— бросил он через плечо подошедшему к нему начальнику смены, ненцу Вылке.

Вылка пошел к телефону... Глядя на него, я вспомнил рассказ Гали в Усть-Камне.

В Усть-Камне нам с Нетаевым поспать не удалось. Со времени вылета из Архангельска мы не ложились уже больше суток, но сейчас было не до сна. Каждая радиограмма Баранова тотчас передавалась по всему острову.

Через два часа после нашего прибытия все население острова Дикого собралось на берегу. Так бывает только во время авралов, когда приходят грузы.

Запрокинув головы, люди смотрели в небо.

Раздавались голоса:

— Только Матвей Баранов мог это сделать!

— Не поверю, пока сам не увижу.

— А видели, как он ударился, когда давеча садился на бухту?

— Вот потому и поверить не могу...

— Я сам принял радиограмму,— веско сказал Грачев.

— Летит! Летит!

— Сможет ли сесть? Не поломалось ли у него там что-нибудь?

— У Баранова-то?

— Все-таки... нет ли повреждений?

У Нетаева был морской бинокль. Я увидел летающую лодку. Она снижалась торопливо, без традиционного круга.

Скоро лодка пошла над верхушками волн. Вот она коснулась их, подскочила, словно подброшенная вверх, опять опустилась и понеслась по волнам, вздымая брызги.

— Сел! Сел! — закричали в толпе.

Летающая лодка с ревом пошла в маленькую бухту.

Увязая ногами в топкой почве, люди бежали к мосткам.

Навстречу плывущему самолету несся катер.

Вскоре на мостки причала поднялось несколько человек. Среди них был Костя. Он усердно размахивал руками.

— Который тут радист Панов? Механик Гордеев кто? — спрашивали в толпе.

— А вон в меховой куртке, высокий с ружьем. Это и есть Гордеев. Мы с ним на острове Русском зимовали.

— Он оттуда и перебрался на остров Угаданный?

— Оттуда.

— А теперь сразу на Дикий попал. Два дня назад, наверное, и не думал об этом.

— Два часа назад не надеялся...

Взволнованные люди расступились.

Два полярника, в меховых куртках, с ружьями за плечами, попали в объятия встречающих. Мы с Нетаевым тоже подошли пожать им руки.

У спасенных были изнуренные, растерянно-радостные лица. Панов — маленький, курносый паренек, видимо впервые попавший на зимовку,— был даже смущен таким сердечным прие-

мом. Гордеев, костлявый, высокий, сконфуженно разматывал с шеи красный шерстяной шарф.

— Да мы за нерпой... собак кормить... мы ненадолго...— отвечал он кому-то.— Как же нам теперь обратно, на Угаданный?

Обоих потащили в буфет — угощать.

— Мы омуля копченого наелись,— отнекивался Панов.

Сквозь толпу мы пробились к Косте. Блестя глазами, он в десятый раз рассказывал:

— Увидели их, когда облетали район острова. Баранов так рассчитал: если собака три часа назад вернулась — значит, они где-то тут, подле острова. Далеко их не унесло.

Подошел Грачев.

— А вы знаете, зачем они собаку ранили? — спросил он.

Все обернулись к нему.

— Хотели, чтобы она на станцию прибежала, дала бы знать, что они тут, близко. Нужно было переплыть полынью до берега. Собака не хотела уходить. Вот ее и ранили, чтобы убежала.

— Я сам об этом хотел рассказать,— перебил Костя.— Они ее пырнули ножом, вроде письмо послали: дескать, живы, близко. Вот их Баранов и нашел по обратному адресу.

— Но как вы сумели взять их на борт? — спросил Нетаев.

Костя посмотрел на него насмешливо.

— Помнишь, как нас навернуло в бухте при трех баллах?

Нетаев потер затылок.

— Потому Баранов вас и высадил. Не хотел с вами рисковать. Он уже решил садиться на воду в шторм.

— Вот этого я никак не пойму,— вставил Грачев.— Надо Баранова расспросить.

— Он и разговаривать об этом не станет. Не знаешь его? — возмутился Костя.— Я сам расскажу, как он это сделал. Видели сверху море, когда шторм? Оно все будто заштриховано.

— Да, да... я заметил,— вспомнил я.

— Это волны. Они бегут рядами. Каждая линия — гребень волны. Если такой гребень ударит лодку — гроб. При посадочной скорости — ей каюк.

— Как же Баранов?

— Сначала я сам ничего не понимал. Вижу, над самыми волнами идем. Пена на них такая... лохматая, серая. А Баранов выруливает, чтобы вдоль гребня идти. Ну и вырулил. Тут и я понял, что он делать хочет. Вижу, словно застыли под нами волны, остановились. По морю мы с ними с одной скоростью движемся... ну и перемещаемся, летим вдоль волны. Вот представьте, что вы вкось по перрону бежите, все время находясь против дверцы движущегося вагона. Так же и мы... Летим по морю вкось и все время над одной и той же волной.

А волна здоровая, прямо как железнодорожная насыпь... Было бы волнение меньше — ни за что не сесть! А тут он сел прямо на гребень. Было где поместиться!

— Артист!

— Опустились мы на гребень без удара. Бить нас потом начало, когда мы потеряли скорость, с волны сошли. Ох, и било, ох, и качало... елки-палки! Думал, разобьет машину... Нет, ничего, сняли мы их со льдины. Крепко ребятки натерпелись. Глазам не верили, что мы сели... А в воздух поднялись вот как: подрулил Баранов севернее острова к двум ледяным полям. Между ними волнение уж не то было. Вот мы и взлетели.

— Теперь догоним «Седова»! — обрадовался Нетаев.

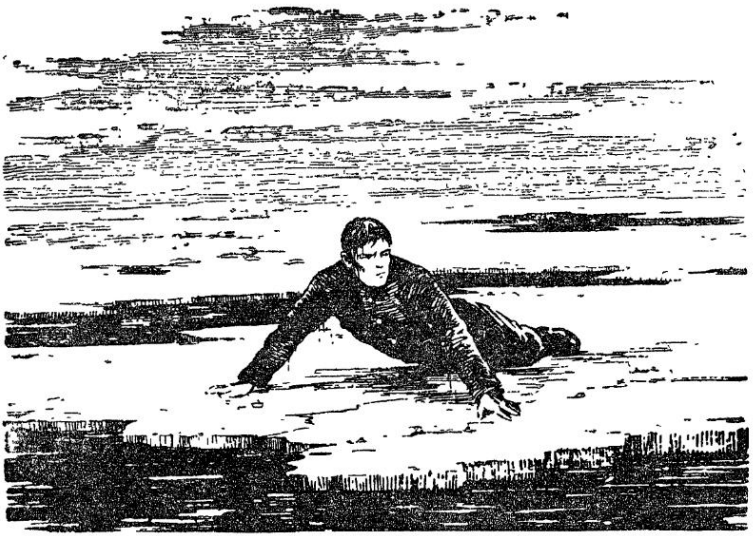
Потом мы увидели Баранова. Высокий, широкоплечий, прикрываясь полой куртки, он закуривал. Бросив спичку, обернулся и протянул знакомый кожаный портсигар.

— Закурим,— сказал он, улыбаясь.

Папиросы брали все, даже я, никогда не куривший.

Кстати сказать, из-за ветра или от чего другого, но никто не закурил.

Папироса летчика Баранова до сих пор хранится у меня в память об Арктике.



ПОЛЯРНЫЙ ВАРЯГ

— На память об Арктике я подарю вам фотографию корабля,— сказал мне радист Грачев.

Я взял переданный мне снимок. Небольшой торговый пароход. На борту можно разобрать: «Дежнев».

Я знал, что Грачев побывал едва ли не на всех полярных кораблях.

— Вы плавали на «Дежневе»? — спросил я.

— Нет. Радистом на нем я не плавал. Но этот корабль мне особенно дорог.

— Почему?

— Это «Полярный Варяг».

— Варяг?

— Разве вы не слышали о знаменитом бое между торговым пароходом «Дежнев» и немецким бронированным военным кораблем?

Мне даже неловко стало — как же мог я забыть! Я ведь даже видел картину какого-то художника, где нарисован этот бой с борта «Дежнева».

— Я мог бы нарисовать этот бой с борта немецкого рейдера,— сказал Грачев.

— С борта рейдера? — изумился я, поглядев на Грачева, но его квадратное лицо с глубокими морщинами было серьезно.

— Всему миру известен этот случай у полярного острова,

но никто, кроме меня да гитлеровцев, не испытал на себе силу дежневских снарядов.

— Об этом можно рассказать? — нерешительно спросил я.

— Отчего же... Об этом много писалось. В «Двух капитанах» про рейдер этот тоже упоминается. А если хотите послушать очевидца, послушайте.

И радист Грачев рассказал:

— Время тогда было напряженное, военное. Ходил я на небольшом кораблике, старом, заслуженном. Нет полярника, который не знал бы его имени. И я его любил, как родной дом любил. Мы обходили полярные станции, завозили полярникам продовольствие, оборудование, топливо... Вот как сейчас «Георгий Седов» делает, на который вы попасть должны...

Про рейдер германский мы ничего не знали. Слышали только, что иногда он пробирается на наши коммуникации. Встретились с ним, подлым, случайно, в таком месте, где корабли никогда и не плавают. Только наш кораблик и могло туда занести.

Туман как раз раздернуло. Видимость двадцать миль. На горизонте дымок. Что за чертовщина? Какой корабль мог тут оказаться? Запрашиваем по радио. Ответа нет!

Подошли немного ближе, смотрим... Вот те штука! Да это немецкий военный корабль. Вот он где крадется!.. Воспользовался, что в этом месяце в море льдов на редкость мало.

Расстроили мы подлецу всю его операцию. По радио о нем сообщили и стали удирать. Он за нами. Лед бы нас спас, да между льдом и нами — рейдер. Несемся на всех парах. Рейдер по радио велит нам лечь на дрейф. Ну, я бандиту этому по приказу капитана такое отстучал, что не знаю, как уж они там на свой язык перевели...

Гонка, сами понимаете, неравная. Стал рейдер нас снарядами накрывать. То перелет, то недолет. Потом ближе стали ложиться снаряды. Впереди «белое небо». Это лед на облаках отражается. Значит, близко льды.

Спешим мы ко льдам, а рейдер от нас уже милях в десяти. Вдруг меня в радиорубке так тряхнуло, что чуть зубы о приемник не вышибло. В корму прямое попадание. Надстройка вспыхнула. Стали тушить, а корабль ходу не сбавляет. Кочегары пар нагнали выше нормы.

Наконец лед показался. Никогда мы его с такой надеждой не ждали. Второе попадание в борт. Все!

Дым повалил, у меня в рубке дышать нечем. Капитан приказал шлюпки спускать. А лед близко, рукой подать. Ну хоть люди до него доберутся. У нас на борту женщины и дети были.

В рубке я один сижу... Капитан последние донесения в штаб передал, потом моряки радиограммы стали отправлять. Нельзя не передать. А дымище в рубке — слезы из глаз.

Всякие радиограммы мне давали. В общем правильные

радиограммы. Только один морячок у нас не выдержал. Велел жене передать, что погибает и пусть, мол, она сына в море не пускает. Я передал... да не очень точно.

Паренек у него хороший. Он в мореходном училище теперь в Архангельске учится.

Смотрю, наш старик пароходик крениться стал. Не разберешь, где в рубке стена, где палуба. Решил я, что пора давать: «Кончаю передачу»...

Налил себе стакан спирта и стучу ключом; пью, дескать, последний стакан и тот за Победу... Выпить только полстакана удалось: соленой водой спирт разбавило, через иллюминатор вода полилась. Я к двери. Оглянулся — аппаратуру водой заливает. Еще подумал: «Эх, изоляцию испортит». Совсем голову потерял.

Корабль уже на борт лег. Я по палубе, как по стене, лезу. Вижу, капитан стоит, за реллинги держится. Заметил меня, на море рукой показывает — прыгай! Больше я его не видел. С корабля меня волной смыло.

Ох, вода холодная! Плыть невозможно. Трепыхаюсь, как щенок. Дух захватило...

И вдруг заметил... Совсем недалеко шлюпка перевернутая. Вмиг до нее доплыл. Ухватился за киль, а выбраться из воды не могу: сил нет. Понимаю, что закоченею в воде — тогда конец. Начал подтягиваться на руках. Дерево скользкое, грудью на него лягу, а удержаться не могу, сползаю. Еще и еще раз подтянулся, все локти пытался за киль забросить.

Не знаю как, но все-таки влез на шлюпку, на киль верхом сел. Перед глазами круги мелькают, сам весь мокрый, в горле пересохло.

Оглянулся — старика нашего нет, потонул. Меня замутило сразу. До того никогда морской болезнью не страдал... А рейдер совсем близко подошел, катер спускает. В другую сторону посмотрел — вижу: шлюпки к льдинам пристали, народ на лед выбрался. Я маленьких пересчитал — детишек с корабля. Помню, четверо их было. Живы, ну счастье!

Катер прямо к льдине идет. По дороге одну шлюпку нагнал и людей забрал. Потом к льдине направился. Думаю, сейчас и детей с льдины снимут.

А фашист к льдине не пошел. Из пулемета очередь дал. Упали наши люди на льдине. Не знаю, кто убит был, кто так упал... Бандит еще по лежачим стрелял. Такая меня ненависть одолела. Сижу я на киле шлюпки и ругаюсь.

Не знаю, за кого они меня приняли. Может быть, за капитана... они видели, как я последним с корабля сошел. Направили ко мне катер.

Внутри во мне все напряглось, и про холод позабыл.

Документы у меня в бумажнике лежали. Вынул я бумажник, сунул в него набор радиоинструмента, отверточки вся-

кие — для веса. Потом выбросил бумажник в воду. Партбилет отдельно был... на тельняшке, в специальном карманчике. Вслед за бумажником сам прыгнул в воду. Нырнул, как нерпа, под лодку. Там вынырнул, дышу. Может, бандиты подумают, что утонул.

Но бандиты к шлюпке подошли вплотную, ухватили ее за борт и приподняли. Ну, я как муха в блюдечке. Наверно, оглушили меня прикладом по голове. Не помню. Должно быть, я не давался, потому что били меня сапогами, когда я на дне катера лежал.

На рейдер меня подняли на веревке. Под мышками здорово резало...

Палуба на корабле блестит, все выкрашено, надраено. Матросы с любопытством поглядывают, «капитаном» называют. Ладно, думаю.

Сунули меня в железный шкаф. В нем можно только стоять. Внизу в двери дырки сделаны, для дыхания,— и больше ничего. Хотел я на пол сесть — никак колени не согнешь. Стою, вздрагиваю. Сначала думал, что от холода. Но потом согрелся, одежда подсохла, а я все вздрагиваю. Почувствовал я, стенки карцера содрогаются. Понял, что это орудия немецкие бьют.

Во мне словно что-то оборвалось. Так и представилась бухта, а в ней корабли на рейде. Неужели к острову рейдер подкрался?

Еще залп и еще... После каждого залпа все вокруг гудит. Уперся я локтями в стенки, напрягаюсь, да разве раздвинешь железо?

И вдруг особенно сильно тряхнуло. Я от радости даже подпрыгнул. В рейдер попадание! Неужто бой? Значит, получили наше сообщение. Приготовили гостю подарок. Эх, увидеть бы, что наверху творится!

Еще раза два крепко тряхнуло. Три прямых попадания! Вот это прицел! Кто же мог задать такую трепку рейдеру?

Вдруг открывается дверь моего шкафа и на ломаном русском языке говорят: «Гер капитан, вам приказать явиться на капитанский мостик».

Так бы и побежал наверх, чтобы скорей все своими глазами увидеть, но иду спокойно, будто не тороплюсь.

Взошел на палубу. И как раз четвертое попадание. Осколки по броне застрекотали. Дым поднялся, что-то загорелось. Провожатые меня поторапливают.

Передо мной остров. Остров мой! Корабли в бухте вижу. И кто-то лупит по рейдеру из тяжелых орудий. Поднялся я на мостик. Там офицеры немецкие. Один, старший, в бинокль смотрит. Меня к нему подвели.

«Гер капитан,— говорит он,— вам надлежит отвечать точно и кратко. Как называется тот крейсер, который вступил с нами в бой? На его борту написано «Дежнев». «Дежнев» — это есть

торговый пароход и есть маскировка. Вы были недавно на острове и должны знать о военных кораблях».— «Не знаю»,— отвечаю я и сам удивляюсь: откуда крейсер взялся? «Это не береговая артиллерия,— говорит фашист.— Тяжелые снаряды направлены с корабля. Мы вычислили направление их полета».

«Не ты вычислил,— думаю про себя,— а они, братишки, вычислили, да еще как славно вычислили!»

Дали мне бинокль. Смотрю, стеклам не верю! Не крейсер идет на сближение с рейдером, а «Дежнев», мой старый знакомый, не раз я на нем бывал. Не может на нем быть тяжелых орудий...

Вспомнил я тогда о славном «Варяге», который один на сближение с целой японской эскадрой шел.

«Ну?» — торопят меня.— «Что вы меня спрашиваете, когда уже получили визитные карточки!» — ответил я.

И словно мне в подтверждение, взорвался на палубе тяжелый снаряд. Меня воздушной волной с ног сбило. Кто-то закричал, застонал.

«Поставить дымовую завесу!» — приказал немецкий офицер.

Видно, не было записано в их морских уставах, что торговый пароход может стрелять тяжелыми снарядами по военному кораблю.

Поставили немцы дымовую завесу. На палубе и на мостике суматоха. Рейдер стал уходить от своего странного противника.

Тут переменился ветер. Сама Арктика ополчилась на незваного гостя. Погнал ветер косматый грязный дым. Рейдер бежит от него, а дым за рейдером гонится. А в море белые льдины прыгают, как будто радуются, что рейдеру досталось.

Дым все-таки догнал немца. Рейдер вошел как бы в плотный туман, ближней стальной башни не видно. На мостике суетятся серые тени.

Я нагнулся через реллинги. Вижу — льдина за бортом. Оттолкнул я приставленного ко мне матроса — и через борт. О воду сильно расшибся. Снова дух от холода захватило. Вынырнул — льдина рядом. Стал я на нее выбираться, а рейдера уж нет, дым кругом. Меня с борта, конечно, не видно.

Выбрался на льдину. Упал на лед, воздух глотаю.

Потом пронесло дымовую завесу. И вдруг вижу — в небе самолет. Сразу его узнал. Баранов! Он тогда военным летчиком был. Пролетел он над завесой. Слышу взрыв бомб... Ох, не поздоровится теперь рейдеру! Не удалось ему втихомолку подползти к нам.

Дымовую завесу пронесло. Показался остров.

Остров мой! Смотрю на него, так бы и притянул к себе глазами. Но остров не приближался, а через час и совсем скрылся из виду.

Тут радость моя, по правде сказать, сразу омрачилась.

Удивительное у человека устройство. Обречен ведь я был, а на лед упал — и уснул мертвецким сном. Сколько спал — не определишь... Солнце все так же было в небе — полярный день.

Проснулся от лютого голода и холода. Одежда моя обледенела, зуб на зуб не попадает. Огляделся — кругом море... Льдина моя была предрянная, уже изрядно источенная водой. Тут меня злость взяла. Злость, наверно, меня и спасла.

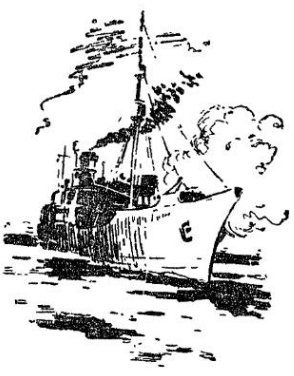
Неважные были трое суток. Льдиной я потом и в госпитале бредил, после того как меня все тот же «Дежнев» с льдины снял. Воспаление легких и десяток других болезней, едва жив остался... С тех пор больше не плаваю. А вот, кстати, посмотрите на «Дежнева», он на рейде стоит.

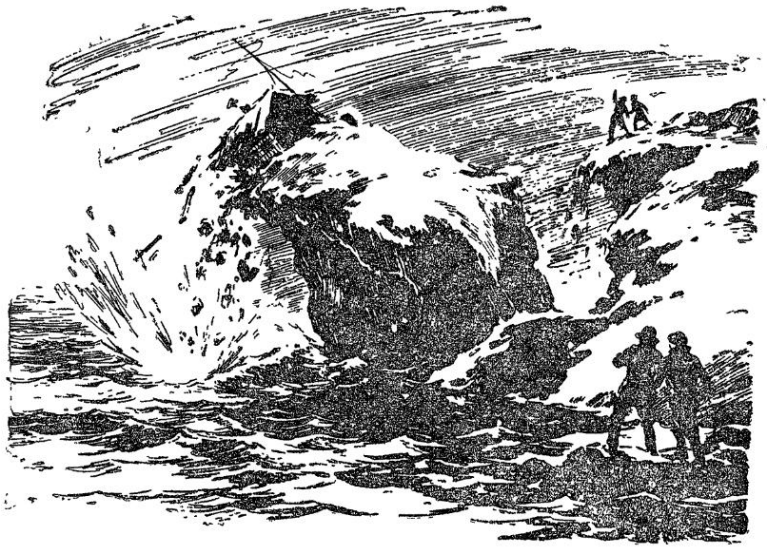
Грачев показал в окно на небольшой чистенький торговый пароход. Одна из его стрел поднимала из трюма большие ящики. Лебедка деловито пыхтела.

— Как же стрелял «Дежнев» из тяжелых орудий? — спросил я.

Грачев усмехнулся, сощурил глаза.

— Видите ли, какое дело. Конечно, немцы правильно высчитали. Дело не в береговой артиллерии было. Перевозил «Дежнев» в район военных действий дивизион тяжелых орудий. Командир дивизиона — фронтовик. Как заметил противника, развернул орудия прямо на палубе и открыл по рейдеру прицельный огонь. А капитан снялся с якоря и бесстрашно с рейдером на сближение пошел. Хоть на воде, а удачно стреляли наши артиллеристы... Не выдержали гитлеровские нервы. Пустился рейдер наутек. Вот. А дальше уж его погнала наша авиация. Разделала как следует. Баранов и другие...





ОСТРОВ ИСЧЕЗАЮЩИЙ

Среди арктических реликвий у меня есть кусок угля, того самого, о котором как-то говорил летчик Баранов. Я сам выковырял его из черного пласта, обнажившегося при обвале берега. Полярники называют этот уголь каменным, но он очень легок. На его черной поверхности можно различить строение древесины. Это, несомненно, уголь, однако происхождение его загадочно. Остров, где он найден, намыт из песка морскими волнами и сравнительно недавно поднялся над поверхностью моря. На нем никогда ничего не росло и расти не могло. А между тем я держу кусок этого странного угля в руке.

Впервые я услышал о нем на пароходе «Беломорканал». Мы с Нетаевым перебрались на корабль, когда он ходил взад и вперед по бухте острова Дикого. Капитан словно не решался выйти в море.

Нетаев объяснил, мне, что на корабле проверяют работу магнитных навигационных приборов.

— Боюсь, что это дело затянется,— вздохнул штурман.— Догоним ли мы «Седова»?

Но «Беломорканал» без задержки вышел в море двадцать шестого августа, в понедельник.

За обедом мы познакомились с капитаном. Бритый, с тонкими чертами лица и решительными складками у губ, он был по-морскому элегантно одет, вежлив и предупредителен.

— Думаю,— сказал он,— что «Георгия Седова» мы еще застанем за выгрузкой около острова Исчезающего. Там вы и пересядете на него. Волнение не слишком сильное.

— Интересное судно «Георгий Седов»,— вставил старший помощник капитана, или первый штурман, как его называют. Это был невысокий малоразговорчивый человек с внимательными глазами и обветренным лицом.

— Еще бы! — сказал я.— Легендарное судно! Продрейфовало через весь Полярный бассейн, севернее «Фрама» прославленного Нансена.

Старпом улыбнулся.

— Это, конечно, эпизод значительный, заметный. Но «Седов» делает и много незаметных дел. Вот поплаваете на нем, сами увидите. Он для Арктики вроде внутризаводского транспорта. Бегает себе и бегает между островами. Его никто как будто и не замечает, а он втихомолку не один рекорд поставил.

— Вы плавали на «Седове»?

— Плавал. Морскую школу на нем прошел. Много открытий на «Седове» сделано. А с виду невзрачный. Да вот подойдем к Исчезающему, сами увидите.

— Почему вы так зовете этот остров? Ведь у него другое наименование.

— А мы его так после одного рейса прозвали. Я тогда на «Седове» плавал. Могу вам рассказать про этот остров. И про уголь, который на нем нашли...

Мы услышали от первого штурмана о моряках «Седова», о профессоре, интересовавшемся странным углем, и о романтической Земле Санникова.

...Были тогда на борту «Седова» полярники, которые направлялись на зимовки, и один московский профессор. Старик живой, подвижной, со всеми знакомился, заговаривал, спорил, все хотел знать. Его полюбили на корабле. Все знали, что он плывет на остров, чтобы изучить найденный там уголь.

Одетый совсем не по-северному, он расхаживал по палубе и заговаривал то с одним, то с другим из молодых ребят, комсомольцев, направлявшихся на остров.

— Скажите, молодой человек, вы довольны, что попали в Арктику? — допрашивал он веснушчатого паренька, жадно смотревшего на море.

— Ничего. Доволен,— нехотя отвечал тот.

— А кем работать будете, позвольте узнать?

— Метеорологом. Курсы окончил.

— Работа метеоролога — это работа ученого! — заявил профессор.

Паренек вскинул на него удивленные глаза и покраснел.

— А пейзаж? Как вам нравится пейзаж? — продолжал спрашивать старик.

— Пейзаж ничего... Льдов что-то маловато, да и медведей не видно,— важно ответил паренек, глядя на редкие, освещенные солнцем, причудливо источенные водой льдины.

— Маловато? Но ведь для вас это первые льдины. Они не могут не волновать! По лицу вашему вижу, что это так. А вот скоро подойдем к вашему острову. Каков-то он окажется?

— Да ничего особенного. Мне бы на другой хотелось.

— Как же ничего особенного? Ваш остров у нас первый на очереди. Полярникам там надо помочь.

— Это я знаю... Только я на Ново-Сибирские острова хотел.

— Почему?

Паренек, его звали Гриша, оживился.

— Вы слышали о Земле Санникова? — спросил он.

— Далекие горы севернее Ново-Сибирских островов? Их видел в тысяча восемьсот десятом году с острова Котельного промышленник Санников? Фантазия! Такой земли нет. Это неоднократно подтверждалось полетами летчиков и плаванием советских кораблей.

Гриша преобразился. Глаза забегали, румянец сразу скрыл веснушки на лице.

— И неправда! Уже после Санникова люди примечали, что птицы летят на север от Ново-Сибирских островов. Зачем им лететь в открытое море? И вот еще: онкилоны — народ такой был — всем племенем куда-то ушли. И будто бы в направлении Земли Санникова. Для меня лично ясно, что там земля.

Профессор улыбнулся.

— Но ведь для науки одного такого убеждения еще недостаточно.

Гриша не сдавался:

— И вот Обручев. Он — академик, а целую книгу написал о Земле Санникова! И будто на Земле Санникова из-за вулканов особые климатические условия, тепло там...

— Тепло? — переспросил профессор.

— ...звери всякие доисторические,— продолжал Гриша увлеченно.— Может быть, даже обезьяно-человеки...

— Друг мой, ведь Владимир Афанасьевич научно-фантастический роман написал. Это же только фантазия.

— Я на будущую зимовку попрошусь на Ново-Сибирские острова.

— Землю Санникова открыть хотите?

— И открою. Хоть тайну ее, а открою.

— Люблю дерзания! И завидую вам, завидую искренне. Я бы не рискнул!

— А сами в Арктику прилетели.

— Да ведь я же, дружок, геолог. На каждый день моей жизни приходится в среднем пять тысяч шагов, сделанных вот

этими ревматическими ногами,— профессор спрятал в усах улыбку.

— А правда, Сергей Никанорович, что вы уголь на острове нашли? — спросил Гриша.

— Ну, голубчик мой, это уже сказки. Уголь на острове нашли полярники. А я, напротив, доказывал, что этого не может быть. Ведь остров-то волнами намыло. Из песка. На нем никогда ничего не росло. Откуда же каменному углю взяться? Но уголь, оказывается, все-таки есть! Я потому и в Арктику прилетел, чтобы понять, в чем мое заблуждение.

— Теперь скоро узнаете.

— Скоро,— согласился старик.

Остров показался на следующий день утром. От него по направлению к кораблю двигался огромный серый столб — снежный «заряд», как зовут здесь это явление. Снежный заряд — это молниеносная метель.

Заряд налетел на «Седова», и остров исчез. Все кругом стало тусклым, словно корабль очутился в гигантском мешке. Но вот метель пронеслась. На палубе появился капитан. Он показал профессору только что полученную с берега радиограмму о бедствии:

«Сильнейший прибой. Высадка невозможна. Берег обваливается. Дому грозит гибель. Продолжаем действовать сами».

— Прибой? — удивился профессор.— И это остановит нас?

— Для моряков добраться до какого-нибудь отдаленного острова — четверть дела. Вот высадиться...

Парторг собрал в кают-компании всех находившихся на судне. Люди были кто в спортивной майке, кто в ватнике, кто в парадном кителе. Мест не хватало. Опоздавшие стояли вдоль стен или примостились на полу. Здесь были и моряки и пассажиры — зимовщики полярных станций. Профессор уселся на лавке у стены и обводил всех живыми, нетерпеливыми глазами.

После собрания он сказал, потирая руки:

— Люблю краткие прения: «Прибой? Выгружаться нельзя? Ладно. Выгрузимся».

Люди натянули брезентовые робы. Спускали катерок «Петушок». Он повис на канатах, охвативших его «под брюхо», и через минуту заплясал на волнах. Следом за ним плюхнулся в воду плоскодонный кунгас, вместительный, но тяжелый и неуклюжий.

Люди спускались по веревочному трапу. Это было трудно. Волны кидали кунгас то вверх, то вниз. Профессора не хотели пускать к трапу.

— Я не могу остаться! — горячился он.— Моя цель — побывать на острове. Подвешивайте меня на канатах в конце концов!

Его спустили при помощи подъемной стрелы.

Через минуту «Петушок», ведя на буксире кунгас, побежал к острову. Берег, высокий и обрывистый, приближался. На нем, как осажденная средневековая крепость, высился дом полярной станции. Его будто нарочно выстроили на обрыве. Под отвесным берегом вздымались клубы пены.

Катер спешил. Волны подгоняли его. Второй штурман, управляющий катером, знал, что морю ничего не стоит разбить о берег легкую скорлупу, разнести ее в мелкие щепы.

Штурман хитрил и лукавил с волнами. Сначала он прикинулся простачком, позволил волнам играть с собой, но перед самым берегом круто повернул катер. «Петушок» неожиданно стал к волнам не кормой, а носом и ринулся на них с мальчишеской удалью.

Пока тяжелый кунгас разворачивался вслед за катером, волны безостановочно били его своими косматыми лапами. Соленые валы разлетались тучами брызг, слепили, валили людей с ног.

Катерок натянул буксир — кунгас стоял теперь между катером и берегом, кормой к берегу. Штурман отступал шаг за шагом, кунгас на натянутом канате незаметно приближался к берегу. Уловив момент, матрос с кунгаса бросил на берег конец линя. Полярники поймали его, затянули, не давая кунгасу повернуть к волнам бортом. Но волны подбросили кунгас и со всего размаху ударили дном о камни.

Профессор и Гриша едва удержались за столбик на носу кунгаса. Лица у обоих были растерянные. Люди на берегу и команда катера тянули канаты, тщетно стараясь удержать кунгас. Кунгас все-таки развернулся вдоль волны, накренился... вода ринулась через борт.

Пассажиры прыгали прямо в воду и бежали к берегу. Волны настигали их и били в спины.

Гриша, стоя в воде, тащил профессора за рукав. Наконец и профессор спрыгнул. У него захватило дыхание. Вода была холодней льда. Ничего не помня, не в силах вздохнуть, профессор вылетел на шуршащую гальку.

Волны бросили ему вслед кунгас и перевернули суденышко.

Полузадохшийся профессор отплевывался. Около него прыгали огромные мохнатые псы. Они старались лизнуть профессора в лицо. Полярники радостно встречали прибывших. Все стояли под самым обрывом, на узкой полосе суши.

Здесь было видно, как море наступало на остров. Оно точило берег, состоявший из смерзшегося и оттаивавшего сейчас песка, вгрызалось в него, растворяло его, как сахар. И берег висел над водой тяжелой громадой, каждую секунду готовый рухнуть вниз.

Профессор ходил по вымытой волнами гальке, рассматривал глыбы обвалившегося песка, потирая ладони. Потом он посмотрел вверх, запрокинув голову. На обрыве виднелся дом.

— Только вчера здесь обвалился край берега,— юношеским тенорком сказал обросший бородой полярник.— Теперь обрыв начинается прямо от крыльца.

— Как обсохнуть? А дом? — спросил Гриша.

— Слышите грохот? Здесь каждую минуту что-нибудь обваливается.

— Так надо спасти дом! — заволновался Гриша.— В работе и обсохнем.

Прибывшие уже поднимались в гору. Они спешили, как по боевой тревоге.

Перед ними был прекрасный дом, построенный лет десять назад. Каждый полярник имел здесь отдельную комнату. И вот дом висел над морем, готовый сорваться вниз.

Раньше дом находился более чем в ста метрах от берега. Теперь берег вплотную придвинулся к дому. Это обнаружили вернувшиеся на остров в прошлом году полярники. Зиму они жили спокойно, а с началом оттепели море снова двинулось на них. Они отступили, покинули свое жилище, вынесли из него все, что могли... По земле тянулась извилистая трещина. Она подползала под дом и выходила с другой его стороны.

— Стойте! Стойте! — кричал профессор, держась рукой за сердце.— Что вы хотите делать, безумцы? Не смейте переходить трещину!

Люди на мгновение остановились.

— Весь остров состоит из песка, скрепленного льдом! — кричал профессор.— Все это было намыто морем и держалось только холодом. Слой мерзлоты теперь оттаивает, море подымает остров... берег обваливается... Не смейте ступать за трещину!

— Так ведь дом погибнет! — сказал Гриша.

— Надо его спасти. Давайте сюда трактор. Зацепим канатом!

Гриша посмотрел на профессора.

— Простите, Сергей Никанорович, как бы не зашибло... Трактора здесь нет...

Сверху упало бревно. Поднялся столб пыли. Профессор растерянно смотрел то на дом, то на бревно.

Гриша уже был на крыше и отдирал от кровли доски. Каждая доска, каждое бревно были заранее помечены полярниками, чтобы удобнее было вновь собрать дом на другом месте.

Работа кипела.

С грохотом падали доски. Скрипели стропила. Сверкали топоры. Пошли в ход тяжелые ломы.

— Дружно, ребятки! Берем, берем!

Эх, и была же это работа! Как на пожаре!

Люди ворочали огромные бревна, бросали их вниз. Пыль оседала на мокрых лицах.

— Вира! Вира! Веселей!

Поднялся ветер, визгливый, яростный. Он хлестал людей по лицам, срывал их с оголившегося сруба. Внизу ревело море, но люди ничего не замечали. Они отдирали бревно за бревном и отбрасывали их от берега.

— Берегись!

Профессор помогал тащить бревна через трещину.

Вот с дома уже слетела крыша. Разобрали потолок. Дом обнажился, показывая свои комнаты, недавно еще такие уютные.

Наконец работа была закончена. Усталых, донельзя грязных гостей полярники привели к себе в птичник, превращенный в жилое помещение.

Профессор, в кителе с чужого плеча, веселый и разговорчивый, уже сидел за столом и подтрунивал над Гришей, уверяя, что на его лице татуировка онкилонского воина. Жена начальника полярной станции, местный повар, тихая, но расторопная молодая женщина, подвела Гришу к зеркалу, а потом молча вручила ему ведро горячей воды и отправила в баню. Правда, и другие в этом нуждались, но Гриша оставался на острове и как бы поступил уже в ее распоряжение.

Ничего не поделаешь. Грише пришлось подчиниться.

Радушная хозяйка без конца подливала в тарелки дымящийся борщ и все говорила:

— Кушайте, кушайте, спасибо вам!

— Ох, и вкусный же борщ на этом острове!

После обеда профессор в полушубке и валенках сидел на завалинке. К нему ласкались две огромные собаки: Лохтак, вожак, и Белуха, признанная предводительница собачьей стаи. Бородатый полярник рассказывал:

— Лохтак — медвежатник. Он выходит на медведя один или с Белухой. Они нападают на зверя одновременно с двух сторон, поочередно отвлекают его на себя, пока не подойдешь с ружьем. Лохтак уже пострадал однажды. Пуля прошла через медведя навылет и задела псу лопатку. Лохтак долго болел. Но к медвежьей охоте пристрастия не потерял.

Профессор удивился, почему эти страшные псы так ласковы даже с незнакомыми людьми. Полярник объяснил, что собаки Севера всех людей считают друзьями. Враги — это звери: медведь, нерпа.

Лохтак отбежал от дома и лег у обрыва, недалеко от бани.

— Караулит нерпу. Когда нерпа высунет голову, Лохтак поднимет лай — будет звать охотника.

— Вы напомнили мне о другой охоте... охоте за углем! Ведите меня к вашим залежам... Я так увлекся бревнами, что забыл, для чего проделал несколько тысяч километров.

— Пойдемте вниз, Сергей Никанорович, посмотрим на свежий обрыв. Наверное, там есть что-нибудь новое.

— Извольте! Любопытно посмотреть остатки никогда не существовавшей здесь растительности.

— Мы всю зиму углем топили,— скромно заметил полярник.

Вдруг Лохтак залаял.

— Что это? Нерпа? — забеспокоился профессор.

Лохтак с тревожным лаем носился около бани, стоящей неподалеку от снесенного дома. Вдруг он бросился прочь. Раздался глухой рокот.

— Обвал! — тонко крикнул бородач.

Часть берега, где еще недавно стоял дом, исчезла, отвалилась, видимо, как раз по трещине.

Качнулась маленькая избушка— баня. Профессор так и сел на завалинку.

Ухнуло с раскатами, словно артиллерийский залп.

Дверь распахнулась Из нее вылетел голый, намыленный Гриша. От него валил пар. На снегу оставались следы босых ног. В мгновение ока Гриша пролетел расстояние от бани до птичника и скрылся в нем. Лохтак гнался за ним, удивленно лая. Он никогда раньше не видел голых людей.

Профессор хохотал, слезы текли у него из глаз.

— Этот откроет! Этот непременно откроет новую землю,— задыхаясь, говорил он.

Через несколько минут вместе с бородатым полярником профессор спустился вниз. Там, где недавно берег нависал над морем, теперь лежала громадная куча смерзшегося песка. Волны растаскивали песок. Через несколько часов они снова начнут подтачивать берег. Сейчас волны еще не доставали до нового обрыва.

Полярник показал на черные полосы в отвесной стене.

— Уголь? — недоверчиво проговорил профессор.— Не может быть! Не верю.

Он подошел к стене, стал выковыривать черные куски. Полосы, отделенные песчаными прослойками, шли параллельно друг другу.

Профессор взвесил в руке черный кусок и стал подбрасывать его на ладони. Кусок оказался легче сухого дерева. Профессор заулыбался.

— Для самоваров, для самоваров, голубчик мой, такой уголь хорош.

Полярник непонимающе смотрел на профессора.

— У нас в Сибири самовары древесным углем ставят,— сказал полярник.

— Вот именно,— многозначительно заметил профессор.— А ну-ка, пойдемте по бережку...

Некоторое время профессор и полярник шли молча.

— Ага! — закричал профессор.— Вот она — тайна вашего угля! — и тронул ногой гладкое, отшлифованное морем бревно с обтолканными, закругленными концами. Оно лежало у самой воды.

— Плавник? — удивился полярник.

— Ну да! — улыбнулся профессор.— Действительно, на нашем острове скопились остатки растительности, никогда здесь не росшей. Я ломал себе голову, откуда взялся на наносном острове уголь. Теперь я знаю. Он приплыл!

— Как приплыл?

— В течение столетий великие сибирские реки выбрасывали в море стволы упавших в воду деревьев. Стволы выносились сюда, в эти широты. Волны выбрасывали бревна на берег, их засыпало песком. Занесенная песком древесина обугливалась. Правда, обугливание происходило не в таких условиях, как на материке. Потому и уголь здесь скорее похож на древесный, чем на каменный. Проходили столетия. Под давлением волн остров поднимался, поднимая и пласты угля.

— Надо собрать уголь лопатами, а то волны унесут.

— Правильно! Не давайте им уносить того, что они когда-то принесли. Прекрасное топливо, но это не каменный уголь. Если хотите знать, то это... как бы сказать... это «плавниковый» уголь! Конечно, это не «залежи». Его здесь ничтожное количество, да и не может быть больше. Но для зимовки хватит. А в общем любопытно.

Профессор присел на корточки и стал копаться в обнаженном пласте, напевая в седоватые усы. Он был в чудесном настроении.

— Сергей Никанорович! — Гриша в большом не по росту полушубке присел на корточки рядом с профессором. Он заговорил взволнованным шепотом: — Открытие, Сергей Никанорович!

— Да, если хотите, открытие. «Плавниковый» уголь нигде не описан. Открытие сделано здесь на берегу.

— А я в бане сделал...

— В бане? Открытие? — удивился профессор.

— Я, может быть, Сергей Никанорович, ошибаюсь, только не думаю. Когда баню тряхнуло, я сразу себе представил, как берег словно ножом срезается. Ведь остров каждый год со всех сторон уменьшается метров на двадцать, на тридцать?

— Уменьшается,— согласился профессор.

— Что же через несколько десятков лет будет? Остров исчезнет.

— Исчезнет. Но ты не огорчайся. В другом месте море новый остров намоет. Не так давно в море Лаптевых такой остров появился...

— Но если острова исчезают, значит, могла быть и Земля Санникова. И Санников ее видел, и гуси на нее летели, и онкилоны на нее переселялись. Она существовала, а потом ее не стало. Она была исчезающим островом, как этот!

Юноша взволнованно смотрел на профессора.

— Это интересно... «плавниковый» уголь на исчезающем острове,— после долгого молчания сказал профессор.— А ты молодец, Гриша!

Профессор вскоре уехал в Москву, обещав написать в своей новой книге про гипотезу Гриши о Земле Санникова...

Старший помощник капитана, который рассказал нам эту историю, стоял на капитанском мостике.

— Вот он, остров Исчезающий,— сказал он, передавая мне бинокль.— На фоне берега можно различить «Георгия Седова».

Я рассматривал загадочную сушу, когда-то поднявшуюся над поверхностью моря и теперь снова растворяющуюся в нем.

Это был продолговатый остров в несколько километров длиной и километра в три шириной. Я побывал на нем. Он покрыт кое-где бедными травами. Когда идешь, ноги вязнут в песке.

Я видел, как обрушивается в море берег. На срезе виднеются черные полосы. Это «плавниковый» уголь. Кусок его мне удалось привезти с собой в Москву.

Бродя по берегу, я думал о «Земле Санникова» и о том, сколько еще десятилетий просуществует этот остров.

Гриша — метеоролог полярной станции — увлеченно говорил мне:

— Можно укрепить берег, не дать ему оттаять. Пусть Земля Санникова исчезла, но теперь ни одна, даже самая малая пядь советской земли, если мы захотим, не исчезнет. Ведь тут уголь...— добавил он.

Гриша проводил меня на берег, где нас ожидал катер «Петушок».

ЛЬДЫ И ЛОДКА

Впервые на катер «Петушок», известный мне по рассказам штурмана, я вступил с парадного трапа «Беломорканала».

Парадный трап — это наклонная лестница со ступеньками и перилами. «Петушок» должен был доставить нас на ледокольный пароход «Георгий Седов».

Но вот передо мной шторм-трап «Седова». Это веревочная лестница, опускающаяся прямо по борту.

Стоя на палубе катера, я выжидал момент, когда волна подбросит катер вверх и можно будет ухватиться за перекладину.

По сравнению с гигантом «Беломорканалом» «Седов» казался совсем маленьким.

Вслед за Нетаевым я все-таки ухитрился подняться на борт корабля. Здесь все было просто и не так блестело, как на «Беломорканале», но выглядело по-домашнему уютно.

Встретил нас пожилой моряк в брезентовом плаще, сухощавый, плотный, с поседевшими висками.

— Можно пройти к капитану? Меня назначили его третьим помощником,— обратился к нему Нетаев.

— Я и есть капитан,— тихим голосом сказал моряк.— Зовут меня Борис Ефимович.— Он мягко улыбнулся.

Каюта третьего помощника уже ждала Нетаева. Я хотел поселиться у него, но радостно хлопотавший Борис Ефимович и слушать не хотел и поселил меня в салоне, смежном с его каютой.

Несколько месяцев я прожил рядом с капитаном «Седова».

Он никогда не затворял дверь в свою каюту. Часто я видел, как он ночью или днем на короткое время ложился отдохнуть, но никогда этот человек, вечно бывший начеку, не позволял себе раздеться. Большую часть времени он проводил на мостике. Это был искуснейший полярный навигатор. Он знал повадки льдов и ветров. Иногда, сидя над картами ледовой разведки, он выбирал кружной путь, чтобы миновать льды, иногда же устремлялся к ним, как к друзьям. Это бывало, когда море разгуливалось и наш корабль начинало валить с боку набок, чего Борис Ефимович терпеть не мог. Он очень боялся за свои плавсредства: кунгасы и катер «Петушок». Потерять их — означало сорвать весь полярный рейс: ни на один остров не попадешь.

Мы направлялись к Дальней Земле, к острову Домовитому.

Борис Ефимович тонкий музыкант. Он чудесно играл на аккордеоне. Однажды я заслушался его, совершенно забыв, где мы находимся. Вдруг корпус судна содрогнулся. Капитан отбросил аккордеон.

— Что он делает? Что он делает? — гневно закричал он и побежал на капитанский мостик.

Я поднялся следом за ним. Вокруг были сплоченные льды. Корабль только что вошел в них.

Впервые я видел столько льдов. Гигантское взломанное ветром и волнами поле уходило за горизонт.

Так вот куда отступили льды, которые некогда, в давние ледниковые времена, властвовали над землей, спускались на равнины Европы. Вот они где, оттесненные солнечным теплом, но не уничтоженные, не расплавленные!

Могучие, тяжелые льдины мерно поднимались и опускались. Казалось, ледяное поле дышит, давя волны своей тяжестью.

Когда-то такие льды заставляли поворачивать вспять заморских исследователей, объявивших Северный морской путь непроходимым. А вот советский моряк, Борис Ефимович, сам шел к льдам, не боялся их, знал, что они смиряют штормовую волну...

— Разве можно ударять так форштевнем? — отчитывал капитан штурмана Нетаева.— Раз навсегда запомните — не бейте сами льдин, вызывайте меня. Ведь корабль старенький.. теперь вот проверяй заклепки во всех швах!

— Это же ледокольный пароход. Льдина легко расколо-

лась,— оправдывался смущенный Нетаев, не зная, куда деть глаза.

— Ледокольный корабль! Да он почти мой ровесник! Его беречь надо... Путь надо выбирать между льдинами. Вот смотрите. Право на борт. Вот так, оттесняйте ее бортом, толкайте. Лево на борт! Стоп. Назад. Отступите. Вперед до полного. Теперь ударим легонько...

За кормой вскипала вода. Мелкие разбитые льдины ныряли и ошалело выскакивали из воды. Корабль, сотрясаясь всем корпусом, прорывался вперед. Льдина, расколотая форштевнем, трескалась, перевертывалась, уходила вниз под воду.

— Лево на борт! — командовал капитан. Голос его был резок, звучен.

Рулевой перебирал ручки штурвала.

— Не спите! — кричал на него капитан.— Быстрее. Еще лево!

Послушный корабль ловко уклонялся от встречи с льдиной и входил в проход, который угадывал Борис Ефимович. Льды с хрустом и шорохом терлись о борта.

Остров Домовитый. Трудно себе представить более ироническое название. К вечеру мы добрались до него. Низменный пустынный островок, на котором не растет даже мох — одни камни. На пятачке каменистой отмели домик, тот самый, в котором жил со своими товарищами полярник Кушаков, впервые обследовавший и нанесший на карту Дальнюю Землю.

На острове Домовитом «Седов» менял полярников. Я побывал в домике станции. Меня сопровождал Степан Федорович Зимин, начальник зимовки, снова остающийся на острове. Показывал он мне свое хозяйство с некоторой гордостью.

— Вот форточка,— говорил он.— Из нее за одну зиму убито одиннадцать белых медведей. До чего беспокойные звери. Прямо в окна лезут.

В большой комнате было не слишком уютно. Здесь жили одни мужчины. Но все было устроено рационально, разумно. На стенных полках разместилась чудесная библиотека.

Начальник полярной станции был высокого роста. Он дотянулся до самой верхней полки и подал мне книгу Гончарова «Фрегат «Паллада».

— Собственноручная надпись автора,— показал он первую страницу.

Оказывается, библиотека была подарена полярникам одним советским ученым — страстным библиофилом.

Степан Федорович Зимин повел меня по своим «производственным цехам», как называл он площадку с метеобудками, похожими на пчелиные улья, ветряк, антенну, машинное отде-

ление с бензиновыми движками, аккумуляторную, радиорубку.

— Замечательное место,— говорил он про остров Домовитый.— Живем весело. Кругом красота,— он сделал широкий жест.

Я с недоверием взглянул на каменистую гряду острова.

— Сомневаетесь? — усмехнулся полярник.— Пойдемте, покажу,— и он повел меня на гряду.

Камни хрустели под ногами. Я рассматривал своего спутника. Ему стало жарко, и он снял шапку. У него были коротко стриженные волосы, прямоугольный лоб над лохматыми бровями, чуть прищуренные, веселые глаза, выступающие скулы и тяжеловатый подбородок. Движения его были подчеркнуто спокойны. Верно, он никогда не торопился.

Я знал, что Зимин лет пятнадцать прожил в Арктике, побывал едва ли не на всех островах.

— Первый месяц отпуска,— говорил он мне по дороге,— по театрам хожу, никак насмотреться не могу. Второй месяц — на юг. Лежу под пальмами — от жары пропадаю. Терплю — тепла набираюсь. А третий месяц — уж и не знаю, куда себя деть. Такая тоска возьмет, что хоть вой... За пригоршню снега годовую бы надбавку отдал... Однажды даже с альпинистами увязался, только бы льды повидать... А когда доберешься снова до Арктики, увидишь свои просторы... сердце замрет,— и Зимин опять по-хозяйски повел вокруг рукой.

Мы с ним стояли на гряде, откуда открывался вид на взломанное ледяное поле.

Освещенное солнцем, оно поразило меня. Изломы льда сверкали, я видел равнину драгоценных камней, переливавшихся голубым, зеленоватым, ослепительно белым цветом. До самого горизонта виднелись следы борьбы титанических сил, которые взломали белую равнину, раскололи ее, подняв там и тут бесформенные торосы со сверкающими алмазными гранями.

— Какая сила... какая сила! — невольно вырвалось у меня.

Зимин задумался, потом сказал:

— Смотрел я, как ваш корабль через льды к нам пробивался. Корабль у вас знаменитый. И борта у «Георгия Седова» крепкие, железные и форштевень стальной. Машина могучая, в два раза мощнее, чем у такого большого корабля, как «Беломорканал». А вот представьте себе, как среди льдов на резиновой лодке плыть.

Я искренне удивился:

— Как это на резиновой лодке?

— Да... на резиновой лодке. Был такой случай. Хотите, расскажу вам про мальчика Федю?

— Конечно.

Мы сели на камни. Видя перед собой поле сверкающих льдов, я живо представил себе все, о чем рассказывал Степан Федорович.

«На острове нас было четверо. Остров был так же гол и скалист, как этот. Только лед да снег. Мы сообщали по радио сведения о погоде и льдах. В «бюро погоды» на картах появлялись цифры, позволяющие делать прогнозы. По ним капитаны кораблей знали, как движутся льды, и верно выбирали путь. Летчики решали, можно ли вылететь.

Во время Отечественной войны наши сведения стали особенно ценными.

Мы с Иваном Григорьевичем Тереховым, начальником полярной станции, просились на фронт. Нам сказали коротко — надо нести военную вахту на нашем острове. Мы и остались. С нами была жена начальника Мария Семеновна, радистка, и десятилетний Федя, сын Тереховых.

Федя хотел стать моряком. Мы с ним дружили и вместе изучали морские лоции, найденные в книжном шкафу.

Паренек он был немногословный и серьезный, такой же приземистый и широкоплечий, как отец. Над кроватью Феди висел портрет знаменитого капитана Воронина. На тумбочке всегда лежали книги об Арктике.

Мы не чувствовали себя оторванными от родной страны. Утром и вечером мы слушали сводки Совинформбюро, перекалывали на карте флажки, горевали или радовались.

Был вечер. Я только что вернулся в дом после зарядки аккумуляторов. Иван Григорьевич переписывал чернилами показания своих приборов — на воздухе он писал простым карандашом, чтобы буквы не расплывались. Мария Семеновна чинила мои носки. Она была не только радисткой, но и заботливой хозяйкой: готовила вкусные обеды, шила рубашки, стирала белье.

— Чайку попьем,— певуче сказала Мария Семеновна и пошла на кухню.

В окно было видно море с редкими льдинами. Далеко на горизонте виднелся один из ближайших островов, издали напоминающий грозовую тучу.

Здесь постоянно дымили пароходы. Наш остров был одним из самых ближних к водам, где шла война.

Я сел рядом с Федей.

Вдруг под окном что-то ухнуло, пол под ногами вздрогнул, загремела посуда на кухне, звякнуло стекло. Черный едкий дым ворвался в комнату.

Отбросив стул, начальник кинулся в сени. Там висели винтовки, приготовленные на случай медвежьих или других неожиданных визитов.

Я подбежал к окну. Немного левее льдин, на которые я только что смотрел, всплыло огромное серое бревно с седлом-башенкой — подводная лодка. Я слышал, что она прорвалась на наши коммуникации, была обнаружена и теперь, загнанная, обреченная, металась между островами. Вот она где!..

— Фашисты,— прошептал Федя, сжимая мою руку. Глаза его загорелись.— Дядя Степа, фашисты!

— Скорее из дома! — крикнул я.

Второй снаряд попал в дом, когда мы уже были в сенях. Воздушная волна сорвала дверь. Федя мячиком вылетел на улицу.

Мария Семеновна упала на камни, держась за правый бок. В ее руке была винтовка. По белому оренбургскому платку растекались яркие алые пятна.

— В скалы! — крикнул нам Терехов, а сам поднял раненую жену на руки. Он хотел низко пригнуться, но ноша мешала ему. И он, тяжело ступая, пошел во весь рост.

С моря затрещал пулемет. Нас заметили.

Мы залегли в камнях. Федя перевязывал мать. Она сама говорила, как и что делать! Но голос ее заметно слабел.

Мальчик не плакал.

Со стороны дома несло жаром. Дом наш пылал. Гитлеровцы подожгли его зажигательными снарядами.

— Рация-то... рация...— Мария Семеновна почти беззвучно шевелила губами.— Хлопчик мой... хлопчик.— Глаза ее были полны слез, лицо посерело, а губы стали совсем синими.

На мостике подводной лодки возились черные фигуры.

— Они спускают лодку, не смейте стрелять! — сказал Терехов.

Я удивленно глянул на него.

Иван Григорьевич стал переползать к прибрежным камням и знаками позвал меня за собой. Я понял план Терехова — он хотел подпустить десант поближе.

Гитлеровцы плыли в резиновой лодке.

Иван Григорьевич стрелял замечательно. Стоило нерпе высунуть из воды голову — он с одного выстрела попадал в нее.

Терехов выстрелил, но никто из сидевших в лодке не упал. В ответ затрещали автоматы.

Пахло гарью. Ветер понес на нас дым от горящего дома. Глаза слезились. Душил кашель.

— В лодку цель, в лодку! — командовал Терехов.— Дырявь, ее, проклятую!

Лодка стала тонуть. Гитлеровцы просчитались. Они, наверное, думали, что полярники сдадутся без боя.

— Тоните, проклятые! — Терехов даже приподнялся.

Раздался взрыв, нас обдало камнями и кусками льда. С подводной лодки били из пушки.

Резиновая лодка погружалась в воду. Четыре гитлеровца барахтались в воде. Я злорадствовал. Пусть узнают, что такое вода полярного моря. Ее температура ниже нуля! Прошлой осенью у нас прибоем угнало единственную нашу шлюпку. Я бросился было в воду, чтобы догнать ее, меня так ошпарило, словно я в кипяток попал. Лодку унесло.

Я видел, как фашисты один за другим исчезли. С подводной лодки им даже не успели оказать помощь, так быстро они скрылись под водой. Тут я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, подводной лодки уже не было. На том месте, где лежал Терехов, в развороченных камнях чернела воронка.

Сколько я так пролежал — не знаю. Очнувшись, пополз к камням, где остались Федя и Мария Семеновна. Левая нога и рука плохо слушались. В ушах гудело, перед глазами все время шли круги.

Я напрасно полз. Можно было идти: гитлеровцы ушли. Не решились высадить десант.

Я нашел Федю. Он скорчившись сидел возле матери и молча смотрел на нее. Он не плакал. Когда я подошел, мальчик бросился ко мне, вцепился в меня. Оказывается, он думал, что и я убит. Отца он не нашел. Даже не понял, куда тот исчез...

Мария Семеновна лежала на спине, словно вглядывалась в нависшие над островом тучи.

Дом наш догорал. Дым низко стелился над запорошенной снегом землей.

По морю плыли одинокие льдины. Вода потемнела. Пронесся короткий снежный заряд. Дым пожарища смешался со снегом.

Мы с Федей рыли могилу. Это было трудно. Приходилось вырубать слой вечной мерзлоты.

Работая, я думал, что нас хватятся, когда перестанут получать наши сводки. Прикажут попутному кораблю зайти на остров. Может быть, пришлют самолет. Однако раньше, чем дней через десять, помощи ждать нельзя.

Проживем... склад сохранился, продукты в нем есть. Но как быть со сводками? Именно сейчас наши сводки особенно нужны.

В вырытую яму мы положили Марию Семеновну. Потом, отослав Федю, я перенес в могилу то, что осталось в воронке от его отца...

Когда Федя вернулся, я уже насыпал небольшой холмик. Вместо памятника мы укрепили на холмике винтовку Ивана Григорьевича с изогнутым стволом.

Я посмотрел на дымящиеся развалины... и сообразил: могилу можно было рыть на месте пожарища — там земля оттаяла. Но об этом надо было подумать раньше.

Подавленные, мы поплелись к складу. Пока я приспосабливал его под жилье, Федя ушел на пожарище. Прибежал он взволнованный.

— Дядя Степа, на берег выбросило лодку!

Я выбежал из сарая. Снежная пелена скрывала горизонт.

Волны то выбрасывали резиновую лодку на берег, то снова стаскивали ее в воду. Без людей она не тонула. В каком-то ее отсеке оставался воздух. Я смотрел на море. Где-то на соседнем острове помещалась база военных моряков. У них есть рация. А что если... ведь все наши метеоприборы уцелели!

До соседнего острова не так далеко.

Я решил посоветоваться с Федей, а главное — загрузить его работой, отвлечь, занять... Я ни минуты не давал ему быть без дела.

Мы принялись за починку лодки. Растворив в бензине кусочек каучука, который я отодрал от своей подошвы, мы сделали резиновый клей. Наложили четыре заплаты.

На лодке были повреждены и переборки между отсеками, но я решил их пока не чинить.

Потом я послал Федю на метеоплощадку. Он снял самописцы, термометры и другие приборы, залез на столб и снял флюгарку. Все это мы решили взять с собой, чтобы оборудовать метеоплощадку около базы военных моряков.

Спустя сутки я испробовал лодку у ледяного припая.

Измученный, Федя спал.

На рассвете, если в море будет достаточно льдин, чтобы хоть немного унялись волны... и если их будет не слишком много, мы тронемся в путь.

Я уснуть не мог, все думал, имею ли я право рисковать жизнью мальчика? Не лучше ли сидеть на острове и ждать помощи.

Я бродил по пожарищу. Вот кухонная плита. Около нее, напевая бывало украинские песни, хлопотала Мария Семеновна. Вспомнился Иван Григорьевич. Как поступил бы он на моем месте? Конечно, решился бы плыть.

Надо известить штаб навигации о том, что произошло. И главное — надо немедленно возобновить работу метеостанции в этом районе. Это нужно летчикам, морякам!

Дул резкий ветер. В небе бродили облака. Разгулялся сильный прибой. В редкие минуты, когда выглядывало солнце, над камнями в мельчайшей водяной пыли загоралась радуга.

Я разбудил Федю. Он жмурился и ничего не мог понять.

— Собирайся, поплывем.

Федя вышел из сарая. Пусть выплачется.

Прощаться с могилой мы ходили вместе. Стояли молча без шапок и оба клялись отомстить врагу.

Федя нарвал мху, карликовых цветочков и положил их на холмик.

Весла у нас сохранились от старой шлюпки. Мы приспособили их к трофейной лодке и отплыли.

Лодка была изрядно загружена нашим багажом.

Кроме метеоприборов, мы взяли провизию и оружие.

Федя сидел на руле, а я греб. Самое трудное было — отплыть от берега. Лодочка наша то проваливалась вниз, то взлетала на гребень волны.

— Как на качелях! — крикнул я. Хотелось мне подбодрить мальчика.

Федя даже не отозвался на шутку. Бедняга! Держался он молодцом.

Все же мы отгребли от берега. Качка стала меньше, а может быть, мы просто привыкли к ней... Этот мальчишка был прирожденным моряком. Я не знаю, кто из его сверстников выдержал бы такую качку. У меня и то помутилось бы в голове, если бы я не сидел за веслами. Ничто так не помогает при качке, как работа.

Выйдя из полосы прибоя, я стал грести медленнее, чтобы сохранить силы на весь переход.

Некоторое время около лодки плыла нерпа. Она высунула голову из воды и смотрела на нас. Стрелять я не стал: все равно мы не смогли бы взять ее с собой.

Островок удалялся. Тоненькая радиомачта то появлялась, то исчезала. Шел мелкий снег. Льдины встречались чаще. Мы легко огибали их, и я начал думать, что все это не так уж страшно. К тому же, ветер переменился и стал попутным. Я рассчитывал еще засветло добраться до острова, переночевать на берегу, а назавтра обогнуть остров и дойти до базы.

К полудню сказалась усталость. На руках появились мозоли, скоро они превратились в кровавые. Однако нужно было грести.

Ветер снова переменился и стал дуть нам вбок. Я предпочел бы даже встречный ветер. Боковой был особенно неприятен. Волны били в низкий борт. Лодку заливало, и Феде все время приходилось откачивать воду. Против волн идти было невозможно. Мы сбились бы с курса. К тому же, нас могло пронести мимо острова, к которому мы направлялись.

Небо опустилось почти к самой воде. То и дело налетали снежные заряды. Издали они казались огромными косыми

столбами и походили на сказочных великанов, которые, нагнувшись вперед, вброд переходили море.

Когда налетал заряд, серая мгла скрывала все вокруг. Волны бесились. Каждое мгновение на нас могла наскочить блуждающая льдина и распороть лодчонку.

С болезненной остротой чувствовал я свою ответственность за жизнь мальчика. Чтобы отвлечься, я стал расспрашивать его о родственниках на Большой Земле.

Федя вдруг заявил, что останется со мной в Арктике до тех пор, пока не вырастет и не сделается моряком.

Оттого, что мы так уверенно говорили о нашем будущем, нам было легче плыть. Развлекая мальчика, я фантазировал:

— Вот если бы отгородиться как-нибудь от идущих с севера льдов! Если бы льды не попадали на судоходную трассу, вот здорово было бы! Молодой годовалый лед, который появляется здесь каждую зиму, нашим ледоколам не страшен. Они могли бы плавать круглый год. Беда в тяжелом паковом льду, который пригоняют ветры.

Мальчик слушал меня внимательно, но недоверчиво.

— Я, дядя Степа, когда вырасту, стану капитаном. Мне на льды наплевать,— сказал он низким голосом и сплюнул.

Льды не заставили себя ждать. Они пожаловали к нам.

Когда льдины проплывали совсем близко, был слышен плеск воды. Это волны разбивались о лед.

Льдин становилось все больше и больше.

Покачиваясь, проплывали они мимо, грозя задеть нас.

Пришлось бросить весла. Я стоял на коленях и веслом отталкивался от напиравших льдин. Лодочка медленно поднималась вверх вместе со всей громадой окружавших нас льдов. Потом так же медленно опускалась...

Я заботился лишь о том, чтобы льды не раздавили нас. О выборе направления теперь нечего было и думать.

Вдруг показался остров. Нас проносило мимо него.

Я стал отчаянно прорываться к берегу. Но льдины были сильнее нас... Я не смел взглянуть на мальчика, но все же пересилил себя. Федя стоял в лодке и, так же упорно как я, отталкивался от льдин веслом.

Вокруг все было бело от льдин... Откуда их принесло столько? Они уже распороли в одном месте обшивку нашей лодочки. Лодка дала течь. Счастье наше, что водой заполнился только один отсек и как раз тот, который не был пробит пулей.

Лодка глубоко осела. Федя вычерпывал воду.

Я уже решил выбираться на ближайшую льдину. Лодочка каждую минуту могла затонуть.

Резина омерзительно скрипела, как мяч, по которому проводят ладонью. Льдины терлись о борта.

Мы видели мыс острова. За этим мысом база. Виднелись даже домики. Они удалялись...

— Дядя Степа, что это стучит? — вдруг спросил мальчик.

Я ничего не слышал, у меня стучало в висках от усталости.

— Стучит, стучит,— настаивал мальчик.

Я прислушался. Да, над водой разносился ровный стук мотора.

— Катер.

Неужели это катер? Я не знал, что он есть на военной базе! Неужели нас заметили? Ну, конечно, заметили! Ведь моряки непрерывно наблюдают за морем. У них сильные бинокли.

Я сбросил с себя ватную куртку, прикрепил ее к веслу и стал размахивать над головой. Стало жарко, лоб у меня покрылся потом, бороду запорошило снегом.

Катер! Катер! Мы еще не видели его, но слышали, определенно слышали!

Федя верил в помощь. И он был прав, этот славный мальчик! Скоро мы увидели катер. Он дошел до сплоченного льда и стал пробираться между льдинами. Остров удалялся от нас, но теперь это уже не пугало.

Катер подошел к нам. Моряки спрыгнули на льдину... Побежали.

Я долго не мог говорить от усталости. А Федя мужественно рассказывал, что и как произошло. Только о родителях он ничего не сказал... Моряки и так все поняли.

Матросы бережно перенесли на катер наши метеоприборы, забрали и трофейную лодку, критически рассматривая ее.

Метеоплощадку мы с помощью моряков разбили на новом месте, невдалеке от жилого дома. Старший лейтенант выделил мне в помощь старшину. Федя стал моим неизменным помощником, и мы втроем в течение нескольких месяцев несли регулярную метеовахту».

Степан Федорович кончил свой рассказ. Мы смотрели на сверкающие льды. Я старался представить себе между ними крохотную резиновую лодочку.

— А как же подводная лодка? — спросил я.

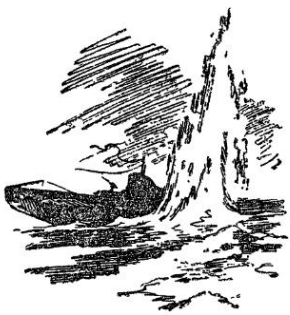
Степан Федорович оживился.

— Попалась... Попалась в архипелаге, как в сети. С севера подошли льды. Немцы их боятся. На восток идти, еще дальше от баз,— гибель. А назад прорваться не могут: наши катера-охотники путь отрезали. Неделю метались. Не рады, наверно, были гитлеровцы, что забрались в полярные воды...

Тут еще проливы между островами льдом забивать стало. Побоялись фашисты подо льдом остаться. Всплыли. Тут ее наши морячки с наблюдательного пункта заметили, как недавно нас с Федей. Послали несколько хороших снарядов. Больше не понадобилось.

Пора было идти на полярную станцию. Выгрузка кончалась. Мы возвращались со Степаном Федоровичем, и мне казалось, что я знаю его давно, давно.

— Вот и покидаете вы нас,— сказал он.— Скоро Борис Ефимович поведет своего «Седова» через сплоченные льды.



ЛЮБОВЬ

— Только на «Георгии Седове» возможно такое необычайное положение,— говорил капитан Борис Ефимович,— когда на одном пароходе люди едут в разные стороны. Вас интересует, как это может быть? Очень просто. Бегает наш корабль без устали от одного острова к другому, доставляет продовольствие, уголь, оборудование, заменяет зимовщиков. Вот и получается, что одних полярников он с острова снял и везет на Большую Землю, а других еще только доставляет с Большой Земли на острова. Так и путешествуют на нем пассажиры: одни в Арктику, другие из Арктики... А живут в соседних каютах. Порой из-за этого получаются запутанные положения.

Мы поняли, что Борису Ефимовичу хочется что-то рассказать, и стали просить его об этом.

Капитан охотно согласился. Он прищурился, словно всматривался куда-то далеко. На его обветренном морщинистом лице появилась хорошая, чуть лукавая улыбка.

— Шли мы на «Георгии Седове» в обычный рейс по островам. И на борту была у нас девчушка лет двадцати. Впервые в Арктику попала, договор на три года заключила. В колхозном селе семилетку окончила, мечтала о далеких путешествиях, о северной романтике, пошла на московские курсы метеорологов... Маленькая такая, крепкая, кубик.

Кровь с молоком. Стриженная под машинку, как после болезни. Это она нарочно остриглась: дескать, ничем таким не интересуется на Крайнем Севере. Ну и встретилась на корабле с одним полярником. Знаменитый радист. Кто его в Арктике не знает! Грачев.

— Грачев? — переспросил я.— Радист, бежавший с немецкого рейдера? Он рассказывал мне про «полярного Варяга».

— Вы слышали от него про «Варяга»? Вот с этого рассказа все дело и пошло.

Услышала Маша про историю с рейдером от самого Грачева, который после нескольких лет зимовки на Большую Землю возвращался, и увидела в Грачеве замечательного полярного героя. Сам он себя никаким героем, конечно, не считал, человек был солидный, тихий, но...

Мне вспомнилась рослая фигура радиста, его квадратное лицо с глубокими морщинами, ровный, неторопливый голос.

— ...но кого из нас не подкупит женское теплое внимание?

Разгуливали они вдвоем по палубе и всем обязательно на глаза попадались. Им-то самим это, по-видимому, было невдомек, а над ними посмеивались.

А влюбленным моим, кстати сказать, было совсем не до смеху. Ехали они на одном пароходе, но... в разные стороны.

Машенька должна была остаться на три года на острове Диком, а Грачев отправлялся на отдых. Кто знает, когда еще свидятся?

Помню, Маша упавшим голосом как-то сказала Грачеву: «Я теперь на каждую проплывающую льдину смотреть буду и вспоминать, как ты, Гриша, один на льдине в море плавал. Вот если бы в туман, в шторм, увидела я с борта корабля, что ты один на льдине сидишь... не задумываясь бы, спрыгнула».

Вот такая была Машенька.

Смотрел я на этих своих пассажиров и головой качал.

Однажды приходит ко мне в каюту Грачев. Лицо серьезное, губы решительно сжаты.

«Позвольте обеспокоить, Борис Ефимович».— «Чем полезен могу быть, Григорий Иванович?» — спрашиваю.— «Не можете ли вы сказать мне, Борис Ефимович, сколько стоит один день питания на «Георгии Седове?»

Отчего же не сказать? Позвал я второго помощника, он у нас на корабле всю отчетность ведет. Вычислил он, что надо, и назвал Грачеву сумму. Тот записал аккуратно в записную книжку.

«Скажите теперь, Борис Ефимович, сколько стоит проезд на «Георгии Седове»?»

Удивился я. Никак не пойму, к чему он клонит. Но человек солидный, зря интересоваться не будет. Вычислил ему второй помощник стоимость проезда. Полярники-то никогда ни проезд, ни питание не оплачивают. Все это им по договору бесплатно полагается.

«А не знаете ли вы случайно, сколько стоит перелет на самолете от Москвы, через Архангельск, до острова Дикого?» — «Это очень дорого стоит»,— говорю я.

Я случайно знал эту сумму и назвал ее Грачеву. Тот опять все аккуратно записал, поблагодарил нас со штурманом и ушел.

На следующий день снова пришел он ко мне. Вижу, смущен чем-то. Я его хотел коньяком угостить, но он отказался.

«Борис Ефимович, именно к вам хочу обратиться. Не сможете ли вы дать мне взаймы двести шестьдесят рублей? Через месяц после приезда на Большую Землю я вам по телеграфу переведу».

Удивился я очень. Знаю, что за несколько лет зимовки у Грачева должна порядочная сумма скопиться. Тратить-то ведь на острове некуда. Но отказать такому человеку в просьбе нельзя.

«Почему двести шестьдесят? Возьмите триста». «Нет,— говорит,— мне достаточно двухсот шестидесяти».

Взял деньги, поблагодарил и ушел.

Подошли мы к острову Хмурому, где Маше сойти предстояло. Начальником на этом острове был Василий Васильевич Сходов. Известный полярник, суровый человек, но хозяин хороший, правильный. К нему на станцию и была назначена наша героиня.

Съехал я на берег — Василия Васильевича проведать. Со мной вместе на катере и Машенька была. Грачев тоже на берег отправился. Я решил, что он хочет девушку проводить. Ну, думаю, крепко серьезного человека защемило.

Надо сказать, что начальник полярной станции на острове обязан многие функции выполнять. Об этом Грачев, конечно, знал.

Вскоре, после того как я вошел к Василию Васильевичу Сходову, приходят туда Маша и Грачев.

Грачев объявляет, зачем он на остров съехал. Оказывается, решили они с Машей свой брак законным образом зарегистрировать, и начальник полярной станции товарищ Сходов должен выполнить обязанности загса.

Похвалил я в душе Грачева. Только Машеньку жаль мне стало. Предстоит ей сразу долгая разлука.

Василий Васильевич человек сухой, строгий. Лицо и фигура под стать характеру. Жилистый, упругий, щеки ввалились, глаза серые, улыбается редко.

Достал он свои книги, потребовал с «брачующихся», как он выразился, документы, все досконально проверил, ну... и поженил, заставил расписаться, потом крепко молодым руки пожал, и глаза у него сразу потеплели.

Про Василия Васильевича я все знал. Похоронил он на далеком острове всю свою семью: и жену и сына десяти лет. Давно это было. Тяжелые тогда условия в Арктике были, не все могли их перенести. С тех пор Василий Васильевич помрачнел. Похоже, он себя виновным в гибели близких считал. Но Арктику все же не покинул. Любит он наши края...

Сходов поздравил молодых и сразу сказал Маше, что кончит сейчас разговор со мной и покажет ей ее комнату.

Маша к столу Сходова подходит, глаза в землю смотрят.

«Товарищ Сходов,— говорит.— Я теперь законная жена товарища Грачева и по семейным обстоятельствам на острове остаться не могу».

Сходов откинулся на спинку стула, руки, сжатые в кулаки, на столе лежат. Смотрит хмуро.

Тут вперед выступает Григорий Иванович Грачев.

«Василий Васильевич, вы о нас худо не думайте. Вы же знаете, я последние шесть лет безвыездно в Арктике живу. А теперь вот в первый раз в жизни полюбил... Будьте другом, отпустите мою жену со мной! Мы потом вернемся, отработаем перед государством... Что касается расходов на Машу: подъемные там, стоимость билета на самолете Москва — Архангельск — Дикий, проезд на пароходе «Георгий Седов», опять же питание за все время пути... Так я эту сумму полностью вам возвращаю. В основном — перечислением со своей сберегательной книжки, а что не хватит там — наличными... двести шестьдесят рублей».

Грачев положил на стол Сходову деньги и телеграфное распоряжение своей сберкассе.

Маша стоит, глаз не подымает. Грачев покраснел весь от волнения. А Сходов словно окаменел.

Наконец Василий Васильевич говорит глухим отрывистым голосом: «Это что же значит? Вы что? За жену мне выкуп предлагаете?»

Квадратное лицо Грачева стало багровым. Но он сдержался и говорит спокойно, раздельно: «Не выкуп, товарищ Сходов. Я государству возмещаю все понесенные расходы и прошу вас договор с женой моей аннулировать, потому что...» — и замолчал.

«Вы что же, товарищ Грачев, думаете, что только в деньгах дело? — ледяными словами так и хлещет Сходов.— Разве вы, опытный полярник, не знаете, что если ваша жена на острове не останется, то на полярной станции метеоролога не будет? Полярная станция ответственные задания выполняет, а вы ее разоружить собираетесь».

«Будьте же человеком, Василий Васильевич! — взмолился Грачев.— Ведь речь идет о счастье человеческом... Я ведь себя никогда не жалел, всего себя Арктике отдавал. Да и Машенька не пожалеет. Только дайте нам совместную жизнь начать, не разлучайте!»

Так искренне слова Грачева прозвучали, что мне его и Машу от всей души жалко стало.

«Полярная станция острова Хмурого не может остаться без метеоролога»,— отрезал Василий Васильевич.

Тут Маша к столу подошла. Улыбается, и лицо у нее от этой улыбки даже красивым сделалось.

«Так мы попросим вашего старого метеоролога еще на год остаться. Ну, неужели он нам откажет?»

Столько эгоизма и наивности было в Машиных словах, что нельзя было их без улыбки слышать.

Сходов смешался, нахмурился еще больше и пробурчал: «Это его дело. Попробуйте договориться».

Грачевы тотчас же ушли. А Сходов раздраженно спрятал в стол деньги и телеграмму, которую сам же должен был передать в сберкассу, запер ящик на ключ и говорит мне: «Метеоролог Юровский перенес тяжелую болезнь. Он слаб. Врача у меня на острове нет, и метеоролог еще на год никогда не останется».

Я вообразил себе этого метеоролога, сидящего на чемоданах, у него карманы уже набиты письмами на Большую Землю, а к нему вдруг обращаются с неожиданной просьбой люди, которым кажется, что, кроме их счастья, на всем свете ничего не существует.

«Ни за что Юровский не согласится, уж я это знаю,— повторил Сходов.— Из-за его болезни я ведь и смену ему вызвал».

Мне, капитану, часто в дела своих пассажиров вникать приходится, но тут... что я мог сделать? Наблюдаю жизнь, как она есть!

И вдруг возвращаются к нам молодожены Грачевы, сияя, как арктическое солнце в апреле.

«Согласился Юровский!» — возвещает Грачев.

«Такой милый молодой человек... такой чудесный товарищ! — говорит Маша.— Я его расцеловала. Женя его зовут».

Сходов позеленел, но ничего не сказал, а когда «счастливцы» вышли, сказал мне: «Капитан! Вы должны мне помочь. Я понимаю, что такое человеческое счастье, но я знаю также, что такое человеческая жизнь! Юровский погибнет, если останется... Это только я знаю. Сердечнее он оказался, чем я думал, но он не имеет права остаться на острове!»

Посоветовались мы со Сходовым. У меня кое-какой план появился. На том и порешили.

Вышел я от Сходова, а Маша с Грачевым ко мне: «Поздравьте нас,— говорит Маша.— Мы так счастливы, Борис Ефимович!»

Я холодно отвечаю: «Не могу поздравить вас, Мария Федоровна, потому что вы полярный дезертир».

Грачев нахмурился, исподлобья на меня смотрит. Маша побледнела.

«Вы в Арктику ехали, чтобы геройски бороться с суровой природой и служить Родине, а сами устройством семейных дел занялись».

«Да разве я...— вмешался Грачев.— Столько лет... разве мне нельзя подумать о личном?..»

«Вам, Григорий Иванович, можно, вы человек заслуженный. А вот молодой женщине, которая себе еще ни разу щеки не поморозила, ей-то, может быть, и рановато!»

Грачевы что-то хотели мне объяснить, но я сказал только Маше: «Теперь вы, гражданка Грачева, не полярница, а пассажирка». Она обиделась.

Я вернулся на корабль, нашел парторга и предложил ему устроить аврал по выгрузке.

Мой помполит искренне удивился: «Чтоб все моряки и все пассажиры участвовали?» — «Все полярники,— подчеркнул я.— Ведь станция небольшая, грузов немного... И так бы справились».

Я ему объяснил свой замысел.

Начался аврал. Все мои пассажиры — зимовщики, возвращающиеся после зимовки, и те, кто направлялись к месту работы, с охотой согласились помочь морякам.

У причала закипела работа. Работали все без исключения. Мы со Сходовым тоже взялись таскать мешки и ящики.

Такая уж у нас в Арктике традиция. Даже наш корабельный кок со шкиперской бородкой — и тот сбежал из камбуза, чтобы «подкинуть» пару мешков угля.

Люди шли вереницей, у кунгаса им на спину клали тяжелые мешки, которые в другое время многих придавили бы к земле. Полярники хватали мешок за петли и спешили наверх. Там они высыпали уголь. Черная пирамида росла на глазах. А люди спускались к воде, с азартом хватали новые мешки и снова спешили наверх.

Работали весело, перекидываясь словами, посмеивались.

«А ну, валяй, валяй!» — «Бегом, бегом!» — «Ты который? Одиннадцатый мешок? А я уже двенадцатый!» — «Полярники, от моряков не отставай!» — «Сами, братишки, подтягивайтесь!»

Спускаюсь я за мешком к кунгасу и встречаю Грачева. Несет мешок. Лицо все в черной пыли. Только белки глаз сверкают. Обгоняет меня маленькая фигурка, кубик... Узнаю — Маша!

«Бросай мне на спину мешок! — кричит она.— Не гляди, что я маленькая! Мешки с зерном в колхозе таскала».

Два моряка мешок схватили, раскачали, но я их остановил и к Маше обращаюсь: «Простите, гражданка Грачева, здесь у нас работают только полярники. Посторонним принимать участие в аврале не разрешается».

Маша опешила. Смотрит на меня непонимающе, а морячки посмеиваются. Мешок, ей предназначенный, кому-то другому на спину бросили.

«Как так посторонним? — спрашивает Маша.— Я ведь помочь хочу».— «Пожалуйте на корабль, в каюту. Вы платный пассажир. Не имеем права вас нагружать».

Маша повернулась, чтобы слезы скрыть. Отошла. Моряки со мной перемигнулись.

Грачев за новым мешком возвращается.

«Маша! Ты чего?» — обращается к ней.

Она только рукой махнула и побежала от него.

Видел я потом, как она на скале сидела и на морской прибой смотрела. Не знаю уж, о чем думала.

Вечером мой помполит собрал в кают-компании моряков и полярников. Объявил вечер воспоминаний. Каждый мог рассказать о полярной жизни что-нибудь интересное. Вот в такой же вечер и услышала Маша о «полярном Варяге».

Я в своей каюте сижу. Вдруг стук. Я уж знаю — кто.

Так и есть — Маша. Лицо заплаканное.

«Борис Ефимович! Меня не пускают...» — «Куда вас не пускают?» — «На вечер не пускают. Разве я прокаженная какая, что я и послушать не могу!» — «Вот это уже зря»,— сказал я, сдерживая улыбку, и повел ее в кают-компанию.

В кают-компании тесно, сесть некуда. Но Маше нашей место нашлось. Вижу — в дверях появился и сам Грачев, мрачный, насупленный.

Помполит спрашивает: «Ну, кто про что рассказывать будет?» — а сам, прищурясь, смотрит на Екатерину Алексеевну, Катю, знатную нашу полярницу.

ПОЕДИНОК

Катерина Алексеевна, или Катя, как называли ее почти все на корабле, была еще молода, хотя и считалась «старой полярницей». Как и мужчины, она носила темный китель с светлыми пуговицами и меховую шапку, из-под которой выбивались туго заплетенные косы, заколотые на затылке, под шапкой. Брови у нее были прямые с вертикальной складкой между ними, которая делала бы широкое Катино лицо суровым, если бы не ямочки на щеках, молодившие ее.

Помполит, не обращаясь ни к кому из сидевших в кают-компании, сказал:

— Екатерина Алексеевна, наша Катя, и радистка и метеоролог, она же и механик и повар. В Арктике, когда живешь на маленькой полярной станции, нужно быть мастером на все руки. Катя у нас и охотник неплохой. Катя, на вашем счету сколько медвежьих шкур? Одиннадцать? Ну вот видите... На медведя один на один выходит. Ей наверняка есть что рассказать.

Катя улыбнулась.

— Про подвиг какой-нибудь расскажи,— попросил кто-то.

— Уж не знаю, про какой вам подвиг рассказать,— начала Катя голосом грудным и низким, но женственным.— Подвигов я не совершила никаких, а вот если интересно вам послушать про обыкновенный бабий страх, могу рассказать.

Полярники переглянулись.

— Вам, мужчинам, может быть, смешно будет слушать, а вы все-таки послушайте. Может быть, каждый о чем-нибудь таком вспомнит...

Катя встала, чтобы пересесть к нам поближе. Говорила она уверенно, как человек, много узнавший и перенесший. Роста была небольшого, но сложения крепкого. Выпекли ее из туго замешанного теста.

— Попала я в Арктику совсем еще девчонкой,— неторопливо начала она.— Окончила семилетку на селе, год в колхозе проработала. И все тянуло меня неведомо куда... под полярное сияние. А какое оно, это полярное сияние, я даже не знала. У нас, под Рязанью, в одну зимнюю ночь видно было это полярное сияние, да и то я его просмотрела. Прогуляли мы ту ночь на вечеринке. Никак я этого простить не могла себе и вбила в голову — поехать на Север.

Родители мои сначала противились, а потом рукой махнули. Упрямой меня считали. А я в жизни не такая уж упрямая, просто настойчивая.

Словом, поступила я на метеорологические курсы. Помню, как-то объясняла своим девчатам, что такое метеоролог: наблюдать, мол, надо за погодой по флюгаркам да по градусникам. Ребята нашлись, которые посмеиваться стали над такой легкой работой. Не могли представить себе, что это значит: через каждые четыре часа, днем и ночью, в мороз и в пургу на метеоплощадку ходить, фонариком светить, замерзшими пальцами показания приборов записывать. И чтобы никогда времени не пропустить!

После окончания курсов попала я в Арктику, на мыс Окаянный, на небольшую зимовку.

Было нас на мысу четверо. Три парня и я. Все комсомольцы, все мечтали о подвигах, а насчет любви сразу же запрет объявили. Не для того мы в Арктику пошли. Словом, ребята подобрались хорошие. Слово держали.

Правда, через год я все-таки за Алешу замуж вышла, но целый год он даже пикнуть об этом не смел.

Алеша — красивый парень, голубоглазый, «грудь нараспашку» всегда ходил, в любой мороз. На Большой Земле он все ангиной страдал и вот «грудью нараспашку» вылечил эту самую ангину. Никогда при мне не хворал. Он сейчас в бухте Темной на радиоцентре работает. Мы с сынишкой к нему из отпуска возвращаемся.

Энергии у наших ребят хоть отбавляй, да и я от них отставать не хотела. Мы организовали у себя кружки разные. Кружок английского языка, музыкальный, пения, физкультурный. В каждый кружок записывались вчетвером. Только вот в шахматный я не записалась. У женщин насчет шахмат все-таки слабовато дело обстоит.

За жизнью на Большой Земле мы следили внимательно. Тогда как раз начало развиваться стахановское движение. Алеша стихи о стахановском движении сочинил.

Но Миша, начальник станции, сказал, что мало стихи про стахановское движение писать, надо самим стахановцами стать. Коля, высокий, тощий, насмешливый такой, над всем всегда посмеивался, стал вышучивать Мишу. В самом деле, как на нашей полярной станции стахановцами стать? Больше, чем надо, метеосводок не передашь, больше, чем требуется, радиограмм не отправишь. Коля посоветовал мне по два обеда в день готовить (я у них за метеоролога и за повара была), а он, дескать, берется в день по два обеда съедать.

Однако Миша, как начальник станции, заявил, что стахановцами нам все-таки стать можно и должно.

Он предложил устроить на льду пролива гидрологическую станцию, чтобы брать регулярно пробы морской воды с разных глубин и определять ее соленость, температуру и прочее. Таких исследований в нашем районе не велось, а были бы они очень желательны. Можно было определить подводные течения, попробовать проникнуть в тайны морских глубин.

Мы сразу загорелись. Будем двойную нагрузку нести, а научные наблюдения сверх нашей работы произведем! Хоть одним глазком, а заглянем в морскую пучину!..

Миша предложил пробить на льду, подальше от берега, прорубь, построить над нею будку и жить там по очереди. Оставшиеся же на зимовке ребята брались сверх своих обязанностей выполнять работу отсутствующего дежурного.

Сказано — сделано. Выбрали ребята место километрах в пятнадцати от берега, чтобы поглубже было, пробили там прорубь. Я тоже вместе с ними ходила, лед рубила. Соорудили мы над прорубью будку из льда и снега, ни дать ни взять — избушка. Работали по двое, а двое на зимовке отдувались.

Когда все было готово, мы сообщили о своем предложении по радио начальнику, получили разрешение.

И сразу же спор у нас вышел: кому первому на дежурство идти. Миша хотел идти первым, как начальник станции, но остальные воспротивились: это, мол, сверхплановая работа, и пусть Миша, как начальник, помолчит. Алеша предложил шахматный турнир разыграть. Кто выиграет, тот первый и пойдет. Я, конечно, нашумела тут как следует. Если я в шахматы не играю, так это не значит, что я первая не могу самой трудной работы выполнять?

Коля предложил жребий бросить. И выпало по жребию идти на первое дежурство мне.

Алеша, конечно, хотел заменить меня. Я отказалась. Просил разрешения хотя бы проводить. Я сказала, что не с вечеринки домой иду, и стала собираться.

Оделась потеплее, взяла ружье — стрелять я тогда только еще училась, но все же стреляла метко,— простилась с ребятами. Алеше вместо меня пришлось у плиты возиться, он меня заменял и на кухне и на метеоплощадке.

Все-таки до метеоплощадки он меня проводил. Как раз срок наблюдения подошел, не могла я его прогнать.

И увязались за нами собаки.

Были они для нас и радостью и горем. Любили мы их, грудастых, лохматых, а с кормежкой плохо было. Продукты у нас на строгом учете, не имеем права их на собак расходовать. Полагалось для них нерп набить и мяса впрок заготовить еще летом. А мы только осенью приехали, да и охотиться как следует не умели. Собаки прожорливы были до ужаса. А ребятам удалось только две нерпы подстрелить, из моря же достали только одну... Вот и приходилось собакам из своего пайка уделять, да где же их прокормишь? Вечно смотрели они на нас голодными глазами. Ребята мечтали медведя подстрелить, да белые медведи к нам не показывались, а зимой о нерпах нечего было и думать.

Увязались за мной собаки. Алеша их еле-еле отозвал и с собой на полярную станцию увел.

Я долго смотрела ему вслед. Было полнолуние. Далеко видно. Алеша мне все шапкой махал. Я ему крикнула, что он уши поморозит.

Спустилась я с берега на лед и направилась по ледяному полю к нашей снежной избушке. Дорогу я знала, но на всякий случай по звездам курс держу, чтобы не сбиться с пути. Это меня Миша научил.

Отошла я от берега, скрылся он вдали, вокруг простор, залитый лунным светом. Остановилась я, смотрю на льды и словно впервые их вижу.

Одна я в пустыне. Тишина мертвая. Хоть бы в ушах зазвенело, и то бы обрадовалась. А тут словно оглохла. Даже страшно мне стало. Как будто на Луне или на какой-нибудь другой мертвой планете очутилась. Тихо... Мертвый блеск...

И такой я себя слабой, маленькой почувствовала, что хоть реви. Первым делом, конечно, про Алешу вспомнила. Ведь когда с ним последний раз на зимовку возвращались, ничего такого не чувствовала. Что значит одиночество!

Крикнула я для храбрости. А голос мой, как в вате, пропал...

Совсем меня ужас взял. Теперь уж и крикнуть рада, а горло перехватило. Звука нет. Так во сне бывает. Все тихо вокруг, и мрачно так блестит. Хоть бы тень какая-нибудь пробежала, что ли...

Чувствую — не могу идти. Хоть назад поворачивай и беги, спасайся. А отчего, сама не знаю. В детстве из темной избы или из сарая вот так же в холодном поту выскакиваешь...

И вдруг слышу треск... Раньше тишина, словно слух от тебя отняли, а теперь треск. Легкий такой, словно искрит что-то вдали.

Ну, думаю, с ума схожу, мерещится. И гордость сразу свою потеряла. Алешу бы позвать, так ведь далеко уже отошла.

А что-то трещит себе да трещит... Скорее даже поет на одной ноте... Прислушиваешься, словно и нет ничего, а перестанешь слушать — снова не то звон, не то стон...

От этого звука я совсем потерялась, повернула назад и бегу.

Остановилась все-таки... Стараюсь себя в руки взять. Что ребятам скажу? Засмеют!..

Стала заставлять себя о задании думать. Нам нужно было узнать, пресная или соленая вода идет у самого дна и куда направляются воды великих сибирских рек, которые впадают в полярное море. Воды эти более теплые, чем соленые, идущие из-под полюса... Вот если бы эти теплые воды как-нибудь использовать, чтобы полярные моря не замерзали... Ведь Баренцево море так и не замерзает из-за Гольфстрима.

Думаю обо всем этом и на льды смотрю. Растопить бы все эти льды, чтобы советские корабли и зимой здесь плавали. Непременно сделают это советские люди... Переделают и северную природу.

Заставила я себя снова лицом к морю повернуться, потом глаза зажмурила, чтобы не видеть лунного света. Про лунатиков вспомнила. Действует же лунный свет на нервных людей...

И решила не отступать, хоть с закрытыми глазами, а вперед идти. Шагаю, как слепая, руки вперед протянула, а глаза открыть боюсь...

Вдруг споткнулась и упала. Коленку больно зашибла, и сразу слезы из глаз. Спасительная вещь эти слезы!..

Вытираю я слезы, а ресницы уже слиплись, смерзлись. Пальцами оттаивать приходится. За делом я и успокоилась немного.

Вперед уже с открытыми глазами шагаю, но по сторонам смотреть еще боюсь. И корю себя всячески — какой же, думаю, я переделыватель природы, если этой природы и испугалась.

Только эта мысль и повела меня вперед. Заставила я себя идти.

Много лет я потом в Арктике прожила. И пурга меня настигала в тундре, и шторм лютый я переносила, но такого

чувства, как тогда в лунных льдах, никогда больше не испытывала.

Пожалуй, легче было бы мне на себе тушу белого медведя волочить, чем самое себя до снежной избушки довести.

Вошла я наконец в избушку, засветила коптилку, села на снежную табуретку и немножко всплакнула... Потом самой смешно стало. Ну, думаю, хороша стахановка ледяных полей, комсомолка!

В избушке у меня все из снега сделано. И лежанка — на ней спальный мешок, это мы с Алешей оставили,— и стол, и снежный табурет около него.

Сняла я с плеч свой мешочек, стала располагаться, ружье рядом с коптилкой положила. О том, как обратно пойду, и думать не хочется.

Решила сразу же работой заняться, первую пробу воды со дна взять.

Прорубь наша тонким слоем льда подернулась. Сняла я этот ледок, готовлю свой немудреный инструмент.

Подошла к проруби, нагибаюсь над ней и... назад!

Глазам не верю. Смотрит на меня из-под воды человеческое лицо... Различаю даже его черты: нос, рот, глаза большие, внимательные такие. И все приближается ко мне это лицо. Я закричать была готова. Смотрю не отрываясь. Значит, мерещится мне, так решила.

А человеческое лицо поднимается все выше и выше. Я только зубы сжимаю, чтобы не стучали. Кажется мне, что усатый мужчина с огромными глазищами ко мне из воды поднимается...

Лицо в воде становилось все яснее и яснее, словно выступало из тумана. Два огромных, почти круглых глаза, усы... действительно усы! Все ближе эти глазищи, огромные и как будто любопытные. Смотрят на меня не мигая.

Я потянулась за ружьем и тут только сообразила: нерпа! Фу, ты, неладная!..

И сразу я на чудище морское по-иному взглянула.

Это же нерпа! Тюленье мясо... Будь здесь ребята, да разве они ее упустили бы? Собаки-то голодные...

Выстрелить? Но она утонет, не достать... Как же ее выманить?

От многих полярников я слышала, что любопытнее нерпы нет животного. Говорят, где-то заводили возле проруби патефон, и нерпа вылезала на лед, интересовалась. Но как же мне быть? Патефона у меня нет. Как заинтересовать животное?

Стала я то приближать к воде лицо, то удалять. Пусть заинтересуется мной лично... Косы развязала, стала ими трясти над прорубью.

Но нерпа голову не высовывала и все смотрела на меня своими глазищами из-под воды. Тогда я опять про патефон вспомнила. Стала я нерпе насвистывать: «Скажите, девушки, подружке вашей». Она слушает, но не шевелится. Тогда я решила ее на голос взять. В деревне я певуньей считалась. Ну и стала я нерпе петь. Сначала потихоньку, чтобы не испугать, потом громче. Наконец полным голосом. Словом, дала над прорубью целый концерт, как заслуженная артистка какая-нибудь.

Коля наш долговязый все серенаду Дон-Жуана распевал, так я и ее вспомнила. Пою Колькиным голосом: «О, выйди, о Нерпа! О, выйди, о Нерпа, скорее на лед!..» На последней ноте, точь-в-точь как Николай, даже петуха дала.

Нерпа слушает меня, подлая, не уплывает и не вылезает.

«Ну, подожди,— думаю,— усатая. Неужели тебя баба не перехитрит, если по тебе мои собаки скучают?»

Морду зверя я бы пальцем достать могла... Вспомнила я тут, как чукчи на нерпу зимой охотятся. Нерпы, которые непременно должны выбираться на лед, чтобы подышать, протаивают себе дыханием небольшие проруби. Чукчи находят эти проруби и укрепляют над прорубью шалашиком острые рыбьи кости. Нерпа, выбираясь из воды, раздвигает эти кости, кости впиваются в ее шкуру, и нерпа никуда деться не может: ни вылезти, ни обратно в прорубь опуститься.

С собой нож у меня был. Думаю: если опустить руки по плечи в воду, можно нерпу под ласты ухватить, а чтобы не выскользнула, нож ей всадить в бок, как рыбью кость...

Прорубь узкая, зверю в стороны не податься, а вниз уйти нож не пустит. Ухвачусь крепко за нож и вытащу зверя на лед, а потом из ружья пристрелю. Вмиг я это решение приняла. Выхватила нож, бросилась на прорубь. Круглые, преломленные в воде глаза совсем близко мне в лицо заглянули. Да я уж не боялась!

Не успела нерпа пошевельнуться, как я ей нож ниже ласт всадила. Обняла ее руками и вверх тащу.

Забилась нерпа. Я изо всех сил напрягаюсь, но ведь силато у меня все-таки не мужская, женская... Не держись я за нож, выскользнула бы нерпа, уплыла. Нож ее вниз не пускает. Она бьется. Прорубь узкая. Повернуться нерпе негде, она вырваться не может. Но и я ее вытянуть не могу.

Лежу у проруби, напрягаюсь до боли в суставах. Бьется зверюга в тесной проруби. Кожу у меня на руках о лед ободрало. Вода ледяная... Пальцы неметь стали. Обидно мне, прямо до слез. Упущу сейчас добычу, а все от женской своей слабости. Напрягаюсь я изо всех сил... И удалось мне, обнявшись с нерпой, на колени встать.

Голова нерпы из воды показалась. И сразу всякое сходство с человеческим лицом исчезло. Одну ногу я на лед ступ-

ней поставила... Еще одно усилие... Стала я приподымать тушу из воды...

«Врешь, не вырвешься,— шепчу,— не на такую напала!»

Приподнялась я на обе ноги и, чтобы скорее зверя из воды вытащить, повалилась на бок и ее рядом с собой повалила. Она оказалась одного почти со мной роста.

Нерпа начала биться, извиваться. Выскользнула. Нож у меня в руке остался, порезала я о него другую руку. Нерпа хвостом ударила и смахнула со стола коптилку. Загремело ружье. Остались мы в полной темноте.

Только бы в прорубь зверя не упустить!

Кинулась я на прорубь и закрыла ее своим телом. Нерпа сама на меня бросилась. В воду пролезть хочет. От нее рыбой и ворванью воняет...

Темно, до ружья не дотянешься, да и где теперь оно — неизвестно...

Продолжался наш бой во мраке. Хлестнуло меня чем-то тяжелым и мокрым по лицу так, что в голове загудело. Верно, она хвостом меня... А я размахиваю руками, норовлю ножом ее ударить.

Врут все, которые говорят, что тюлень на льду беспомощен. Я потом слышала, что морж с белым медведем драться может. Ну и нерпа со мной дралась. Дралась на равных. Дорого дался мне этот бой. Впервые в жизни у меня рукопашная такая вышла. Но все-таки я не упустила ее в воду... не упустила!

Шкуру нерпы мне потом пришлось зашивать местах в двадцати. Я требовала, чтобы Алеша зашивал, а он уверял, что это женское дело. Ну, я зашила. Всем ребятам шапки сделала. Красивые вышли.

А я с синяками ходила... Тело ныло, словно меня дубинами били.

Но обратно я шла уже без всякого страха, хоть и луна и льды прежние были.

— Катя умолкла,— продолжал свой рассказ Борис Ефимович.— Маша смотрела на нее, не спуская глаз, подперев кулачком подбородок. Помню, в мою сторону она оглянуться боялась.

Я выбил трубку и сказал: «Славный у вас, Катя, поединок был... с самой собой! Потому и полярницей настоящей стали».

Один из слушателей заметил: «А верно Катерина Алексеевна сказала: каждый из нас о таком пережитом страхе может вспомнить. Без того полярником не становишься».

Я ответил: «Это, конечно, верно. Каждый мужчина тоже такие страхи переживал. Только вот, пожалуй, мужчина об этом никогда бы не рассказал».

Тут все рассмеялись, но со мной согласились.

Потом попросили меня что-нибудь рассказать.

Что ж, у капитанов всегда найдется, что рассказать. Откашлялся я, затянулся трубкой и говорю: «Сегодня мы крепко поработали, сразу весь уголь на берег перетаскали».

Вижу — Маша моя краской наливается. А я продолжаю: «Не всегда так удачно получается. Бывает, что к острову и не подойдешь, выгрузку ведешь на ледяной припай. А уйти порой приходится раньше, чем успеют полярники уголь на берег перетаскать. Подует ветер, шторм начнется — отломит льдинку вместе с топливом и... поминай, как звали!»

«Неужели бывают такие случаи?» — спросил кто-то.

«Бывали»,— ответил я.

«И полярники зимовали без топлива?»

«Всякое случалось,— продолжал я.— Например, на острове Врангеля... Не могли туда пройти корабли. Вот полярники и прозимовали две зимы без топлива. Могли улететь, да не захотели. А в другом месте, отсюда неподалеку, так там ветром весь уголь унесло вместе с береговым припаем».

«Без топлива зимой... да разве можно?» — спросила Маша. Невольно это у нее вырвалось.

«Смотря кому,— смеюсь я.— Вот я вам расскажу сейчас про полярников, которым и это оказалось под силу. Одного из них вы все знаете... Они зимой ветром грелись».

«Теплым ветром? Разве такие тут бывают?» — удивился кто-то.

«Зачем теплым? Умеючи и холодным можно погреться».

И я рассказал про остров и его самоотверженных обитателей.

ПРОТИВ ВЕТРА

Остров был открыт всем ветрам. Чу́ть приподнявшийся над ледяными полями, он был затерян среди моря, пустынный, плоский, выметенный метелями.

Солнце на многие месяцы исчезало за горизонтом. В редкие дни, когда не было туч, на́д островом светили звезды и полыхало трепетное сияние. Потом солнце возвращалось. Изо дня в день оно поднималось все выше и выше, освещая базальтовые скалы и снежные морщины на обрывах берега. Тогда просыпалось море и гнало льдины одна на другую, сталкивало их, ломало.

Но ветер дул неизменно. Он не стихал. Он лишь менял свое направление, уходил куда-то и возвращался, чтобы снова пронестись над островом, завыть по-волчьи в скалах, пролететь по гладкому прибрежному леднику, закружиться на его куполе, неся с собой холод полюса.

В морозную звездную ночь человек шел против ветра.

Ветер рвал на нем полы полушубка, поднимал с земли снег, залепляя глаза, старался потушить фонарик и наметал на пути сугробы.

Человек остановился.

Он заглянул в маленькую будочку. В светлом пятне фонарика виднелся метеорологический прибор. Закоченевшими пальцами человек записывал в тетрадь показания прибора.

На ветер он не обращал внимания. Для него это была обычная погода, к которой он привык за пятнадцать лет, проведенных в Арктике.

Ветер иссушил его лицо, да и всю фигуру, жилистую и упругую, фигуру человека, привыкшего к лишениям и суровой жизни.

Вдоль натянутого каната Сходов — так звали этого человека — возвращался в дом. Он совершал этот путь к метеоплощадке и обратно через каждые четыре часа и днем и ночью, в любую пургу.

У Сходова, метеоролога и начальника полярной станции, не было сменщиков, как не было их и у его товарищей — метеоролога Юровского и механика Анисимова. Еще по пути на остров, на корабле, они отказались от сменщиков, так как на другом острове надо было заменить больных полярников.

Сходов подошел к станции. Ветер бил в спину. Он ворвался в сени, едва метеоролог открыл дверь.

В темном, холодном коридоре в свете фонарика заискрился снег на дверях и стенах.

Сходов вошел в освещенную коптилкой радиорубку со стенами, покрытыми инеем. Она казалась оклеенной лохматыми, изодранными обоями.

Сходов хмурился. Метеоролог Юровский лежал в спальном мешке.

— Как дела, Женя? — спросил Сходов.

В ответ Юровский закашлялся, сухо, с натугой.

Сходов подошел к юноше, положил ему на лоб руку. Определить, есть ли у него жар, он не мог. В комнате температура была намного ниже нуля.

Молчаливый, сосредоточенный, Сходов сел за рацию и связался с островом Диким. Он отстучал ключом очередные радиограммы, полученные от соседей, для которых он был посредником, передал метеосводку, а потом вызвал к микрофону врача.

Вошел механик Анисимов, кряжистый, широкоплечий, в заснеженной кухлянке. Он начал приплясывать, отряхивая снег.

— Здесь больной,— напомнил ему Сходов.

Анисимов скинул капюшон.

В руке он держал котелок с теплой похлебкой. Он умудрялся готовить ее в радиаторе бензинового движка, пока тот работал, заряжая аккумуляторы. Это был единственный источник тепла, каким располагали полярники.

— Женя, хочешь горяченького? — ласково спросил механик.

— Холодно, очень холодно...— прошептал больной.

К микрофону подошел врач. Сходов сообщил ему о со-

стоянии Юровского. Врач расспрашивал о симптомах, температуре, пульсе. Потом потребовал, чтобы к груди больного приложили микрофон.

Сходов держал провод, Анисимов — микрофон. Хрипы в груди больного стали слышны за сотни километров.

У радиста началось воспаление легких.

Врач предупредил полярников, что заболевание серьезное.

— Главное, держите больного в тепле,— сказал он в заключение.— Бойтесь открытых форточек.

— Открытых форточек...— медленно повторил Сходов и сел около больного.

Дом давно уже не отапливался. У зимовщиков не было ни горсти топлива. Еще осенью его унесло в море...

Сходов вспомнил, каким восторженным и впечатлительным прибыл Женя Юровский на остров. Все его поражало и восхищало: и то, что корабль подошел к леднику, как к причалу, и то, что моряки поздней осенью через сплошной лед с таким риском пробились к острову и должны были теперь спешить обратно, не теряя ни минуты.

После ухода корабля поднялся штормовой ветер. Сходов торопился, не давая передышки ни себе, ни своим товарищам. Вскоре большая часть ящиков с оборудованием и продовольствием, выгруженных на ледник, была на скале.

На леднике, у самого его края, оставались лишь бочки с бензином и черная пирамида на снегу — запас угля на два года. Кто знает, пробьется ли корабль сюда в будущем году?

На берег успели выкатить только две бочки. И тогда случилось то, чего боялся Сходов. Шторм отломил часть ледника, которая всплыла, образовав айсберг. На нем остались драгоценный уголь и бензин...

Люди стояли на краю ледника. Ветер сталкивал их вниз, туда, где бушевало море, откуда взлетали брызги и пена, холодная, как снег.

Сходов помнил лицо Жени в тот момент. Юное смуглое лицо южанина было растерянным, почти испуганным. Его чуть расширенные глаза провожали айсберг, который уплыл к двум другим ледяным горам, стоявшим вдалеке, как на рейде.

Темное в наступивших сумерках море кипело вокруг дальше и дальше, отнимая у людей последнюю надежду на возвращение топлива...

На горизонте показалась нежная и грустная заря, напоминавшая о том, что где-то в мире есть солнце.

— Как же будем жить? — наивно спросил Женя.

— О печке, брат, теперь забудь,— сказал Анисимов и улыбнулся. Потом сдвинул шапку на лоб и почесал затылок.

— «Седова» надо вернуть. Пошлите ему радиограмму,— заволновался Женя.

Сходов сухо оборвал его:

— Мы не можем рисковать кораблем... Анисимов,— повернулся он к механику,— хватит на зиму двух бочек бензина, чтобы заряжать аккумуляторы для рации?

— Я и то прикидываю, Василь Васильевич. Кажись, хватит... если на голодной норме.

Женя, пряча от ветра лицо, пошел к дому. Дом был просторный, с большой комнатой, где стояли пианино и шкаф с книгами, из которых Женя отобрал все томики стихов. Под окнами укреплены батареи центрального отопления. Сюда когда-то поступала теплая вода из бака, вмазанного в кухонную плиту.

Когда в кухню вошли Сходов и Анисимов, Женя стоял около плиты. Радист никак не мог примириться с мыслью, что целый год он не увидит огня.

— Василий Васильевич,— сказал он.— Я сейчас слушал музыку из Москвы. Все не верится, что это так далеко... Может быть, попросить самолет? Он сбросит топливо.

— Слушай, Юровский,— холодно сказал Сходов,— советские полярники не раз оказывались в таком же положении, как мы. На острове Врангеля наши зимовщики пожелали остаться зимовать, хотя топлива там не было. Вспомните папанинцев, седовцев. У нас есть спальные мешки. Мы, советские полярники, не станем вызывать целую эскадрилью самолетов, чтобы они доставили нам уголь...

Женя, опустив голову, слушал начальника. Он безгранично верил в могущество советской страны и не понимал, почему надо отказаться от посылки самолета.

Анисимов вполголоса объяснил Жене:

— Слушай, ты пойми... Я во время войны бортмехаником на самолете был. Я знаю, что значит летать в полярную ночь по необорудованной трассе. Это огромный риск, геройство. Самолет нужно направлять радиопеленгом. А у нас пеленгатора нет. Твоя «радюшка» для этого дела не годится.

Женя больше не говорил о самолетах. Он изо всех сил старался переносить лишения так же стойко, как это делали его товарищи. Сходов молча наблюдал за ним. Он видел, как юноша самоотверженно днем и ночью в положенный срок в любой мороз шел на метеоплощадку и, возвращаясь оттуда, безропотно мерз в холодной рубке.

Сходов решил, что из Юровского выйдет хороший полярник.

И вот теперь Женя лежал перед Сходовым в промерзшей комнате и надрывно кашлял. Тепло могло спасти ему жизнь, а тепла не было! Сходов думал о том, как бы помочь товарищу.

Анисимов посмотрел на Сходова, на Женю, потоптался на месте, потом, как был в полушубке, вышел из дому.

Дверь из сеней едва открылась — на нее навалился ветер.

«Экая силища»,— подумал Анисимов.

Колючий снег ударил в лицо. Пришлось встать к ветру спиной. И почему-то вспомнилось, как дует ветер от пропеллера, когда запускают мотор самолета.

Сколько миллионов, миллиардов пропеллеров должны были бы работать, чтобы создать этот несущийся с дикой силой поток воздуха? Или сколько пропеллеров закрутилось бы, если поставить их на пути ветра?

— Эге... — сказал сам себе Анисимов и пошел в машинное отделение.

Он долго смотрел на бочку с бензином, к чему-то примеряясь, прищуря глаз.

— Помрет ведь Женька-то...— сказал он и снова пошел в дом.

— Эх, ветрище на улице...— неопределенно начал он, вернувшись в радиорубку.

— Восемь баллов,— кратко ответил Сходов.

— Да... то пять, то восемь. Меньше не бывает.— Анисимов сел на табуретку.— Силища какая... А что, Василь Васильевич, если хоть крошечную часть этой силы в тепло превратить? — и, рассмеявшись, механик пнул носком валенка батарею отопления.

— Оставьте праздные разговоры. Ветряные двигатели делают на хорошо оборудованных заводах,— сказал Сходов и поправил на больном кухлянку.

Анисимов заерзал на табурете.

— Во время войны мне довелось на парашюте с подбитого самолета спрыгнуть. Я тогда ногу сломал, меня партизаны подобрали. Я у них потом сапером был.

— Ну и что же?

— Научили меня насчет...— подручного материала. Я и думаю, из бензиновой бочки можно сделать ветряк.

Сходов раздраженно встал, подошел к столу и достал свою метеорологическую ведомость.

— Понимаете, Василь Васильевич,— не унимался Анисимов,— мы возьмем железную бочку и разрежем ее вдоль. Потом из двух полубочек сделаем этакую карусель, прикрепим их краями к вертикальной оси. Вот так.— Анисимов подошел к окну и нарисовал на замерзшем стекле латинскую букву «S».— Ветер дует сбоку. Одна полубочка повернута к нему вогнутостью, а другая горбом. Понимаете?

— Понимаю.

— В вогнутой — ветер встречает сопротивление, давит на нее и поворачивает всю карусель. Тем временем другая полубочка подставит ветру свою вогнутость. И пошла

писать губерния! Завертится вертушка, откуда бы ветер ни дул.

— Это фантазия,— сказал Сходов.— Нельзя портить бочки, они у нас с бензином. Нам все равно нечем превратить энергию вращения в тепло. Для этого нужны электрические машины и печки. Нашу динамо-машинку для такой нагрузки я не дам. Она для зарядки аккумуляторов.

Сказав это, Сходов принялся переписывать в ведомость цифры из тетради. Озябшие пальцы плохо слушались его.

Анисимов кряхтел, забираясь в спальный мешок. Он пока не нашел, что ответить на возражения Сходова.

Сходов не ложился. За окном стонала буря. Ветер словно издевался над старым полярником, кричал ему, что вот угнал он уголь, теперь отнимет одного из товарищей.

Сходов мучительно раздумывал: как же не уберег он Юровского? В чем же он неправ? Разве не должен он был приучать молодежь к суровой жизни, разве не должен был взять тяжесть положения на себя и товарищей, а не перекладывать ее на плечи летчиков? Лететь сюда в позднее время было очень опасно, а теперь, при полном отсутствии видимости, почти невозможно.

Женя умирает в холоде, а он, Сходов, ничего не может сделать для него. Вот Анисимов, тот что-то предлагает, думает, изобретает. Славный он парень, веселый, с русской смекалкой...

Русская смекалка! Русские всегда удивляли иностранцев простотой технических решений. Кулибин арочный мост строил без всяких подпорок. Гигантский колокол был доставлен за сотни километров, превращенный в огромное колесо. Простой русский мужичок поразил заморских инженеров, поставив колоссальную колонну перед Зимним дворцом. Он построил спиральный помост и закатил по нему верхушку «александрийского столпа».

Вот и теперь Анисимов предлагает... простое решение. Подумать над этим надо. Ведь существуют же роторные ветряные двигатели!

С койки донесся сухой, рвущийся из груди кашель.

Жизнь Жени зависит от тепла... Но как перевести силу вращения в тепло? Электрическую машину использовать нельзя. Нельзя рисковать оборудованием, оно ведь обеспечивает работу рации!

Неожиданно подошел механик и сел на койку начальника.

— Почему не спите? Потом будете клевать носом на вахте,— сказал Сходов.

— Василь Васильевич, понимаете... все думаю, как без электрических машин обойтись.

Сходов сел, потянулся к столу и зажег коптилку.

Осветились белые мохнатые стены комнаты.

— Что же можно сделать? — спросил Сходов не то механика, не то самого себя.

Анисимов заговорил горячо, убедительно.

— Василь Васильевич! Вот поезд... когда его тормозят... Вся его энергия переходит в тепло. Тормозные колодки трутся о колеса и греются!

— Ну и что же? — недоверчиво спросил Сходов.

— Вот подождите!

Анисимов взял электрический фонарик и побежал в сарай. Долго откапывал заваленную снегом дверь, наконец открыл ее и принялся рыться в старых частях машин.

Вернулся он радостный.

— Там есть чугунный шкив,— объявил он Сходову,— а тормозные колодки сделаем из камня и будем их прижимать вот этими винтами.— Он показал найденные детали.

Женя метался на койке и трясся от озноба.

— Подожди, Женька... будет тепло! — обернулся к нему Анисимов.— Мы вот как сделаем, Василь Васильевич. Через крышу пропустим вертикальную стальную трубу. Она будет вроде оси. Вверху закрепим ее в подшипник, а для подшипника деревянную треногу сделаем. К трубе приклепаем две полубочки — вот и готова карусель. А внизу наденем на ось чугунный шкив и будем его тормозить.

— Как же мы используем тепло трения? Шкив перегреется.

— А мы его спустим в воду, прямо в бак центрального отопления. Все тепло трения перейдет в воду, как в обычном калорифере. Вода в баке нагреется, и мы, Василь Васильевич, пустим центральное отопление!

— Уж очень это необычно. Плохо я в это верю, но помогать вам буду,— сказал Сходов.

И началась лихорадочная работа. Сходов и Анисимов вовсе перестали спать. От срока ее выполнения зависела жизнь Жени. Но нельзя было работать только над «ветряным отоплением». Нужно было по-прежнему наблюдать за погодой, передавать сводки, принимать радиограммы, готовить обед и ухаживать за больным.

Пурга сменилась невиданными морозами. В сводках Сходов сообщал: «Минус пятьдесят градусов».

Анисимов работал около сарая. Он прыгал то на одной, то на другой ноге, хлопал руками по бедрам, стараясь согреться. При этом он напевал и поглядывал на небо. Над его головой горела Полярная звезда.

«Если земной шар вообразить роторным ветродвигателем,— подумал Анисимов,— то конец оси как раз упирался бы в Полярную звезду».

Анисимов засмеялся своей мысли и снова принялся за

бочку. Он разрубил ее пополам. Бензин перелил в ледяную кадушку, которую сделал Василь Васильевич.

Работал Анисимов ловко, с привычной сноровкой, без промаха бил молотком по зубилу. Последний удар был прямотаки ухарским. На снегу лежали две полубочки.

Анисимов вздохнул, выпрямился, посмотрел на небосвод, на Полярную звезду, в которую «упирается» земная «ось», и... изумился.

Вокруг стало светло, как перед восходом солнца. Из-за горизонта поднимались лучи... прожекторов. В первое мгновение Анисимову показалось, что к острову идет сказочный ледокол. Но лучи поднимались из-за горизонта со всех сторон, куда ни посмотреть. Неяркие, серебристые, они тихо и трепетно двигались по небу, словно ощупывая бесконечность вселенной. Наконец лучи скрестились у самой Полярной звезды. Они составили световой шатер, живой, движущийся и величественный. Анисимов никогда не видел прежде подобного северного сияния. Но где он видел такую же картину? Где?

Вдруг Анисимов радостно рассмеялся. Он вспомнил. Бросив инструменты, он побежал в дом.

— Василь Васильевич! Женя! — кричал он еще из коридора.— В небе «салют Победы!» Арктика капитулирует! Безоговорочно!

На следующий день механик полез на крышу, чтобы установить там ротор. Ветер обрушился на маленькую человеческую фигурку, силясь сбросить ее наземь. Анисимов возился около стальной трубы, которую вместе со Сходовым просунул наружу из кухни, и бормотал:

— Дуй, дуй крепче! Злись! Силища бестолковая! Подожди, мы тебя запряжем! Будешь крутить нашу вертушку.

Неожиданно к нему пришла смелая мысль. А что если заставить арктические ветры крутить огромные ветряки по всему побережью? Тогда электрический ток можно было бы послать на юг, на заводы, заменить им работу десятков тепловых станций, потребляющих уголь.

«Ох, здорово!» — обрадовался своей мысли Анисимов и, забыв осторожность, выпустил дымовую трубу, за которую все время держался. Ветер сразу ударил по нему. Анисимов судорожно ухватился за деревяшку, заклинивающую самодельный ротор. Клин выбило, и полубочки завертелись! Человек потерял опору и полетел вниз.

Лежа в сугробе, он с радостью слушал, как грохотал его ветродвигатель.

Выбежал из дому Сходов.

— Шкив завертелся,— сказал он.

Возбужденный, счастливый Анисимов вошел в дом. Он

тотчас стал прилаживать к вращающемуся шкиву тормозные колодки. Они не походили на те колодки, которыми тормозят вагоны. Он просто прижимал к шкиву винтами два больших камня.

Однако с торможением ничего не получилось. Анисимов рассчитывал, что его камни приработаются и постепенно примут форму поверхности шкива. Но для этого, вероятно, требовалось много времени. Пока же от каменных колодок было мало толку. Они или совсем останавливали шкив, или позволяли ему вращаться свободно.

Сходов с горечью смотрел на старания Анисимова. Им с новой силой овладела тревога. Больной был совсем плох. Сходов подолгу простаивал около его койки.

Идя на метеоплощадку, Василий Васильевич твердо решил, что не имеет больше права полагаться на сомнительное изобретение Анисимова и рисковать жизнью товарища. Придется все же попробовать вызвать самолет. Вернувшись в дом, Сходов прошел на кухню.

Около котла центрального отопления возился механик. Лицо Анисимова осунулось, покрылось пылью, щеки провалились, глаза походили на две темные ямы. Руки были изранены и обморожены, кожа на них потрескалась, из трещин сочилась кровь.

Сходов некоторое время молча смотрел на него, потом пошел в радиорубку. Женя лежал неподвижно, закрыв глаза, в груди его хрипело. Он был в беспамятстве. На столе, перед ключом, лежала горка снега, насыпавшегося с потолка. Сходов подержал руку на лбу больного и сел за ключ.

Анисимов уже несколько суток не спал. Сходов молча помогал ему в работе, но теперь он надеялся на другое. Однако из этого «другого» могло ничего не получиться. Не желая разочаровывать Анисимова, Василий Васильевич ничего не говорил ему.

И наконец то, чего ждал Сходов, случилось.

Анисимов разогнул спину, выпрямился, посмотрел на начальника.

— Самолет? — вне себя от изумления спросил он.

— Да,— ответил Сходов.— Надо спасать Женю.

— Как же он прилетел без пеленга?

— Может быть, с материка приборы укажут летчику точку, где надо сбросить груз,— сказал Сходов.

Гул самолета стал отчетливо слышен. Летчик делал круг над островом.

— Как же он нас увидит в пургу?

— Эх, ты, бортмеханик! — укоризненно сказал Сходов.— А радиолокация? На вашем самолете еще ее не было? Теперь другое время. Летчик на экране сейчас видит нашу железную вертушку.

— Верно! — и Анисимов, хлопнув себя ладонью по лбу, отбросил молоток.

Оба полярника выбежали на крыльцо. Они прислушивались к реву пропеллера.

Пурга усиливалась. Ветер гнал на домик тучи снега. Звук пропеллера удалялся.

— Сбросил,— облегченно сказал Сходов.— Теперь надо найти мешки с углем, пока их не замело.

— Идем, идем скорее! — заторопился Анисимов.

— Нет,— остановил его Сходов.— Мы не имеем права уходить оба. Вы останетесь. Мешки буду искать я. Около каждого я воткну веху. Один мешок притащу сюда.

Анисимов нехотя подчинился. Сходов ушел. Пурга выла за стенами домика.

Анисимов прошел на кухню. Скоро здесь загорится огонь. Механик со злостью посмотрел на вращающийся шкив. Ему захотелось остановить это бесполезное колесо.

С раздражением он стал заворачивать винты, прижимая к шкиву свои новые каменные колодки, уже не просто камни, а каменные скобы, с двух сторон плотно облегавшие шкив. Из-под обода посыпались искры, Анисимов подставил руку. Искры жгли. Это было тепло. Тепло, принесенное холодным ветром! Черт возьми! Ведь это же тепло, которое во что бы то ни стало надо использовать...

Сходов шел по снегу, вокруг бушевала пурга. Сразу же после выхода из дому, метрах в трехстах от станции, ему удалось найти несколько сброшенных мешков. Он поставил возле них вехи. Но он допустил ошибку, решив сейчас же найти и остальные. Пурга все усиливалась. Снег крутился, плясал в воздухе, валил с ног. Он обрушивался на Сходова сбоку, сверху забивая глаза, которые и так ничего не видели, перехватывал дыхание, сухой и нетающий, забивался под капюшон.

Сходов рассчитывал найти дом по грохоту вертушки, однако, решив возвращаться, он с тревогой обнаружил, что не слышит ее шума. Неужели вой пурги заглушает вертушку?

Ориентироваться по направлению ветра невозможно: ветер отовсюду. Сходов никогда не был трусом. Теперь угроза быть занесенным снегом здесь, около дома, вместе с мешком угля, испугала Василия Васильевича. Он в изнеможении опустился на снег, не веря сам себе. Неужели такая нелепая гибель?

Во всяком случае идти бесполезно. «Я могу еще дальше отойти от дома»,— уже более спокойно рассуждал Сходов, стараясь взять себя в руки.

Сходов знал, как поступают ненцы во время пурги. Он сел в снег, зарылся в мех и весь сжался в комок. Во что бы то

ни стало нужно было перебороть холод и самое страшное... сон. Сон, липкий, сладкий, подкрадывался исподволь, мутил сознание. Сходов скрежетал зубами, кусал губы, отгонял сон прочь.

Чтобы не замерзнуть, Сходов напрягал мышцы. В юношестве он занимался «волевой гимнастикой» — усилием воли напрягал и расслаблял мышцы. И Сходов заставлял себя мысленно идти, бежать, взбираться на скалы. Ему становилось жарко, силы оставляли его, он изнемогал от усталости, но снова принимался за свой тяжелый и невидимый труд.

Сходов вспомнил об Анисимове. О чем бы он думал в таком тяжелом положении? Наверное, о своем ветродвигателе или о грандиозном арктическом ветрокольце, которое посылало бы энергию на южные заводы...

Сходов стал прикидывать, на сколько могло бы хватить сброшенного угля? Получалось, что недели на две.

А как же дальше? Полагаться на Анисимова? Так ведь у него с камнями ничего не получается! Стой! А зачем камни? Зачем тормозить камнями, которые быстро износятся, когда можно тормозить самой водой? Заставить мешалку перемешивать воду. Вода будет затруднять ее вращение, тормозить, и энергия, затраченная на преодоление этого сопротивления, перейдет в тепло. Вода нагреется!

Эх, только бы выбраться теперь! И уголь есть, и вертушка заработает.

Пурга выла, ревела. Отовсюду несся треск, похожий на выстрелы. В море подвижка льдов. Ураганный ветер гнал ледяные поля одно на другое. Если Анисимов и стрелял из ружья, Сходов бы не услышал выстрелов в общем хаосе звуков.

Но что это за грохот, назойливый, несмолкаемый грохот?

Сходов прислушался. Вскочил.

Снег посыпался с него. Как он мог так долго ничего не понимать? Ведь это вертелась вертушка! Значит, пурга не заглушила ее! Она слышна!

Еле волоча ноги, Сходов побрел по направлению к тому месту, откуда слышался грохот. Он попытался тащить за собой мешок, но силы оставили его.

Теперь он знал, где стоит дом. Над домом снова завертелась вертушка.

Согнувшись в три погибели, Сходов брел вперед. Вдруг он отчетливо услышал выстрел. Значит, Анисимов все-таки стреляет! Вот и крыльцо...

Анисимов увидел почти ползущего к дому начальника, вернее мутную тень, на мгновение мелькнувшую в снежном вихре.

Механик втащил Сходова в дом, в коридор, потом прямо

на кухню. Здесь в одной рубашке на спальном мешке, разбросавшись, лежал Женя.

— Раздевайтесь, Василь Васильевич! — торопил Анисимов.— Сейчас согреетесь.

Сходов тяжело опустился на скамью, удивленно глядя на плачущие, в потеках, стены.

— Тепло? — как бы не веря себе, выговорил он, потом спросил строго: — За углем ходили? Кто вам разрешил покидать станцию в пургу?

— Да никуда я не ходил! — с восторгом перебил его Анисимов.— Работает наша карусель... И тормоз работает! Наладил я его! Все дело в обхвате. Надо было, чтобы колодка на большой поверхности к шкиву прижималась. Вот смотрите...

Только теперь Сходов рассмотрел, что уходившая через потолок стальная труба крутилась. Анисимов сунул руку в котел центрального отопления и быстро выдернул ее.

— Кипяток, прямо кипяток! — радостно крикнул он.

— А мешки там...— проговорил Сходов.— Вехи я поставил.

— Это наш резерв, Василь Васильевич! Все-таки ветер не всегда будет!

— Верно,— согласился Сходов.— Он встал, подошел к больному, склонился над ним.— Ну, как, Женюшка? Хорошо в тепле?

— Ой, как хорошо, Василий Васильевич! — проговорил метеоролог и улыбнулся.

Сходов подошел к Анисимову, крепко обнял и неожиданно поцеловал.

— Самолетов больше вызывать не будем,— твердо сказал он.— Камни износятся. Вместо диска мешалку поставим. Понял?

Яростный ветер носился по острову, наметая сугробы. Он снова гнал одно на другое ледяные поля, рвал в небе черные тучи и с ревом набрасывался на одинокий дом.

И опять от дома к метеоплощадке шел человек. Ветер хватал его за полы полушубка, вставал перед ним снежной стеной. Но тот же ветер с дикой силой крутил на крыше дома диковинную вертушку, которая громыхала, как танк.

Человек с электрическим фонариком и тетрадкой в руках шел против ветра...

Когда я кончил рассказ, было уже поздно. Пора было расходиться спать.

По своему обыкновению я прошелся по кораблю. Мы стояли на рейде, подниматься на капитанский мостик было не за чем.

Острова в ночной темноте уже видно не было. Виднелся

только огонек в одном из окошек далекого домика. Он походил на самую низкую звезду из всех, что зажглись сейчас в небе.

Старший помощник готовил подъем катера.

Я отменил подъем.

Старпом очень удивился. С выгрузкой было покончено. Зимовщики с острова уже перебрались на корабль.

Я ничего не стал объяснять старпому.

— Подождите до утра,— сказал я ему и пошел спать.

Она, Маша, конечно, ждала меня около моей каюты.

— Ну, как, Маша,— спросил я ее,— по ветру пойдешь или против ветра?

Так закончил Борис Ефимович свой рассказ.

МЕХАНИК

Катер развернулся против ветра, чтобы волна не била в борт.

Снег, мешаясь с брызгами, хлестал по лицу. Капитан держался за поручень около машинной надстройки и размышлял, что означала эта личная радиограмма?

«Борис Ефимович, если можете, умоляю, повидайтесь со мной, Маша Грачева».

На этом же катере капитан доставил на остров к Сходову супругов Грачевых, решивших вместе остаться на зимовку. Все было улажено. Радист острова согласился уступить Грачеву свое место. Метеоролог Юровский, которого сменила Маша, мог ехать на курорт. Капитан, давая с мостика последнюю прощальную ракету, считал, что он сделал все так, как надо, и вдруг теперь, когда «Георгий Седов» на обратном пути проходил мимо острова, такая радиограмма!

Конечно, можно было сослаться, что прибой не позволяет сойти на берег, но капитан не мог не проверить, что случилось.

Остров был покрыт снегом. Белый и плоский, он походил на ледяное поле.

Волны с ревом разбивались о базальтовые скалы. Пена взлетала выше этих заснеженных скал и в низких лучах солнца играла радугой.

Капитан спрыгнул в ледяную воду, не давая катеру близко подойти к опасным камням.

Вода оказалась по грудь. Капитан рассчитывал на это. Он был в непромокаемой брезентовой робе.

На скале стояли два человека. Они сбежали к самой воде и помогли капитану выбраться на берег.

Борис Ефимович откинул капюшон и, прищурясь, вопросительно посмотрел на Машу.

Маша Грачева заплакала и прижалась к мокрой груди моряка, на уровне которой как раз и приходилась ее голова.

— Ну, чего ж ты? — сказал Борис Ефимович.— Робу мне промочишь.

Маша откинула голову и посмотрела на капитана мокрыми блестящими глазами.

Грачев стоял в двух шагах. Его квадратное лицо было озабочено.

Втроем пошли к полярной станции.

— Вы помните, Борис Ефимович,— говорила Маша,— как я караулила вас у каюты... Стыд меня разобрал. Такие люди в Арктике живут, а я что? Дезертир?

— Помню, помню, Маша. Ну, а теперь-то что? — спрашивал капитан.

— Нет, вы послушайте, Борис Ефимович. Я тогда вас просила, чтобы вы устроили нас обоих на остров...

— Устроил. Велика трудность. Радист с удовольствием уступил свое место такому радисту, как ваш муж, поехал на другой остров!

— Мы так хорошо работали, Борис Ефимович,— продолжала Маша.— Вы себе представить этого не можете.

— И с Василием Васильевичем сдружились? А я думал, что он трудный человек.

— Василий Васильевич замечательный человек. Только...

— Что только?

— Очень правильный.

— Слишком правильный,— вставил молчавший до того Грачев.

От полярной станции бежали мохнатые собаки. Окружив идущих, они прыгали, пытаясь лизнуть в лицо.

У сарая стоял высокий худощавый человек. Он издали поклонился капитану, не желая, видимо, мешать разговору.

— Так выкладывай, Машенька, что тут у вас стряслось?

Маша потупила глаза.

— Пока еще ничего не стряслось, Борис Ефимович... Я еще не вполне уверена...

— Но может стрястись,— вставил Грачев.

Капитан свистнул.

— Вот оно какое дело? Значит, ребенок у вас может быть? Сами-то рады?

— Еще как рады были бы! — быстро заговорила Маша.— Мы так рады были бы, так рады...

— Ну, так в чем же дело? А как Сходов?

— В том-то и дело,— мрачно сказал Грачев.— О наших подозрениях мы Василию Васильевичу даже сказать боялись.

— Непременно отошлет меня с острова. Не позволит здесь остаться. Врача нет, некому принять ребенка...— взволнованно заговорила Маша.

— Что ж тогда получится? — серьезно рассуждал Грачев.— Предположим, подозрение обоснованное. Уедет тогда Машенька, родит ребенка на острове Диком в больнице. И будет там года два вдали от меня, в трудных условиях, в одиночестве.

— А может быть, все и обойдется. Может быть, тревога напрасная,— опять заговорила Маша.— Что ж я уеду и буду одна на острове Диком за тысячу километров жить? — в голосе ее послышались слезы.

— Вот мы и решили, Борис Ефимович, с вами посоветоваться,— закончил Грачев.

— Но только по секрету от Сходова.

— Благодарю за доверие, дорогие мои друзья,— сказал Борис Ефимович немного торжественно.— Но только должен я вас разочаровать. Такие предположения в секрете от начальника острова держать не полагается. Он за жизнь каждого своего полярника отвечает. И за вашу, Машенька, и за ту, что появиться может...

— Как же быть? — протянула Маша.— Ведь Василий Васильевич непременно меня отошлет. Я ведь в Арктику работать ехала, а не без дела на острове Диком сидеть.

Капитан чуть скосил на Машу глаза. Она покраснела.

— Вот обо всем этом мы и должны с Василием Васильевичем поговорить,— заключил капитан.

Сходов стоял на крыльце, встречая капитана. Видимо, он знал о телеграмме Маши и нарочно дал ей возможность говорить с Борисом Ефимовичем.

Молча поздоровались. Сходов провел капитана к себе. Борис Ефимович попросил пригласить также Машу с Грачевым. Сходов не удивился.

— Вот должны мы с вами, товарищ Сходов Василий Васильевич,— начал капитан,— решить судьбу...

Тут Маша вмешалась и рассказала Сходову о своих опасениях.

Сходов сидел молчаливый, нахмуренный.

Машенька расплакалась и выбежала, сославшись на какое-то спешное дело. Грачев пошел следом за ней.

Сходов встал и принялся расхаживать по комнате. Комната у него была тесная. Стол, стул, кровать. Раньше на кро-

вати шкура белого медведя лежала, а теперь ее не было. Конечно, отдал шкуру молодоженам.

— Я отвечаю за каждого человека,— говорил Сходов.— А в этом случае я должен отвечать за двоих. И за мать и за маленького гражданина, маленького советского гражданина, который может появиться весной. За пятнадцать лет, проведенных в Арктике, я изучил все специальности полярника. Могу быть радистом, механиком, метеорологом, аэрологом, гидрологом. Могу править собачьей или оленьей упряжкой, один выйду на белого медведя, сотни километров на лыжах пройду. Но акушерства не изучал. Не изучал, капитан. Может быть, в этом моя ошибка. Я могу наложить лубки на сломанную ногу, могу даже ампутировать ее... но принять ребенка! Ну, прямо понятия не имею!

— А Машенькой довольны?

— Она чудесная женщина, прекрасный работник. Отослать ее — это значит принять на себя половину ее обязанностей, другую половину примет на себя ее муж... Что же делать? — и Сходов остановился перед капитаном.

Капитан задумался, неторопливо закурил трубку.

В окно было видно свинцовое море под серыми тучами. Очень далеко от берега, покрытый дымкой, виднелся кораблик. Капитан подумал, что ближе и нельзя было подойти. Здесь мелко. Не подходить же опять к леднику.

— Ну, а если оставить ее? — повернулся к Сходову капитан.

— Кто же примет ребенка? — остановился Сходов.

— Женщина у вас есть на зимовке?

Сходов только махнул рукой.

— Есть девушка... вторая радистка. Нет, нет! Она совсем молоденькая. Она и слышать об этом не захочет. Понятия не имеет о родах.

Капитан снова задымил трубкой.

— Что Маша будет делать там, на Диком? Одна с малышом... В общежитии где-нибудь придется жить. Незавидно. А кроме того, может быть, зря поедет, ложная тревога?

— Я понимаю. Я все отлично понимаю,— ответил Сходов и возобновил хождение.

— А кто это, высокий такой, около склада стоял? Механик, что ли? — спросил Борис Ефимович.

— К сожалению, не врач, только механик. Матвей Сергеевич.

— Женатый?

— Раньше он с женой на зимовке жил. А теперь она с ребенком на Большой Земле.

— Вот-вот, об этом я и вспоминаю. Кажется, она на острове родила?

— Так ведь то было на крупной полярной станции. У них врач был. Если бы врач... разве бы я возражал?

Капитан снова задумался.

— А все-таки, Василий Васильевич, давайте позовем Матвея Сергеевича и радистку.

Сходов пожал плечами и вышел. Вскоре он вернулся в сопровождении высокого механика и хрупкой девушки.

Капитан поздоровался с ними.

— Садитесь, поговорить бы с вами хотелось.

— Отчего же...— сказал Матвей Сергеевич и уселся, положив огромные ладони на расставленные колени.

Радистка тоже села, не понимая, зачем их позвал капитан. Сходов остановился у двери.

— Вы, говорят, механик замечательный? — начал капитан.

— Да нет... Я не судовой механик, товарищ капитан. На кораблях никогда не плавал.

— Знаю. Я не про то. Рукодел вы, наверное, знаменитый? — продолжал заходить издалека капитан.

— Отчего же... Это можно. Смастерить все что угодно могу. Я вот задумываю новый ветродвигатель построить... из бочек. Не слышали? Тут мой предшественник Анисимов делал.

— Как же, как же... слышал.

— Только нам теперь старого ветряка мощность мала.

— А без жены скучаете? — неожиданно спросил капитан.

— Без жены, конечно, скучновато... Только ведь я, товарищ капитан, старый полярник. Привычно.

— Ребенка-то она у вас в Арктике родила?

— Как же, при мне, на острове Газетном было.

— При вас? — оживился капитан.— Так что же молчите?

— Я ничего... А что? — смутился механик.

— Значит, вы принимали ребенка у своей жены? — продолжал расспрашивать капитан.

— Нет, что вы! Я только присутствовал.

— И это немало! — удовлетворенно заметил моряк и повернулся к удивленно слушавшей разговор радистке.— Ну, а вы? Вы никогда не принимали детей у рожениц?

Девушка покраснела от неожиданности.

— В этом совсем ничего не понимаю...— растерянно сказала она.

— Но ведь вы же женщина и подруга Маши. Неужели бы вы не взялись ей помочь?

— Маше? Я с радостью. А разве надо? Только я не умею...

— А вдвоем с механиком? Он все-таки при родах присутствовал.

— Я — помогать? — поразился Матвей Сергеевич, и его длинное лицо вытянулось.

— Конечно, вы. Вы видели, как принимают ребенка. Девушка вам будет помогать, если Маше рожать придется. Получите по радио консультацию от любого врача или от профессора.

Механик был ошеломлен.

Сходов остановился перед ним и обычным своим сухим, жестковатым голосом проговорил:

— Дело идет о человеческом отношении к товарищу. Вы прекрасный механик, мастер на все руки. Если вы не согласитесь, женщину отправят с острова, разлучат с мужем. И, может быть, зря. Ей придется год жить с ребенком одной, в трудных условиях, без работы, ради которой она ехала в Арктику.

— Да я-то тут при чем? — запротестовал Матвей Сергеевич, размахивая длинными руками.— А если вдруг несчастье? Кто будет виноват?

— Конечно, виноват буду я,— твердо сказал Сходов.— Мне спокойнее всего было бы отправить женщину. Формально я имею на это все права.

— Это будет ужасно, если она уедет,— сказала радистка.

— А если случай какой трудный? И в родильных домах умирают,— продолжал возражать механик.

— А бывает, что и в поле рожают,— заметил капитан.

— Конечно, может быть, и все хорошо будет, только я не могу на себя ответственность взять. На мужа, хоть и надежный он человек, тут надеяться нечего. По себе знаю. Руки трясутся и все тут. Девушка только таз будет подавать да пеленки развернет.

— Мы не принуждаем вас, Матвей Сергеевич,— сказал Сходов.— Мы хотим выяснить последнюю возможность и решить вопрос об отправке Грачевой на материк.

Механик задумался. Радистка что-то стала говорить ему, склонившись к уху. Тот нетерпеливо отмахнулся.

— Не могу я взяться за такое дело... И вообще... если случай тяжелый... ножками вперед... Как хотите, но присылайте врача на самолете.

— К сожалению,— сказал Сходов,— далеко не всякий полярный остров может принять самолет. Тем более зимой. Во всяком случае, на посадку у нас самолета мы рассчитывать не можем.

— Механик прав,— вмешался капитан.— В очень трудном случае самолет, конечно, прилетит...

— Но не сядет!

— Не сядет, зато сбросит врача на парашюте.

— Вот это другое дело,— удовлетворенно сказал Матвей Сергеевич.

— Врач не сможет улететь обратно,— возразил Сходов.— Мы вынуждены будем отнять у острова Дикого одного врача, а мы знаем, как он там дорог.

— Да, конечно, на это можно пойти только в крайнем случае,— согласился капитан.— Но ведь у нас есть еще один аргумент... Все это только предположение!

— Предположение не предположение,— хмуро сказал механик,— а я должен считать, будто это так и есть. И потом характер у меня тяжелый. Надо сперва спросить, согласятся ли на мой характер супруги Грачевы.

— При чем же тут характер? — осведомился капитан.

— А потому, если я согласие даю, то должна Грачева поступить в мое подчинение. В полное распоряжение.

— Это зачем же? — спросил Сходов.

— Я должен обеспечить благоприятный исход и тут уж, простите, спуску не дам. Зимовка — дело известное. Движения никакого. Я потребую, чтобы все было как следует.

— Он прав,— заметил Сходов.— Сейчас мы позовем Грачевых.

Грачевы, узнав об условиях механика, согласны были на все.

Через час провожали капитана.

Чтобы попасть на катер, он снова вынужден был зайти по пояс в воду.

Катерок прыгал на волнах, быстро уменьшаясь в размерах.

Все маленькое население полярной станции стояло на берегу: Сходов, Матвей Сергеевич, оба Грачевых, радистка. Около них возбужденно бегали собаки.

Налетели «снежные заряды». Катер скрылся за серой стеной.

Еще через час корабль снялся с якоря, дав прощальную ракету. Последний пароход уходил из Арктики.

Грачевы остались на острове.

Их предположение оправдалось. Механик включил молодую женщину в опекаемое им хозяйство станции. Он был сурово требователен. Маше пришлось заняться гимнастикой. Что бы ни делала Маша, Матвей Сергеевич всегда следил за ней настороженным взглядом. Когда она шла на метеоплощадку, он непременно шел за ней следом.

— Снегу намело. Вы поглядывайте под ноги, поглядывайте! Не зевайте по сторонам! — ворчал он.

Однажды Маша поскользнулась на крыльце. Муж хотел поддержать ее, но сделал это неловко.

Матвей Сергеевич налетел на него, как буря.

— А еще муж! — кричал он.— Пень ты, а не муж! Жена падает, а он, как табурет, стоит. А если ребенок перевернется, кто отвечать будет? О ребенке своем не думаете? Я вас

отставлю от собственной жены и близко подпускать к ней не буду.

Супруги Грачевы постоянно чувствовали на себе гнет механика. Когда встречали Новый год, он не позволил Маше выпить ни капли. Она готова была разреветься, но все же покорно подчинилась.

Ежедневно, в любую погоду, Матвей Сергеевич отправлялся с Машей на прогулку, поддерживая ее под локоть.

Эта пара, гуляющая под руку по снегу и в мороз, и в метель, выглядела по меньшей мере странно.

— Гулять обязательно надо,— говорил Матвей Сергеевич, идя рядом с Машей.— Восемь кругов прошли, еще четырнадцать осталось. Ничего, ничего... Шагайте, шагайте, только не вздумайте падать.

Сходов молчаливо поддерживал Матвея Сергеевича.

— Он, право, смотрит на Машу, как на собственную...— иногда не выдерживал Грачев.

Но Маша сама обрывала мужа:

— Гриша! Мы так ему обязаны!

Приближалась весна. В апрельском солнце сверкали снежные просторы.

Теперь во время прогулок Матвей Сергеевич заставлял Машу надевать темные очки.

— Только не споткнитесь,— упрямо твердил он.

Капитан Борис Ефимович на время, пока не откроется арктическая навигация, получил задание перегнать пароход «Казань» из Архангельска во Владивосток. Предстояло пройти южным маршрутом: через Средиземное море, через Суэцкий канал, Индийский океан.

Было так жарко, что спать в каютах казалось невозможным.

На палубе расстилали брезент, и команда спала под едва освежающим голое тело теплым ветерком.

Капитан устроил себе постель на обзорном мостике. Над головой горели незнакомые южные звезды, каких не увидишь на Севере. Знакомые созвездия ютились на самом горизонте.

Скоро Индия, Калькутта.

Капитан ждал радиограммы.

Однажды он услышал, как на обзорный мостик кто-то поднимался по трапу.

Появился радист Иван Гурьянович, который ни в какую жару не снимал своего щегольского кителя.

— Радиограмма? Давай! — сказал капитан.

Чиркнув спичкой, он прочитал:

«Родился мальчик. Назвали Борисом. Счастливы. Благодарные Грачевы».

— Борис Ефимович, тут еще одна,— улыбающийся радист протянул бланк.

«Механик оказался на все руки. Сходов».

Капитан задумался. Ощущая ласкающее прикосновение теплого ветра, он думал о далеком Севере, о льдах, о заброшенных в ледовитых морях островах.

Скоро начнется навигация, и он вернется на свой корабль.

НАХОДКА

«Георгий Седов» за одну навигацию должен был сделать два рейса, на каждый из которых пятнадцать лет назад требовался не один год.

Первый рейс после посещения многих островов заканчивался на острове Диком. Там корабль должен был запастись углем, принять на борт новых пассажиров, взять грузы.

Капитан Борис Ефимович вздыхал всякий раз, когда вспоминал о неизбежной стоянке в порту, о погрузке, о разговорах с начальством. Лишь выходя на мостик, он снова обретал покой и становился искусным моряком, который давно сменил страх на осторожность.

Прищурясь, он разглядывал далекий берег очередного острова. Там свирепствовал сильный прибой. Борис Ефимович второй день упрямо выжидал. Он ни за что не соглашался рисковать кунгасами и подвергать опасности моряков.

Так и не дождались мы погоды. Отправились к соседнему архипелагу. Там воспользовались льдами, усмирившими волнение, погрузились и пошли обратно к негостеприимному острову.

Прибой стихал. Капитан все еще выжидал. Нетаев упрашивал, чтобы ему позволили водить катер, доставлять к берегу кунгасы.

Однако повел катер второй штурман. Волнение все еще было слишком сильным. Капитан не расставался с биноклем.

— Извозчик он, а не штурман! — закричал вдруг Борис Ефимович.

Мы с Нетаевым взялись за бинокли.

— Не так развернулся! — сердился Борис Ефимович.— Теперь кунгас повалило набок, вот волны и взлетают над ним.

Капитан побежал в радиорубку и вернулся оттуда злой.

— Все промокли до нитки,— сказал он.— Пошли греться на полярную станцию. Катер идет обратно. Ох, и встречу я его! Иван Васильевич,— обратился он к Нетаеву,— катер вы поведете. Пойдите переоденьтесь.

Молодой штурман бросился в свою каюту.

При встрече провинившегося второго штурмана с капитаном я не присутствовал, но легко мог себе ее представить.

Катер повел Нетаев. «Петушок» буксировал второй кунгас с грузом, который ни в коем случае нельзя было подмочить. Там были продукты и радиоаппаратура.

— А молодец этот штурманок,— говорил мне вечером капитан,— не дал кунгасу перевернуться. Нетаеву можно доверять.

Я радовался за своего приятеля.

Капитан стал читать только что полученную радиограмму. Лицо его, обычно мягкое, добродушное, тотчас изменилось.

— Ну, вот... Я их берег всю навигацию. Теперь отдавай!

Оказывается, он получил приказ идти к Устью и передать там кунгасы какому-то незадачливому капитану, растерявшему свои плавсредства во время шторма.

Рейс «Седова» заканчивался. На Диком он должен был получить новые кунгасы.

Ворча и вздыхая, капитан отправился к Устью.

На следующий день ранним утром мы с волнением разглядывали материк.

Состоялась передача кунгасов.

— Скажите им,— приказал капитан Нетаеву,— что мы уходим на север. Второй раз кунгасы оттуда будет трудновато доставить.

Нетаев все это передал в точности. По его словам, старший помощник незадачливого капитана чувствовал себя при этом неважно.

Корабль «Георгий Седов» направился к острову Дикому.

Знакомая нам бухта. Справа скалистый остров в россыпи камней, суровый и неприветливый. На нем несколько двухэтажных домов, вышка ветряка с хлопотливо вертящимися крыльями и огромная мачта.

На материке — по левую руку — тоже двухэтажные дома, расположенные амфитеатром. У причала корабли. Названий не разберешь.

Борис Ефимович по всем правилам встал на рейд. Причал в порту предназначался «Седову». Однако какой-то пароход совершенно незаконно, как уверял Борис Ефимович, прошмыгнул к причалу и занял наше место.

Борис Ефимович сидел в каюте. В порту, когда прекращалась качка, когда не слышно было шороха трущихся о борт льдин, капитан был неузнаваем. Он растерянно сказал своему старшему помощнику, чтобы тот как-нибудь «уладил портовые дела». Сам он трудился над рейсовым донесением, кряхтел и все советовался со мной, как написать ту или иную фразу.

Потом, нарядившись в парадную форму, Борис Ефимович с мученическим видом съехал на берег. Отправился с официальными визитами к портовому начальству.

Другие капитаны завладели и местами у причалов, и погрузочными средствами. Наш капитан вернулся с берега, ничего не добившись.

— Тут его надо подменять,— шепнул мне старший помощник капитана, молодой человек, еще недавно плававший на военных кораблях.

Старпом вернулся, все уладив. Борис Ефимович был очень доволен и ехать на берег еще раз категорически отказался.

На острове Диком я встретился с местным старожилом Панченко, седым полярником, бывшим матросом. Он провел меня в радиоцентр и показал знаменитую книгу, хранителем которой он здесь считался. В старой конторской книге с толстым переплетом были собраны автографы многих путешественников.

— Тут замечательные записи есть,— с гордостью говорил он мне, прищурившись.— Вот, например, в тысяча девятьсот восемнадцатом году написано по-норвежски: «Уверен, что в этой прекрасной бухте будут стоять на рейде десятки кораблей. Руал Амундсен». Известный полярник был. Он Южный полюс открыл, а через Северный путь ему пройти не удалось. Его «Мод» три года шла по Северному морскому пути. Два раза пришлось зимовать. Радиограммы в ту пору пешком ходили. Чтобы дать о себе знать, пришлось ему послать двух матросов на Дикий. Один из них погиб. Другой совсем немного не дошел до нас, тоже замерз. Его могила в порту, возле новых домов. А вот Нансен — тот прямо говорил: «Северный морской путь — иллюзия, чаровавшая исследователей в течение веков». Ничего себе «иллюзия»! У нас на Диком капитаны из-за причалов дерутся.

Панченко раздраженно указал мне на стенную карту:

— Иллюзии иностранных мореплавателей! Русские здесь не иллюзиями занимались. И совершенно напрасно, по-моему, не стерты до сих пор всякие нерусские названия с этой карты. Вот, например, Земля Франца-Иосифа. Случайно наткнулись на нее австрияки, когда их корабль безнадежно в дрейфующие льды вмерз. А что Земля эта существует, задолго до них знаменитый русский ученый Кропоткин указал. Так же и с многими другими землями. Вот посмотрите,— Панченко подвел меня к окну.— Видите? Это гидрографическое судно «Норд». Я вам расскажу, какое на этом судне открытие сделали.

От радиста я услышал интереснейшую историю.

Она начиналась в тундре.

В тундре шел человек.

Высокий, с широкой спиной, он не сгибался под тяжестью заплечного мешка, не чувствовал и ружья, висевшего за его правым плечом стволом вниз, чтобы легче было вскинуть.

Одет он был в ватную куртку и такие же штаны, заправленные в ичиги, кожа которых ссыхается прямо на ноге, принимая ее форму. В такой обуви можно пройти сотни километров и никогда не сбить ног.

Человек внимательно оглядывал тундру. Привлекали его холмы, северный скат которых был еще покрыт снегом. Подходя к белым пятнам, он внимательно вглядывался в них, иногда раскапывал снег. Засохшая прошлогодняя растительность особенно интересовала его. Однако, убедившись, что это всего лишь трава, он равнодушно отправлялся дальше.

Увидев вдали оленей, он сворачивал к ним. Видимо, искал встречи с людьми.

Ненцы интересовались одиноким путником.

— Золото ищешь? — спрашивали они.

— Нет, не золото,— отвечал человек.— Скажите, не слыхали ли вы... Находили здесь прежде огромных животных, вмерзших в землю? На бугре, скажем, снег подтаял, а под ним — странная такая трава, волокнистая, длинная... Это шерсть тех животных. Они давно на земле жили, все вымерли.

— Зачем тебе старый животный? Возьми у нас оленя.

Молодой ученый качал головой. Сняв шапку, он привычным движением проводил ладонью по длинным светлым волосам и продолжал выспрашивать о загадочных древних животных.

Ненцы удивлялись.

— Странный какой! Не охотник. Нет, не охотник! Не геолог. Нет, не геолог, тот камни ищет... Зачем тебе дохлый животный?

Были старики, которые помнили об огромных тушах, найденных в слое вечной мерзлоты.

— Песцы ели... ничего... У нас голод был... Мы тоже ели. Ничего мясо. Олень лучше.

Но это было давно. Туши найденных мамонтов не сохранились.

Молодой ученый продолжал свой путь по тундре.

Однажды старик ненец, до того морщинистый, что даже узкие глаза его походили на морщины, сказал ученому:

— Плыви на остров Ледяной. Тут недалеко бот стоит, он тебя возьмет. Там во льду что-то видно. Какая-то туша. Я сам видел. Не знаю что.

Ученый тотчас отправился в бухту, где стоял гидрографический бот, и представился капитану:

— Аспирант Академии наук Александр Львович Низовский. Поставил себе задачу найти сохранившегося в вечной мерзлоте мамонта... Тушу мамонта,— поправился молодой человек.— Подумайте, капитан, сама природа в нетронутом виде бережет для нас в слое вечной мерзлоты остатки древней флоры и фауны!

Голос Низовского звенел, серые его глаза расширились.

Капитан погладил свою холеную черную бороду. Ему понравился молодой ученый. Можно будет подойти вместе с ним к Ледяному.

Остров оказался «молодым островом», покрыт льдом, поверх которого образовался земной покров. Острову не было и тысячи лет.

С юга остров оттаивал, там и обнажился старый материковый лед.

Капитан дал ученому шлюпку и нескольких матросов.

Через месяц Александр Львович Низовский появился на острове Диком. Он был необычайно взволнован и предложил прочесть полярникам лекцию о сделанном им на острове Ледяном открытии.

В столовую радиоцентра собрались все свободные от смены полярники. На катере прибыли рабочие из порта. Народу набилось столько, что лектор едва протискался к своему месту.

Это был высокий, широкоплечий человек, с гордо закинутой красивой головой, с серыми глазами, которые расширялись, когда он начинал увлекаться. У него была привычка проводить рукой по светлым волосам и застывать в такой позе. Его голос звенел. Все присутствующие слушали его с удовольствием.

Ученый рассказывал, как подошла их шлюпка к зеленоватой ледяной стене, над которой виднелся песчаный обрыв.

— Это и был обнажившийся лед,— говорил Низовский.— Море вгрызалось в него, подтачивало снизу.

Я первый заметил ледяную пещеру с нависшим сводом, образовавшуюся у самой воды, и указал на нее матросам.

Волны прибоя разбивались в пещере, наполняя ее пеной и брызгами.

Будь прибой сильнее, нам никогда не удалось бы проникнуть в пещеру и увидеть в ней что-нибудь. На наше счастье, было сравнительно тихо. Светило яркое солнце.

Мы осторожно вошли на шлюпке в пещеру. Солнечные лучи проникали через лед, и свод казался светящимся.

Я стал вглядываться в лед. Как и объяснял мне старик ненец, сквозь освещенную солнцем толщу льда действительно можно было заметить какое-то темное пятно. Я попросил подъехать возможно ближе к этому пятну.

«Тут что-то торчит белое...» — указал мне один из матросов.

Мы подгребли к ледяной стене.

Из льда торчал изогнутый белый ствол... может быть, вмерзший в лед плавник?

Шлюпка подошла вплотную. Держась за холодную, ледяную стену, я перебирал по ней руками по мере движения шлюпки.

Наконец я ухватился рукой за выступавший изо льда ствол и похолодел от волнения. Сомнений быть не могло: клык!

Из льда торчал желтоватый, изогнутый, покрытый чуть потрескавшейся коркой бивень мамонта!

Вглядываясь в толщу льда, я отчетливо видел темное пятно. Оно не могло быть ничем иным, как сохранившейся тушей мамонта, клык которого я ощущал под своей ладонью.

Мамонт на острове Ледяном, на острове, который образовался лишь несколько столетий назад! Это же опровергает все существовавшие гипотезы о времени вымирания мамонтов!

Я везу теперь это сенсационное сообщение!

Мне трудно сдержать себя и не открыть вам свою заветную мечту! Сейчас я чувствую себя ближе к осуществлению ее, чем когда-либо.

За несколько сот лет в Сибири не произошло каких-либо коренных изменений, которые могли бы вызвать ускоренное вымирание мамонтов. Если мамонт был жив несколько сот лет тому назад, то нет никаких оснований утверждать, что он не может жить и сейчас!..

По залу пронесся общий вздох. Кое-кто поднялся со своего места, чтобы лучше видеть смелого ученого.

— Да, да! — продолжал Низовский, откидывая назад волосы и застывая с поднятой рукой.— Север Сибири еще слишком мало исследован. Есть часть тундры, есть горные кряжи, где не бывала нога человека. Именно там и надо искать еще живущих мамонтов. И я уверен, что мы найдем живых мамонтов! Я уже предвижу создание мамонтового заповедника на Севере. Будут приняты меры к увеличению поголовья мамонтового стада...

Лектор был прерван аплодисментами.

Чуть расширив свои светлые горящие глаза, он продолжал:

— Мы увидимся с вами на будущий год. На пароходе-холодильнике, годном для перевозки туши мамонта, я вернусь сюда со специальной экспедицией. Мы извлечем из льда острова Ледяного мамонта и... И отправимся на поиски других мамонтов, живых мамонтов. И мы найдем их!

Лекция имела небывалый успех. Многие полярники изъявили желание сопровождать Низовского в предстоящей экспедиции.

Моряки с одного из стоящих на рейде кораблей, слушавшие лекцию, рассказали о ней всему экипажу, и корабль, сделав небольшой крюк, завернул к острову Ледяному. Моряки побывали в так красочно описанной Низовским пещере и своими глазами видели торчащий из льда клык. Темного пятна во льду они увидеть не могли, потому что солнце было скрыто тучами.

Следующим летом в бухте острова Дикого бросил якорь гидрографический бот «Норд». На нем и приплыл аспирант Низовский, мечтавший о корабле-холодильнике для перевозки туши мамонта.

Вместе с Низовским прибыл академик Бондарев.

Афанасий Васильевич Бондарев был низенький старик с седыми волосами и седой короткой, но обнимающей все лицо бородой. Нрава он был ворчливого. Низовский был очень недоволен, потому что старик категорически воспротивился снаряжению парохода-холодильника.

— Вы не доверяете мне! — возмущался Низовский.

Академик возражал:

— Мамонт, если он действительно есть, а я в этом сомневаюсь, пролежит еще год. Надо сначала убедиться, что это мамонт.

Низовский готов был всплеснуть руками, обрушить на старика поток красноречия, повернуться и уйти из кабинета академика, хлопнув дверью. Но вместо всего этого, опустив голову, он тихо проговорил:

— Я буду рад сопутствовать вам, Афанасий Васильевич.

— Да уж, конечно, сопутствовать придется, не отвертитесь, голубчик...

Академик знал еще отца Низовского, который погиб во время ленинградской блокады, и очень уважал его. К Александру Львовичу он относился строго, но внимательно. Его смелых гипотез о живых мамонтах не разделял и, больше того, осуждал его за публичные высказывания.

Гидрографический бот «Норд» получил задание наряду с другими исследованиями посетить остров Ледяной.

«Норд» бросил якорь с юга от острова. Капитан бота, статный моряк с выхоленной черной бородой, спускавшейся ему на грудь, долго разглядывал берег в бинокль.

— На шлюпке идти нельзя,— сказал он.— Прибой слишком силен.

Расстроенный Низовский расхаживал по палубе.

Его раздражала медлительная осторожность капитана и ворчливое спокойствие академика, усевшегося играть в шахматы с капитаном. Играть в шахматы, когда корабль стоял в виду острова, сохранившего в неприкосновении мамонта!

«Несомненно, мамонт попал на остров зимой, когда море было сковано льдом,— размышлял Низовский.— И, не найдя здесь пищи, погиб. Его тушу занесло снегом, который не растаял в холодное лето. В следующую зиму снегу нанесло еще больше. Под давлением верхних слоев и под влиянием летнего оттаивания слежавшийся снег постепенно превращался в лед, слой которого все увеличивался».

Расхаживая по палубе, Низовский уже воображал себя докладывающим на сессии Академии наук.

По его мнению, туша мамонта оказалась вмороженной в лед.

В ледовитых морях происходит периодическое опускание и поднимание островов.

Покрытый льдом остров опустился, и морские волны занесли ледяную поверхность песком, который предохранил лед от таяния.

В последние годы остров был снова приподнят над поверхностью моря. Волны смыли с берега прикрывавший лед песок. Под влиянием общего потепления Арктики лед стал оттаивать. Таким образом и обнаружилось место, где когда-то упал погибший мамонт.

Низовский шел в свою тесную каютку и принимался лихорадочно писать. Еще в этом году он защитит диссертацию, получит звание кандидата. В следующих экспедициях он сможет обходиться без опеки ворчливого старика, который не хочет верить очевидности.

Низовский представлял себя исследующим какой-нибудь северный горный хребет. Там, в долине, защищенной со всех сторон от ветров, питаясь скудной северной растительностью, живут гигантские мохнатые животные, напоминающие слонов.

На одной из скал будет устроен наблюдательный пункт с телескопами. Туристы, прилетающие на горный аэродром, смогут наблюдать своими глазами жизнь диких доисторических животных. Может быть, удастся перевезти один из экземпляров в Москву, в зоопарк...

Низовский мысленно читал дощечку с надписью:

«Мамонт. Считался вымершим доисторическим животным. Привезен в зоопарк из долины... из долины Низовского».

Молодой ученый выходил на палубу и вглядывался в скучные очертания острова. Его освещенная ледяная стена казалась не изумрудно-зеленоватой, как в прошлый раз, а серой. Внизу виднелась белая кромка прибоя.

Низовский проклинал прибой.

Неделю простоял бот вблизи острова Ледяного. Капитан уже поговаривал о необходимости отправиться в другое место и на обратном пути зайти сюда. Низовский был в отчаянии. К счастью, академик заупрямился. Не веря в существование мамонта, он все же не желал отойти от острова Ледяного.

На следующий день прибой утих.

На катере и двух шлюпках ученые, сопровождавшие их рабочие и добровольно вызвавшиеся помогать моряки отправились к ледяной пещере.

Низовский и академик сидели в моторном катере. Они первыми подошли к ледяному обрыву.

— Какая жалость, что нет солнца,— сокрушался Низовский.— Я боюсь, что мы не увидим темного пятна туши мамонта.

— Клык-то, надеюсь, будет виден и без солнца,— проворчал Афанасий Васильевич.

— Конечно! — отозвался Низовский и, обращаясь к второму штурману, сидевшему у руля, скомандовал: — Держите вдоль правой стенки, убавьте ход. Самый тихий! Я буду перебирать руками по стене.

Без солнца в пещере было сумрачно. Низовский с волнением всматривался в полумрак. Вдруг клык исчез? Но этого не может быть. Клык был прочно вморожен в лед. Но вода за год могла растопить лед... Почему он не постарался в прошлый раз вырубить клык из льда? Какая непростительная оплошность... Но ведь он хотел достать непременно всего мамонта, не отделяя от него даже клыка.

— Вот он! Вижу! — крикнул матрос с носа катера.

Мотор звонко постукивал. Низовский готов был поверить, что это стучит его сердце.

— Стоп!

Мотор заглох. Катер, шелестя бортом о лед, едва двигался вперед.

— Бивень! — торжественно воскликнул Низовский.

— Бивень? — переспросил академик, поднимаясь во весь рост.

Он дотянулся до торчащего из льда белого ствола и ощупал его. Потом стал рассматривать со всех сторон.

— И в самом деле, бивень...— озадаченно произнес он.— Это даже странно.

— Я же вам докладывал, Афанасий Васильевич,— начал было Низовский, но старик махнул на него рукой.

Низовский замолчал. В пещере было тихо. Слышалось легкое плескание воды и далекие голоса из подходивших к ледяному гроту шлюпок.

— Мамонтова кость,— заключил академик.— Странно... не может быть!

— Так ведь вот она! Вот! — торжествующе повторял Низовский.

Свод и стены ледяной пещеры засветились.

— Солнце! Солнце! Какое счастье! — крикнул Низовский.— Смотрите... вот сюда смотрите! Вы видите темное пятно?

Моряки, рабочие, ученые — все вперили взоры в ледяной монолит.

Темное расплывчатое пятно было теперь отчетливо видно. Воображение придавало ему самые фантастические формы.

— Он, должно быть, на боку лежит,— заметил матрос.

— Ясно, на боку... Не на спину же лапками кверху ляжет,— сказал рабочий.

— Чего же вы ждете? — заторопился академик.— Скорее обкалывайте лед, освобождайте клык! Где кирка? Где лом? Я тоже помогать буду.

Низовский схватил лом, но не отдал его старику. Он сам обрушивал сокрушительные удары на ледяную стену. Осколки льда стучали по борту катера. Несколько человек с ожесточением рубили многовековой лед.

— Осторожнее, не повредите клыка. Оставляйте на нем слой льда,— распоряжался Афанасий Васильевич, толкаясь среди рабочих и мешая им.

— Шевелится... шевелится клык,— сказал один из рабочих.

— Как шевелится? — почти в ужасе переспросил Низовский.

— Если раскачивать,— пояснил рабочий.

Академик ухватился за конец клыка и стал раскачивать. Клык подался. Еще несколько ударов ломом...

— Давай сюда, давай!.. Теперь тяни. Бери на себя! — увлеченно командовал старик.

Через минуту огромный изогнутый клык, едва поместившись в катере, лежал на его дне.

— Как жаль, что его пришлось отделить от туши,— сокрушенно сказал Низовский.

— А вот мы его сейчас рассмотрим. Скалывайте лед, скалывайте!

Подошли две отставшие шлюпки. По указанию Низовского рабочие стали расширять и углублять отверстие, из которого был вынут клык.

— Странно, очень странно,— бормотал академик, рассматривая гигантскую кость.— Несомненно, мамонтова кость... Но вот почему она так тщательно опилена?

— Как опилена? — поразился Низовский.

— А вот, не угодно ли?

Молодой ученый склонился над костью, которую постепенно освобождали от льда. Когда лед был удален с конца бивня, все могли убедиться, что кость тщательно опилена каким-то инструментом.

— Ничего не понимаю...— прошептал молодой ученый.

— Любопытно, очень любопытно! — бормотал старик, склоняясь над клыком.— Тем любопытнее, что ваш мамонт, молодой человек, очевидно, был ручным. Он позволял делать резцом изображения на своих клыках. Вот, не угодно ли?

Вне себя от изумления Низовский рассматривал клык, на котором у опиленного основания была резьба. Отчетливо можно было разобрать затейливую вязь.

Тяжело дыша, Низовский встал с колен и сел на скамью.

— Что же это? Что же это такое? — спрашивал он старика.

— Любопытно, очень любопытно,— сказал тот.

— Давайте рубить! Давайте рубить лед! — предложил Низовский.— Мы должны открыть тайну темного пятна... Если это не мамонт, то что же это такое?

— Что ж... это будет любопытно,— согласился академик. Говорил он как бы нехотя, все продолжая разглядывать клык с резьбой.— А ведь он был к чему-то прикреплен. Смотрите, на нем даже канавки сделаны.

— К чему же он мог быть прикреплен? — поразился Низовский.

— Ну, например, к носу ладьи или коча... как еще в древности называли челны.

— К носу челна?

Находку доставили на корабль.

Двое суток во льду прокладывался ход к таинственному темному пятну.

Низовский не выходил из пещеры.

Афанасий Васильевич не съезжал больше на берег и сидел в каюте капитана, играя с ним в шахматы; злополучный клык лежал тут же на полу.

Вахтенный помощник капитана постучал в дверь.

— Войдите,— разрешил капитан, поглаживая свою роскошную бороду.

— Катер идет от берега.

— Не вовремя,— заметил капитан.

— Я потому и доложил.

Бросив незаконченную партию, академик вышел на палубу.

Катер подошел к борту. В нем стоял Низовский. Он что-то кричал академику, но разобрать слов было нельзя.

Наконец он поднялся по штормтрапу.

— Афанасий Васильевич! — закричал он, едва его голова поднялась над палубой.— Это оказалась туша...

— Туша кита? — перегнувшись через реллинги, спросил старик.

— Откуда вы знаете?

— Конечно, туша кита,— сказал старик и пошел в каюту доигрывать партию.— Я так и знал, что это туша кита,— говорил академик капитану.— Вам шах... Теперь вашему королю не поздоровится. Думаю, что бот может отправляться в свой дальнейший путь.

— Простите, Афанасий Васильевич, сейчас мой ход,— сказал капитан.— Чем же объясняете появление клыка на острове?

— Китобои. Древние китобои! Очевидно, они украсили клыком нос своего корабля или челна...

— Сдаюсь,— сказал капитан.— Я пойду распоряжусь о снятии с якоря.

Проходя мимо Низовского, капитан погладил бороду, улыбнулся и, не удержавшись, сказал:

— Вот тебе и живой мамонт!

Низовский покраснел.

Сославшись на головную боль, он ушел в свою каюту и заперся в ней. Напрасно капитан стучался к нему. Низовский не открывал. Не вышел он на палубу, даже услышав, что на корабле поднялся шум. Низовский подумал: это бот снимается с якоря, покидая остров Ледяной.

Но на самом деле шум поднялся, когда с острова прибыли на шлюпках матросы и рабочие. Они сообщили, что обнаружили за тушей кита... сруб.

Академик забыл обо всем на свете, даже о существовании своего молодого помощника. Он поспешно спустился в моторный катер и потребовал как можно скорее доставить его в пещеру.

Как это часто бывает с молодыми людьми, Низовский от огорчения уснул.

На рассвете кто-то забарабанил в его дверь. Ничего не понимая, он вскочил с койки и открыл каюту.

— Спите, батенька мой, спите? — угрожающе начал академик.

Низовский юркнул на койку и прикрылся одеялом.

— Не угодно ли полюбоваться, что вы нашли, аспирант Низовский? — все так же угрожающе продолжал Афанасий Васильевич.

Встревоженный Низовский смотрел, как академик торжественно положил ему на одеяло колчан и стрелы.

Низовский протер глаза.

— Сруб обнаружили,— улыбнулся академик.— Понимаете, за китом-то сруб оказался,— словно по секрету сказал Афанасий Васильевич и вдруг громко вскрикнул: — А вот это! Вы только поглядите на это! — старик, прищурившись, уставился на Низовского. Выждав мгновение, он положил ему на ладонь несколько кусочков металла неровной формы.— Словно зубилом вырублены, не правда ли? — допрашивал он.— А? Ну, то-то... Именно вырублены! Потому и рубль называется... Это действительно рубленые монеты!

— Монеты? — вскричал Низовский, соскакивая с койки и подхватывая упавшие было колчан и стрелы.— Монеты? Каких же времен?

— Времен Дмитрия Донского, голубчик! Дмитрия Донского... Куликовская битва, батенька!..

— Да это почище живого мамонта! — взволновался молодой человек.

Узнав эту историю, я не удержался и отправился на бот «Норд».

Я видел и академика Бондарева и Низовского. Они показывали мне чудесные находки, я держал в своих руках древние русские монеты, найденные на арктическом острове.

Академик, поглаживая свою бороду, говорил серьезно, чуть косясь на своего молодого помощника:

— Александр Львович сделал на острове Ледяном открытие особой важности. Его находки доказывают, что русские много сотен лет назад бывали в Арктике, открыли ее, охотились здесь на китов, вели торговлю, имели что-то вроде факторий. Тут исконная наша земля,— и академик посмотрел в круглый иллюминатор, через который виднелся низкий берег и суровое, свинцовое море.— Поднимать буду через Географическое общество вопрос. Давно пора стирать с арктических карт лишние иностранные имена. Не мало полярных земель и в Антарктике и в Арктике открыты нами, русскими... Это исконные наши места.

Я простился с учеными.

— А как же мамонты? — спросил я тихо Низовского.

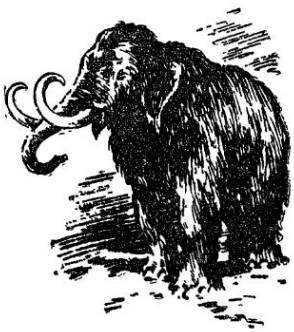
— Я все равно буду их искать,— также тихо ответил мне Низовский.

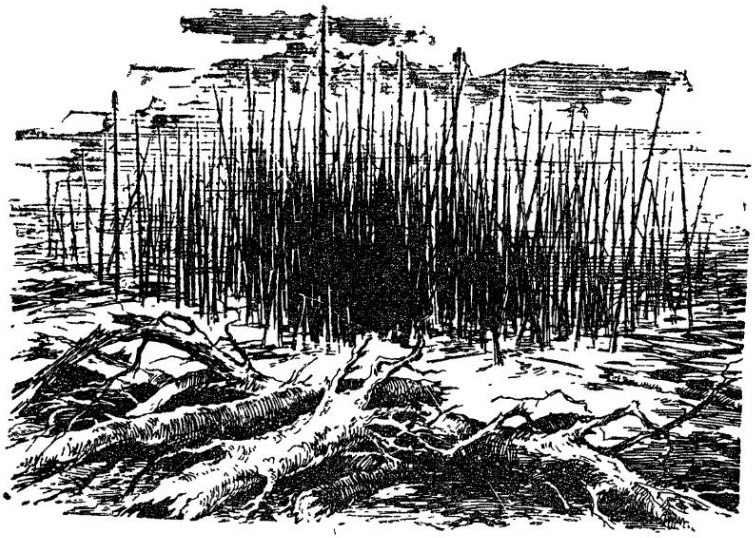
Но старик обладал тонким слухом. Он улыбнулся и сказал:

— Он найдет, непременно найдет. Он специально для этого к вам на «Георгия Седова» перебирается. Хочет проверить, не забрался ли какой шалопай мамонт на Холодную Землю.

Мне было приятно, что знакомство с Низовским не кончается.

Ученые проводили меня до трапа.





ГОСТЬ ИЗ КОСМОСА*

— Сегодня вечером устроим встречу с учеными,— сказал мне однажды Борис Ефимович.

Я знал, что вместе с палеонтологом Низовским к нам на корабль перебрался географ Васильев, руководитель экспедиции на дальний архипелаг.

Кроме того, у нас на борту был... астроном.

Он попал на «Седова», когда корабль стоял в Устье, передавая кунгасы злополучному капитану, растерявшему в шторм свои плавсредства.

Я вышел тогда рано утром на палубу, чтобы хоть издали посмотреть на материк. Ведь я не видел его уже несколько месяцев.

Узенькая дымчатая полоска на горизонте...

Но все-таки это краешек Большой Земли!

На воде, такой же оранжевой, как занявшаяся заря, показался моторный катер. Он шел от берега.

— Новые пассажиры,— сказал мне старпом, наблюдавший за спуском кунгасов,— три человека; астрономическая экспедиция.

---

* Научные данные и гипотезы, рассказанные астрономом, были предметом обсуждения на заседании Астрономического общества 20 февраля 1948 года в Москве. Спор в печати продолжается до сих пор.

— Астрономическая экспедиция? Здесь, на Севере? Почему?

Старпом ничего не мог разъяснить.

Катер подошел, и по сброшенному штормтрапу на палубу поднялись трое.

Первый был низенький, широкий в кости, но худощавый человек в роговых очках на скуластом, сильно загорелом лице, с выпуклыми надбровными дугами, делавшими выражение его несколько странным. Я заметил чуть косой разрез необычно продолговатых глаз.

Очень вежливо поклонившись мне еще издали, он подошел и представился:

— Крымов Евгений Алексеевич. Астроном. Высокоширотная экспедиция. А это — Глаголева Наташа... То есть Наталья Георгиевна. Ботаник.

Девушка, в ватной куртке и таких же штанах, слабо пожала мне руку. Лицо ее казалось измученным, под глазами синева. Вахтенный помощник Нетаев сразу же отвел Глаголеву в приготовленную для нее каюту.

Третий пассажир был юноша, почти мальчик. Он очень важно распоряжался подъемом вещей из катера.

Возможна ли жизнь на других планетах?

Да, возможна. Впервые мысль о множественности населенных миров была высказана в средние века Джордано Бруно. Мракобесы сожгли за это ученого на костре в Риме 17 февраля 1600 года на площади Цветов.

Материалистическое понимание Вселенной утверждает зарождение и развитие жизни на других планетах, всюду, где условия благоприятствовали этому.

Условиями существования известных нам форм жизни в первую очередь служат: температура не выше + 100° С и не ниже — 100° С; наличие углерода, входящего основной составной частью в строение живых организмов; наличие кислорода, основного участника жизненных, энергетических реакций живых органов; наличие воды и, наконец, отсутствие в атмосфере планеты ядовитых газов.

Все эти условия могут быть соблюдены лишь в исключительных случаях, если искать их во Вселенной среди бесчисленных звезд и возможных планетных систем. Но именно эта бесчисленность звезд и их возможных планет чрезмерно повышает вероятность существования всех этих условий в тысячах, а быть может и миллионах точек Вселенной.

Особенно интересны нам наши соседи — планеты нашей Солнечной системы, на которых с достаточной точностью могут быть нами установлены условия, существующие на их поверхности.

Из всех планет Солнечной системы из числа носителей жизни сразу должны быть исключены планеты-гиганты: Сатурн, Юпитер, Уран и Нептун. Они скованы вечным льдом и окружены ядовитыми атмосферами. На самом удаленном от солнца Плутоне — вечная ночь и нестерпимая стужа, на самом близком к солнцу Меркурии — нет воздуха. Одна его сторона,

— Пожалуйста, осторожнее. Это приборы, научные приборы! — кричал он.— Говорю вам, приборы! Понимать надо!

Приборы уже лежали на палубе. Ничего похожего на телескоп я не заметил.

Что делает астрономическая экспедиция в Арктике? Разве отсюда лучше видны звезды?

Пользуясь стоянкой в порту острова Дикого, Борис Ефимович пригласил своих гостей — ученых — в салон.

Буфетчица Катя принесла шпроты из заветных запасов. На столе появился капитанский коньяк.

Ученые, включая ботаника Наташу, отоспавшуюся, розовощекую и бойкую, с удовольствием отдали должное и закускам и напитку.

Я спросил Крымова:

— Скажите, какая цель вашей астрономической экспедиции?

Протягивая руку к шпротам, Крымов ответил:

— Установить существование жизни на Марсе.

— На Марсе? — чуть не подскочил я.— Вы шутите?

Крымов удивленно посмотрел на меня через круглые очки.

— Почему шучу?

— Разве можно наблюдать отсюда Марс? — спросил я.

обращенная всегда к солнцу, раскалена, другая погружена в вечную тьму и космический холод.

Наиболее благоприятны для зарождения жизни три планеты: Земля, Венера и Марс.

Температурные условия на всех трех планетах не выходят за пределы тех, при которых жизнь возможна. Венера и Марс, как и Земля имеют атмосферу.

Судить о составе атмосферы Венеры трудно, так как планета окутана сплошным покровом облаков. Однако в верхних слоях атмосферы обнаружены ядовитые газы. Атмосфера Венеры, по-видимому, чрезвычайно богата углекислотой, гибельной для животных, но служащей прекрасной средой для развития низших растений.

Существование зарождающейся жизни на Венере не исключено, но пока не может быть доказано.

По-иному обстоит вопрос с другим соседом Земли, с Марсом.

Что представляет собой Марс?

Марс — планета почти вдвое меньшей массы, чем Земля. Он удален от Солнца на расстояние в полтора раза большее, чем Земля.

Марс вращается вокруг своей оси за 24 часа 37 минут.

Ось вращения его наклонна к плоскости орбиты примерно так же, как и у Земли. Поэтому на Марсе происходит та же смена времен года, как и у нас.

Установлено, что Марс окружен атмосферой, в которой не обнаружено вредных для развития жизни газов.

Углекислота на Марсе имеется примерно в том же количестве, как и на Земле. Кислорода там предполагают примерно одну сотую той доли, которая имеется в земной атмосфере.

— Нет, в это время Марс вообще плохо виден.

— Астроном и ботаник изучают Марс в Арктике, не глядя на небо? — я руками развел.

— Марс мы изучаем у себя в обсерватории в Алма-Ате, а здесь...

— Что же здесь?

— Мы ищем доказательства существования жизни на Марсе.

— Это очень интересно! — воскликнул Низовский.— Я с детства увлекаюсь марсианскими каналами! Скиапарелли, Лоуэлл! Эти ученые, кажется, занимались Марсом?

— Тихов,— внушительно сказал Крымов.— Гавриил Андрианович Тихов!

— Создатель новой науки — астроботаники! — бойко вставила девушка.

— Астроботаника? — переспросил я.— Астра — звезда... И вдруг ботаника! Что может быть общего? Не понимаю.

Наташа звонко рассмеялась.

— Конечно же, звездная ботаника! — сказала она.— Наука, изучающая растения других миров!

— На Марсе,— вставил Крымов.

— У нас при Академии Казахской ССР создан сектор

Климат Марса резок и суров и точно охарактеризован в рассказе.

Марс — ровесник Земли и прошел все те же фазы развития, что и Земля.

В период своего остывания и образования первых океанов он был покрыт сплошной облачностью, как сейчас покрыта Венера и как во время каменноугольного периода была покрыта Земля.

Во время этого «тепличного» периода развития планеты температура на поверхности Марса не зависела, как и когда-то на Земле, от Солнца. Тогда условия на нем были во всем подобны земным, способствовавшим, как известно, появлению жизни в первородных океанах.

Подобный процесс мог иметь место и на Марсе.

В тепличный период на укутанной облачным покровом планете могли развиваться первые растения, подобные хвощам каменноугольного периода, а также и другие примитивные формы жизни.

Лишь в последующие периоды, когда облачный покров рассеялся, Марс, обладая меньшей, чем Земля, силой притяжения, растерял частички стремившейся оторваться от него атмосферы и приобрел уже отличные от земных условия на своей поверхности.

Однако жизненные формы могли приспосабливаться в процессе эволюции к этим новым условиям.

Вместе с потерей атмосферы Марс терял и воду, испарявшуюся в атмосферу и в виде паров уносившуюся в мировое пространство.

Постепенно Марс превратился в безводную, покрытую пустынями планету.

Сейчас на его поверхности различают темные пятна, названные когда-то морями. Но если Марс и обладал в давние времена морями, то давно потерял их. Ни один астроном не наблюдал бликов, которые были бы заметны на водной поверхности.

астроботаники, новой советской науки,— гордо пояснила Наташа.

— Как же астрономы и вдруг в Арктике очутились? — спросил капитан.

— Видите ли,— сказал Крымов,— нам приходится искать условия, сходные с существующими на Марсе. Он в полтора раза дальше от Солнца, чем Земля. Атмосфера его разрежена, как у нас на высоте пятнадцати километров. Климат там резок и суров.

— Вы только подумайте,— вмешалась Наташа,— на экваторе днем там +20, а ночью —70°!

— Крепковато,— сказал капитан.

— В средней полосе,— продолжал Крымов,— зимой (ведь на Марсе времена года подобны земным)... зимой там и днем и ночью —80°.

— Как в Туруханском крае,— заметил молчавший до этого географ.

— Да. Климат Марса суров. Но разве здесь, в Арктике, не бывает таких температур? — Крымов беседовал охотно. Видно, он крепко был влюблен в свою звездную ботанику.

— Вот теперь понимаю, почему вы здесь,— сказал капитан.

Области Марса близ полюсов поочередно покрываются веществом, по отражательной способности напоминающим земной лед.

По мере действия солнечных лучей, обогревавших ту или другую полярную область, эта белая шапка (более точные исследования Г. А. Тихова показали, что она зеленая), как не покрытый снегом лед, уменьшается в объеме, очерченная темной полосой (видимо, влажной почвы).

По мере похолодания ледяная шапка планеты начинает увеличиваться, причем темной ограничивающей полосы уже не наблюдается. Это позволило сделать вывод, что водяные пары, содержащиеся в атмосфере Марса (в малом количестве), выпадают в виде снежных осадков в полярных областях и покрывают там почву слоем льда толщиной около десяти сантиметров.

По мере потепления лед тает и образовавшаяся вода или впитывается в почву или каким-либо способом распространяется по планете.

Этот процесс происходит поочередно на обоих полюсах Марса. Когда лед тает близ южного полюса, на северном он образуется и наоборот.

Что такое астроботаника?

Это новая советская наука, созданная одним из наших выдающихся астрономов — членом-корреспондентом Академии наук СССР Гавриилом Андриановичем Тиховым.

Тихов первый сделал фотоснимки Марса через цветные светофильтры. Этим путем ему удалось точно установить окраску частей планеты в разное время года.

Особенно интересными оказались пятна, названные когда-то морями. Эти пятна меняли свою окраску с зелено-голубоватым оттенком весной на бурые летом и на коричневые тона зимой. Тихов провел параллель этих

— И жизнь существует в Арктике,— продолжал астроном.— А на Марсе ведь есть и более благоприятные условия. У полярных кругов, например, где солнце не заходит по многу месяцев, температура и днем и ночью держится около +15°. Это же прекрасные условия для растительности!

Я не выдержал:

— И что же? На Марсе есть растительность?

— Пока еще у нас не было прямых доказательств...— уклончиво ответил Крымов.

Капитан налил всем коньяку.

— Наверное, замечательная эта специальность — астрономия. У нас — моряков и полярников — принято рассказывать о себе. Вот бы вы, товарищ географ, и вы, товарищ Низовский, а особенно вы, астрономы, рассказали бы, как учеными стали,— предложил Борис Ефимович.

— Что ж тут рассказывать,— отозвался Низовский.— Учился в школе, потом в университете, остался при кафедре аспирантом... вот и все.

— Меня ученым сделала страсть,— сказал Валентин Гаврилович Васильев.— Страсть к новому, жажда передвижения. Я исходил, исколесил всю нашу замечательную страну. Вот теперь до Арктики добрался. А как подумаешь, сколько

изменений с переменой окраски вечнозеленой тайги в Сибири. Зеленая весной, голубоватая в дымке, тайга в летнюю пору буреет, а зимой обретает коричневый оттенок.

В то же время окраска обширных пространств Марса оставалась неизменной — красновато-коричневой, во всем подобной окраске земных пустынь.

Предположение о том, что меняющие окраску пятна Марса — зоны сплошной растительности, требовало доказательств.

Попытки обнаружить спектральным методом на Марсе хлорофилл, обеспечивающий фотосинтез и жизнь земных растений, не увенчались успехом.

Земные растения, как сообщено в рассказе, характерны еще тем, что, сфотографированные в инфракрасных лучах, они получаются на снимке белыми, словно покрытые снегом. Если бы зоны предполагаемой на Марсе растительности получились на снимках в инфракрасных лучах такими же белыми, можно было бы не сомневаться в существовании растительности на Марсе.

Однако новые снимки Марса не подтвердили смелых предположений.

Но это не смутило Г. А. Тихова. Он подверг сравнительному исследованию отражательную способность земных растений на Юге и на Севере.

Результаты оказались поразительными. Белыми на фотоснимках в инфракрасных, тепловых, лучах получились только растения, которые отражали, не используя эти лучи. На севере растения (например морошка или мхи) не отражали, а поглощали тепловые лучи, которые были для них отнюдь не излишними. На снимках в инфракрасных лучах северные растения не выходили белыми, как не выходили белыми и зоны предполагаемой растительности Марса.

Это исследование, подкрепленное полярными и высокогорными экспедициями учеников Тихова, позволило ему сделать остроумный вывод, что

еще неисхоженного, неизведанного на наших просторах... радостно становится. Пью за необъятную и красивейшую нашу родину! — сказал географ и выпил рюмку.

Все последовали его примеру.

— А вы? — обратился капитан к Крымову.— Вы что расскажете нам?

Крымов стал чрезвычайно серьезным.

— Это очень сложно...— задумчиво начал он, потирая свои выпуклые надбровные дуги,— и очень долго рассказывать.

Мы все стали просить. Наташа жадно смотрела на своего руководителя. Очевидно, она не знала его биографии.

— Пожалуй, я расскажу,— согласился наконец Крымов.— Я родился в эвенкийском стойбище. Раньше эвенков звали тунгусами.

— Вы эвенк? — воскликнула Наташа.

Крымов кивнул.

— Я родился в эвенкийском чуме в тот год, когда в тайге... Вы все, наверное, слышали про Тунгусский метеорит, который упал в тайгу?

— Слышали немного. Расскажите, это очень интересно,— попросил Низовский.

растения, приспосабливаясь к условиям существования, обретают способность поглощать необходимые лучи и отражать ненужные. На Юге, где солнца много, растения не нуждаются в тепловых лучах спектра и отражают их; на Севере, бедном солнечным теплом, растения не могут позволить себе такой роскоши и стремятся поглотить все лучи солнечного спектра. На Марсе, где климат особенно суров и солнце скупо, растения естественно стремятся поглотить как можно больше лучей, и понятны неудачи сравнения в этом отношении марсианских растений с южными растениями Земли. Они скорее похожи на растения Арктики.

Придя к такому выводу, Тихов нашел также и разгадку неудач, связанных с попытками обнаружить на Марсе хлорофилл.

Дальнейшее изучение этого вопроса все больше убеждало Тихова в полной аналогии развития марсианских растений с земными. Он обнаружил на Марсе зоны растительности в обширных пустынях, по отражательной способности подобные тем растениям, которые растут у нас в среднеазиатских пустынях.

Интересны сообщения Тихова о массовом цветении некоторых областей марсианских пустынь ранней весной. По цвету и характеру эти зоны цветения на Марсе очень напоминают огромные пространства пустынь Средней Азии, на короткое время покрывающиеся сплошным ковром красных маков.

В последнее время Тиховым высказаны интересные предположения о растительности Венеры. Поскольку на Венере тепла более чем достаточно, растения этой планеты, если они есть, должны отражать всю тепловую часть солнечного спектра, то есть они должны иметь красную окраску. Открытие советского астронома Барабашева на Пулковской обсерватории, обнаружившего через облачность Венеры желтые и оранжевые лучи, дало возможность Тихову предположить, что эти лучи не что иное, как отражение покрова красной растительности Венеры.

— Это было необыкновенное явление,— сразу оживился Крымов.— Тысячи очевидцев видели, как над тайгой возник огненный шар, по яркости затмивший солнце. Огненный столб уперся в безоблачное небо. Раздался ни с чем не сравнимый по силе удар... Этот удар прокатился по всей земле. Он был слышен за тысячу километров от места катастрофы: зарегистрирована остановка поезда близ Канска, в восьмистах километрах от места катастрофы. Машинисту показалось, что у него в поезде что-то взорвалось. Небывалый ураган прокатился по земле. На расстоянии четырехсот километров от места взрыва у домов сносило крыши, валило заборы... Еще дальше — в домах звенела посуда, останавливались часы, как во время землетрясения. Толчок был зафиксирован многими сейсмологическими станциями: Ташкентской, в Йене (Германия), Иркутской, которая и собрала показания всех очевидцев.

— Что же это было? — спросил Низовский.— Толчок от удара метеорита о землю?

— Так думали,— уклончиво ответил Крымов.— Воздушная волна, вызванная катастрофой, два раза обошла земной шар. Она была отмечена барографами в Лондоне и других местах.

Не все ученые пока разделяют точку зрения Г. А. Тихова. Задача Сектора астроботаники Академии наук Казахской ССР найти еще новые неоспоримые доказательства существования растительной жизни на других планетах и прежде всего на Марсе.

Есть ли каналы на Марсе?

Впервые эти странные образования были обнаружены Скиапарелли во время великого противостояния в 1877 году. Они представились ему правильными прямыми линиями, сетью покрывающими планету. Он назвал их «каналами», первым высказав осторожную мысль, что это искусственные сооружения разумных обитателей планеты.

Последующие исследования поставили под сомнение существование каналов. Новые наблюдатели не видели их.

Выдающийся астроном Лоуэлл посвятил свою жизнь проблеме существования жизни на Марсе. Создав специальную обсерваторию в пустыне Аризона, где прозрачность воздуха благоприятствовала наблюдениям, он подтвердил открытие Скиапарелли и развил его осторожную мысль.

Лоуэлл открыл и изучил огромное число каналов. Он разделил их на главные артерии (наиболее заметные, двойные, как он утверждал, каналы), которые шли от полюсов через экватор в другое полушарие, и на подсобные каналы, идущие от главных и пересекающих зоны в различных направлениях по дугам большим кругом, то есть по наикратчайшему пути по поверхности планеты (Марс — планета с ровным рельефом. На ней нет гор и заметных изменений рельефа).

Лоуэлл обнаружил две сети каналов; одну, связанную с южной полярной областью тающих льдов, и другую — с такой же северной

Странные явления наблюдались во всем мире в течение четырех суток после катастрофы в тайге. Высоко в небе были замечены светящиеся облака, которые делали ночь по всей Европе и даже в Алжире такой светлой, что в полночь можно было читать газеты, словно в ленинградские белые ночи...

— Когда это было? — спросил капитан.

— В год моего рождения,— ответил Крымов,— в тысяча девятьсот восьмом году. Огненный ураган пронесся тогда в тайге. За шестьдесят километров, в фактории Вановара, люди теряли сознание, ощущая, что на них загорается верхняя одежда. Воздушной волной многих оленей подбросило в воздух, а деревья тайги... Верьте мне, я из тех мест и много лет участвовал в поисках метеорита. Все деревья в радиусе тридцати километров вырваны с корнем, все сплошь! В радиусе шестидесяти километров они повалены на всех возвышениях.

Небывалое опустошение произвел ураган. Эвенки бросались в поваленную тайгу искать своих оленей, лабазы с имуществом. Они находили только обугленные туши. Горе посетило тогда и чум моего деда Лючеткана. Мой отец, ходивший в поваленную тайгу, видел там огромный столб

областью. Эти сети были видны попеременно. Когда таяли северные льды, можно было заметить каналы, идущие от северных льдов; когда таяли южные льды, в поле зрения появились каналы, идущие от южных льдов.

Все это дало возможность Лоуэллу объявить каналы грандиозной ирригационной сетью марсиан, которые построили гигантскую систему использования воды, образующейся при таянии полярных шапок. Лоуэлл вычислил, что мощность водонапорной системы Марса должна в 4000 раз превосходить мощность Ниагарского водопада.

Подтверждение своей мысли Лоуэлл видел в том, что каналы появляются постепенно, с момента начала таяния льдов. Они удлиняются как бы по мере продвижения по ним воды. Установлено, что расстояние в 4250 километров по поверхности Марса удлиняющийся канал (или вода в нем) проходит за 52 дня, что составляет 3,4 километра в час.

Лоуэлл установил также, что в точках пересечения каналов существуют пятна, названные им оазисами. Эти оазисы он готов был считать крупными центрами обитателей Марса, их городами.

Однако идея Лоуэлла не нашла всеобщего признания. Само существование каналов было поставлено под сомнение. При рассмотрении Марса в более сильные телескопы «каналы» как сплошные прямолинейные образования не обнаруживались. Замечались лишь отдельные скопления точек, которые глаз мысленно стремился соединить в прямые линии.

«Каналы» стали приписывать оптическому обману, которому поддавались лишь некоторые исследователи.

Однако на помощь пришел объективный метод исследования.

Г. А. Тихов, работая в Пулковской обсерватории, впервые в мире сфотографировал каналы Марса. Фотопластинка — не глаз, она, казалось бы, не может впадать в ошибку.

За последние годы фотографирование каналов проводится все в более широких размерах.

воды, бивший из земли. Отец умер через несколько дней в страшных мучениях, словно его обожгло... Но на коже у него не было никаких ожогов. Старики испугались. Запретили эвенкам ходить в поваленную тайгу. Назвали ее проклятым местом. Шаманы говорили, что там на землю спустился бог огня и грома Огды. Он, дескать, и жжет невидимым огнем всех, кто туда попадает.

В начале двадцатых годов,— продолжал Крымов,— в факторию Вановара приехал русский ученый Кулик. Он хотел найти метеорит. Эвенки отказались сопровождать его. Он нашел двух ангарских охотников. Я присоединился к ним. Я был молод, хорошо знал русский язык, кое-чему учился в фактории и ничего на свете не боялся.

Вместе с Куликом мы добрались до центра катастрофы. Мы обнаружили, что все бесчисленные деревья, миллионы поваленных стволов, лежат корнями, направленными в одно место, в центр катастрофы. Когда же мы увидели этот центр, то были поражены. В центре катастрофы, где разрушения от упавшего метеорита должны быть наибольшими... лес стоял на корню. Это было необъяснимо не только для меня, но даже и для русского ученого. Я видел это по его лицу.

Так, в противостояние 1924 года Тремилером было получено на фотографии свыше тысячи марсианских каналов. Дальнейшие фотоснимки подтвердили их существование.

Крайне интересным оказалось исследование окраски таинственных каналов. Их окраска во всем подобна меняющейся окраске зон сплошной растительности Марса.

Вычисление ширины каналов (от ста до шестисот километров) привело к мысли, что каналы не есть «каналы — открытые выемки в почве, наполненные водой», скорее они представляют собой полосы растительности, появляющейся по мере течения воды тающих льдов по грандиозным водопроводным трубам (со скоростью 3,4 километра в час. С этой скоростью по прошествии некоторого времени и идет волна всходов). Эти полосы растительности (леса и поля) меняют свою окраску по мере изменения времени года.

Предположение о существовании зарытых в почву водопроводных труб с выводами в виде колодцев могло бы примирить наблюдателей, видевших каналы, и наблюдателей, видевших не прямые линии, а лишь отдельные точки, расположенные по прямым линиям. Эти точки напоминают оазисы искусственно орошаемой растительности в местах вывода водопроводных труб на поверхность.

Предположение о существовании зарытых труб тем естественнее, что в условиях малого атмосферного давления Марса всякий открытый водоем способствовал бы быстрой потере воды за счет интенсивного испарения.

Спор о существе каналов еще продолжается, но он уже не ставит под сомнение их существование.

Отклоняясь от слишком смелого предположения о сооружениях разумных обитателей Марса, некоторые ученые скорее готовы признать «каналы» трещинами вулканического происхождения, которые, кстати говоря, не обнаружены ни на одной из других планет Солнечной системы. Эта

Лес стоял на корню, но это был мертвый лес — без сучьев, без верхушек, он походил на врытые в землю столбы...

Посередине леса виднелась вода — озеро или болото.

Кулик предположил, что это и есть воронка от упавшего метеорита.

Простодушный, общительный, он объяснял нам — охотникам, словно мы были его учеными помощниками, что где-то в Америке, в пустыне Аризоны, есть огромный кратер — полтора километра в диаметре, двести метров глубиной. Кратер образовался тысячи лет назад от падения гигантского небесного тела, метеорита, такого же, как и тот, что упал здесь, и который непременно надо найти. Тогда-то я и загорелся желанием помогать русскому профессору.

На следующий год Кулик вернулся в тайгу с большой экспедицией. Он нанимал рабочих. Конечно, я был первым. Мы искали осколки метеорита. Осушили центральное болото в мертвом лесу, исследовали все углубления, но... никаких следов не только метеорита, но и оставленной им воронки не нашли.

Десять лет ежегодно возвращался в тайгу Кулик, десять лет я сопровождал его в его бесплодных исканиях. Метеорит исчез.

гипотеза страдает еще и тем, что не может объяснить движения воды вдоль каналов без существования мощной водонапорной системы, подающей полярные воды через экватор в противоположное полушарие.

Другая точка зрения астрономов склонна считать цветные, меняющиеся по длине и цвету геометрически правильные полосы на Марсе следами жизнедеятельности живых существ, достигших высшего уровня умственного развития, не уступающего людям Земли.

Каковы обстоятельства Тунгусской катастрофы 1908 года?

На основании показаний более тысячи очевидцев — корреспондентов Иркутской сейсмологической станции и Иркутской обсерватории установлено:

Ранним утром 30 июня 1908 года по небосводу пролетело огненное тело (характер болида), оставляя за собой след, как падающий метеорит.

В семь часов утра по местному времени над тайгой близ фактории Вановары возник ослепительный шар, который казался ярче солнца. Он превратился в огненный столб, упершийся в безоблачное небо

Прежде ничего подобного при падении метеоритов не наблюдалось. Не было такой картины и при падении несколько лет назад гигантского, рассыпавшегося в воздухе метеорита на Дальнем Востоке.

После световых явлений был слышен удар, многократно повторившийся, как повторяется удар грома, превращаясь в раскаты. Звук был слышен на расстоянии до тысячи километров от места катастрофы.

Вслед за звуком пронесся ураган страшной силы, срывавший с домов крыши и валивший заборы на расстоянии сотен километров.

В домах ощущались явления, характерные для землетрясений. Колебания земной коры были отмечены многими сейсмологическими станциями: в Иркутске, Ташкенте, Йене (Германия). В Иркутске (ближе к месту ка-

Кулик предполагал, что он провалился в болото, а болото затянуло воронку. Но мы бурили там почву и наткнулись на неповрежденный слой вечной мерзлоты. После бурения в буровую скважину вырвался фонтан воды. Если бы метеорит пробил, расплавил этот слой мерзлоты, слой не смог бы восстановиться. Земля теперь и зимой не промерзает глубже чем на два метра.

После второго года работы экспедиции я уехал вместе с Куликом в Москву и стал учиться там. Но каждое лето возвращался на поиски метеорита в родные места. Работы Кулика продолжались. Я всегда сопровождал его. Теперь я уже не был полуграмотным таежным охотником. Я был студентом университета, много читал, начинал даже кое-что критиковать в нашей науке. Но об этом я ничего не говорил Кулику. Я же знал, с какой железной волей, с какой страстной уверенностью искал он свой метеорит, даже стихи метеориту посвящал... Как мог я сказать ему, что пришел к убеждению, что метеорита никогда не было?

— Как не было? — воскликнул Низовский.—А следы катастрофы, а поваленные деревья?

— Да, катастрофа была, а метеорита не было,— внушительно сказал Крымов.— Я задумался над тем, как мог

тастрофы) зафиксировано два толчка. Второй был слабее и, по утверждению директора станции, был вызван дошедшей до Иркутска с опозданием воздушной волной.

Воздушная волна была зафиксирована также и в Лондоне и дважды обошла земной шар.

В течение трех дней после катастрофы на территории Европы и Севере Африки в небе на высоте 86 километров наблюдались светящиеся облака, позволявшие ночью фотографировать и читать газеты.

Академик А. А. Полканов, находившийся тогда в Сибири, ученый, умевший наблюдать и точно фиксировать виденное, записал в дневнике: «Небо покрыто плотным слоем туч, льет дождь и в то же самое время необычайно светло. Настолько светло, что на открытом месте можно довольно свободно прочесть мелкий шрифт газеты. Луна не должна быть, а тучи освещены каким-то желто-зеленым, иногда переходящим в розовый, светом». Если бы этот загадочный ночной свет, замеченный академиком Полкановым, был отраженным солнечным светом, он был бы белым, а не желто-зеленым и розовым.

Спустя двадцать лет советская экспедиция Кулика побывала на месте катастрофы. Результаты многолетних поисков экспедиции точно переданы астрономом в рассказе.

Предположение о падении в тунгусскую тайгу гранитного метеорита хотя и более привычно, но не объясняет:

а) Отсутствие каких-либо осколков метеорита.

б) Отсутствие кратера и воронок.

в) Существование в центре катастрофы стоячего леса.

д) Наличие после падения метеорита грунтовых вод под давлением.

е) Фонтан воды, бивший в первые дни катастрофы.

ж) Появление ослепительного, как солнце, шара в момент катастрофы.

остаться на корню лес в центре катастрофы. Чем вызывается взрыв при падении метеорита? Метеорит влетает в земную атмосферу с космической скоростью от тридцати до шестидесяти километров в секунду. Обладая значительной массой и гигантской скоростью, метеорит несет огромную энергию движения. В момент остановки метеорита, при ударе его о землю, вся эта энергия должна перейти в тепло, это и вызывает взрыв чудовищной силы. Но в нашем случае этого не произошло... Самой встречи метеорита с землей не было. Для меня это было очевидным. Существование мертвого леса навело меня на мысль, что взрыв произошел в воздухе, на высоте примерно трехсот метров, как раз над этим самым лесом!

— Как же так в воздухе? — недоверчиво заметил Низовский.

— Взрывная волна ринулась во все стороны,— уверенно продолжал Крымов.— В том месте, где деревья были перпендикулярны ее фронту, то есть непосредственно под местом взрыва, волна не повалила деревья, она лишь срезала с них все сучья, отломила вершины. Там же, где ее удар пришелся под углом, все деревья в радиусе тридцати-шестидесяти километров были повалены. Взрыв мог произойти только в воздухе!

з) Несчастные случаи с эвенками, побывавшими в месте катастрофы в первые дни.

Внешняя картина произошедшего в тунгусской тайге взрыва полностью совпадает с картиной атомного взрыва.

Предположение такого взрыва в воздухе над тайгой объясняет все обстоятельства катастрофы следующим образом.

Лес в центре стоит на корню, поскольку воздушная волна обрушилась на него сверху, обломав ветки и вершины.

Светящиеся облака — действие улетевших вверх остатков радиоактивного вещества на воздух.

Несчастные случаи в тайге — действие радиоактивных частичек, упавших в почву.

Возгонка, превращение в пар, всего влетевшего в земную атмосферу тела естественна при температуре атомного взрыва (20 миллионов градусов Цельсия) и, конечно, никаких его остатков найти было нельзя.

Фонтан воды, бивший сразу после катастрофы, был вызван образованием в слое мерзлоты трещин от удара взрывной волны.

Возможен ли взрыв радиоактивного метеорита?

Нет, невозможен. В метеоритах встречаются все те вещества, какие встречаются на Земле. Содержание, скажем, урана в метеоритах составляет около одной двухсотмиллиардной доли процента. Для возможности цепной реакции атомного распада явилось бы необходимым иметь урановый метеорит в исключительно чистом виде, да, кроме того, еще и в виде редчайшего, не встречающегося никогда в чистом виде изотопа Урана-235. Помимо всего, если даже и предположить такой невероятный случай, что в природе оказался такой кусок «рафинированного» Урана-235, то он

—В самом деле... это похоже на истину,— задумчиво потирая подбородок, сказал Низовский.

— Но какой взрыв мог произойти в воздухе? — рассуждал вслух астроном.— Ведь перехода энергии движения в тепло не было и не могло быть. Этот вопрос мучил меня.

В университете у нас был кружок межпланетных сообщений. Я увлекался Циолковским, его межпланетной ракетой с запасами жидкого кислорода и водорода. Однажды мне пришла в голову мысль — это была очень смелая мысль. Если бы Кулик был со мной, я тотчас рассказал бы это ему, но... началась война. Несмотря на свой преклонный возраст, Леонид Алексеевич Кулик пошел добровольцем на фронт и погиб смертью славных...

Крымов помолчал, потом продолжал:

— Я был на другом участке фронта. Часто наблюдал взрывы крупных снарядов в воздухе. И все больше и больше убеждался, что взрыв в тайге произошел именно в воздухе. И взрыв этот мог быть только взрывом топлива в межпланетном корабле, пытавшемся опуститься на Землю.

— Корабль с другой планеты? — почти закричал Низовский, вскакивая с места.

Географ откинулся на спинку стула. Капитан крякнул и

не мог бы существовать, так как Уран-235 склонен к так называемому «спонтанному» распаду, непроизвольным взрывам некоторых своих атомов. При первом же таком непроизвольном взрыве предполагаемый метеорит взорвался бы сразу же после своего образования.

Если предположить атомный взрыв, то неизбежно будет предположение, что взорвалось радиоактивное вещество, полученное искусственным образом.

Откуда мог прилететь корабль, использующий радиоактивное топливо?

Ближайшая от нас звезда с предполагаемой около нее планетной системой находится в созвездии Лебедя. Это открыто нашим пулковским астрономом Дейчем. От нас до нее расстояние в девять световых лет. Чтобы преодолеть такое расстояние, нужно лететь со скоростью света в течение девяти лет!

Получить такую скорость межпланетному кораблю, конечно, невозможно. Может идти речь лишь о степени приближения к ней. Мы знаем, что элементарные частички материи — электроны движутся со скоростью до 300 тысяч километров в секунду. Если предположить, что в результате длительного разгона и корабль достиг бы такой скорости, мы получим, что рейс с планеты ближайшей к нам звезды в оба конца должен был бы занять несколько десятков лет. Однако здесь на помощь приходит парадокс Эйнштейна. Для людей, летящих со скоростью, близкой к скорости света, время двигалось бы медленнее, много медленнее, чем для тех, кто наблюдал бы за их полетом, пробыв в полете десятки лет, они обнаружили бы, что на Земле успели пройти тысячелетия...

Трудно говорить о продолжительности жизни неизвестных нам существ, но если предполагать такой полет с Земли, то путешественники,

выпил рюмку коньяку. Наташа сидела с широко открытыми глазами и смотрела на Крымова, словно видела его в первый раз.

— Да, гость из Космоса — корабль с другой планеты. И скорее всего с Марса. Только на Марсе можно предполагать существование жизни... Тогда я думал, что взорвались запасы жидкого водорода и кислорода — единственный вид топлива, годный для космических полетов. Так я думал прежде...

— Как? — воскликнула Наташа.— А теперь вы думаете иначе? — в голосе ее было явное разочарование. Как видно, гипотеза насчет гостя из Космоса пришлась ей по душе.

— Да. Теперь я думаю иначе,— спокойно повторил Крымов.— Атомные взрывы в Японии убедили меня, какого рода топливо было на межпланетном корабле.

После войны я посвятил себя проблеме Марса. Мне нужно было доказательство существования жизни на этой планете. Я стал учеником Тихова... И вот я здесь с экспедицией, которая должна изучить поглощение тепловых лучей северными растениями.

— А что это докажет? — подал голос капитан.

— Еще в прошлом веке Тимирязев предложил попытаться обнаружить на Марсе хлорофилл. Это дало бы уверен-

---

отправляясь в полет, должны посвятить ему всю свою жизнь до глубокой старости. Нечего говорить о более далеких звездах и их планетах.

Значительно реальнее было бы предположение о попытке перелета с более близкой планеты и прежде всего с Марса.

Что говорит астронавигация?

Марс движется вокруг Солнца по эллипсу, делая один оборот за 687 земных суток (1,8808 земных года).

Орбиты Земли и Марса сближаются в том месте, которое Земля проходит летом. Каждые два года Земля встречается в этом месте с Марсом, но особенно близко друг к другу они оказываются раз в 15—17 лет. Тогда расстояние между планетами сокращается от 400 миллионов до 55 миллионов километров (великое противостояние).

Однако нельзя рассчитывать, что межпланетному кораблю достаточно преодолеть только это расстояние.

Обе планеты движутся по своим орбитам: Земля со скоростью 30 километров в секунду, Марс — 24 километра в секунду.

Реактивный корабль, покидая планету, наследует ее скорость вдоль орбиты, направленную перпендикулярно к кратчайшему пути между планетами. Чтобы корабль мог лететь прямо, надо было бы уничтожить эту боковую скорость вдоль орбиты, бесполезно тратя на это огромную энергию. Выгоднее лететь по кривой, используя скорость вдоль орбиты и добавляя кораблю лишь ту скорость, которая позволит ему оторваться от планеты.

Для отрыва от Марса потребуется 5,1 километра в секунду, для отрыва от Земли — 11,3 километра в секунду.

Видный советский астронавигатор Штернфельд сделал точный

ность, что зеленые пятна на Марсе, меняющие свой цвет по временам года точно так же, как меняет его земная растительность, что эти зеленые пятна — области, покрытые растительностью.

— И что же, удалось открыть хлорофилл?

— Нет, не удалось. Полос поглощения в спектре, присущих хлорофиллу, на Марсе нет. Более того, если сфотографировать зеленые пятна Марса в инфракрасных лучах, то они не становятся белыми, как земные растения.

Все как будто говорило против существования на Марсе растительности. Но Гавриил Андрианович Тихов сделал замечательное предположение. Почему земная растительность выходит белой на таких снимках? Потому что она отражает тепловые лучи, они не нужны ей. Но на Марсе солнце светит скупо. Там растения должны стараться использовать все возможное тепло. Не потому ли зеленые пятна не становятся белыми в инфракрасных лучах?

Строго говоря, поэтому мы, астрономы, в Арктике. Мы проверяем, отражают ли северные растения тепловые лучи.

— И что же? — спросили все мы хором.

— Не отражают! Не отражают! Они поглощают их, как и марсианские растения! — вскричала Наташа. Глаза ее сия-

---

подсчет маршрутов и сроков перелета межпланетного корабля, применительно к противостояниям 1907 и 1909 годов. Он получил, что марсианский корабль, исходя из условия наибольшей экономии горючего, вылетев в наиболее выгодное время с Марса, должен был достигнуть Земли или в 1907 или в 1909 году, но никак не в 1908! Однако при полете с Венеры, использовав противостояние Земли и Венеры в 1908 году, астронавты должны были прибыть на Землю 30 июня 1908 года (!).

Совпадение абсолютно точное, позволяющее делать далеко идущие предположения.

Соответственно этому перед великим противостоянием 1909 года марсиане, достигшие в 1908 году Земли, находились бы в наивыгоднейших условиях для возвращения на Марс.

Были ли сигналы с Марса?

О замеченных в 1909 году световых сигналах с Марса говорит статья «Марс и его каналы» сборника «Новые идеи в астрономии», вышедшего вскоре после великого противостояния 1909 года.

Общеизвестны сенсационные когда-то разговоры о приеме радиосигналов с Марса в начале двадцатых годов во время противостояний Земли и Марса.

То было время первого расцвета созданной гениальным Поповым радиотехники, появление первых общедоступных радиоприемников.

Я. Перельман в приложении к своей книге «Межпланетные путешествия» говорит, что в 1920 и 1922 годах во время сближения Марса с Землей земные радиоприемники принимали сигналы, которые по своему характеру не могли быть посланы земными станциями (очевидно, в виду

ли.— Мы можем доказать, что жизнь на Марсе существует, что зеленые пятна — это сплошные хвойные леса! Что знаменитые марсианские каналы — это полосы растительности шириной от ста до шестисот километров!

— Подождите, Наташа,— остановил астроном свою помощницу.

— Каналы? — повторил Низовский.— Значит, они все-таки есть? Ведь недавно говорили, что это оптический обман.

— Каналы на Марсе сфотографированы. Фотопластинка не врет. Их сфотографировано больше тысячи. Они изучены. Доказано, что они появляются, постепенно удлиняясь от полюсов к экватору, по мере таяния полярных льдов Марса.

— Полосы растительности удлиняются со скоростью трех с половиной километров в час,— вмешалась Наташа, которой было не под силу молчать.

— Со скоростью течения воды в водоводах? — изумился географ.

— Да. С этой скоростью,— подтвердил астроном.— Кажется поразительным, что вся эта сеть полос растительности состоит из идеально прямых линий, главные из которых, как артерии, идут от тающих полярных льдов к экваторам.

имелась прежде всего длина волны, весьма ограниченная для передающих станций Земли того времени). Эти сигналы приписывались Марсу.

Падкий на сенсации Маркони, а также его инженеры выезжали в специальные экспедиции в Анды и Атлантический океан для улавливания марсианских сигналов. Маркони пытался поймать эти сигналы на волне 300 000 метров.

Взрыв на Марсе

После великого противостояния Земли и Марса в 1956 году директор Пулковской обсерватории член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Михайлов во время своей встречи с учеными в Ленинградском доме ученых в Лесном сообщил, что Пулковская обсерватория зафиксировала на Марсе взрыв огромной силы... Судя по тому, что последствия этого взрыва удалось наблюдать в телескопы, и зная, что на Марсе нет никаких вулканов, наблюденный взрыв скорее всего следует отнести к ядерному взрыву. Представить себе ядерный взрыв на Марсе, не вызванный искусственно, трудно. Очень может быть, что взрыв этот был намеренно вызван в каких-либо созидательных целях. Таким образом, наблюдение Пулковской обсерватории может служить одним из доказательств в пользу существования на Марсе разумной жизни.

Какова история гипотезы?

Впервые гипотеза об атомном взрыве межпланетного корабля в тунгусской тайге в 1908 году была опубликована в рассказе «Взрыв» А. Казанцева. («Вокруг света», № 1, 1946 г.)

20 февраля 1948 года автор доложил эту гипотезу на заседании Всесоюзного астрономического общества в Московском планетарии.

Московский планетарий популяризировал эту гипотезу в инсценировке «Загадка Тунгусского метеорита».

— Несомненно, это грандиозная ирригационная сеть, созданная марсианами для орошения полей, которые мы и принимали за каналы. А каналов, конечно, нет. Есть заложенные в земле трубы,— уже увлекаясь, предположил Низовский.

Крымов с улыбкой поправил его:

— Заложенные не в земле, а в марсе.

— Значит, жизнь на Марсе есть! Значит, вы правы! — продолжал Низовский.

— Пока с уверенностью можно сказать, что жизнь на Марсе не исключена.

— Чего доброго, марсиане действительно могли прилететь на Землю в тысяча девятьсот восьмом году,— сказал капитан.

— Могли,— невозмутимо ответил Крымов.

— Вот этого только земным людям и не хватало,— проворчал Борис Ефимович, раскуривая трубку.

— Марс — планета умирающей жизни. Обладая меньшим размером и меньшей силой притяжения, чем Земля, Марс не смог удержать около себя первоначальную атмосферу. Ее частички отрывались от планеты и улетали в космическое пространство. Воздух на Марсе редел, испарялись моря, и

В свое время в защиту права выдвинуть гипотезу о взрыве межпланетной ракеты над тунгусской тайгой выступили крупнейшие астрономы, опубликовавшие письмо в № 9 журнала «Техника — молодежи» за 1948 год. В числе ученых, подписавших его, были: член-корреспондент Академии наук СССР, директор Пулковской обсерватории профессор А. А. Михайлов, председатель Московского отделения Всесоюзного астрономического общества профессор П. П. Паренаго, член-корреспондент Академии педагогических наук профессор Б. А. Воронцов-Вельяминов, профессор К. Л. Баев, профессор М. Е. Набоков и др.

Впоследствии профессор А. А. Михайлов предложил свою версию тунгусской катастрофы, считая, что Тунгусский метеорит был кометой, но широкого резонанса это предположение не имело.

Один из помощников Кулика В. А. Сытин считал, что тунгусская катастрофа была вызвана не падением метеорита, а грандиозным ветровалом. Но это предположение не объясняет картины катастрофы и многих ее подробностей.

Специалисты по метеоритам: академик Фесенков, ученый секретарь Комитета по метеоритам Академии наук СССР Кринов, профессор Станюкович, Астапович и другие последовательно придерживались точки зрения, что в тунгусскую тайгу упал метеорит весом около миллиона тонн, и решительно отвергали другие точки зрения.

Исследования аэродинамика

Проблема Тунгусского метеорита заинтересовала многих. Строго научно подошел к ней известный аэродинамик и авиаконструктор из группы Антонова, автор хороших советских планеров А. Ю. Моноцков. Обработав показания огромного числа очевидцев, корреспондентов Иркутской обсерватории, он попробовал определить скорость, с какой летел предпо-

водяные пары исчезали в глубинах Космоса... Воды на Марсе осталось так мало, что она вся могла бы поместиться в одном нашем Байкале.

— Значит, они летели для того, чтобы захватить нашу Землю! — решил Низовский.— Им нужна наша цветущая планета.

— Мало нам гитлеров, трумэнов и макартуров,— проворчал капитан,— теперь имей дело еще и с марсианами.

— Я думаю, что вы ошибаетесь. Уэльс и другие писатели Запада, задумываясь об общении миров, не мыслят себе ничего другого, кроме захватов и войн. У них, на Западе, мозги уж так устроены. Свои звериные законы капитализма они готовы распространить на все галактики. На мой взгляд, зная положение с водой на Марсе и видя грандиозные ирригационные сооружения марсиан, мы можем сделать другой вывод об их общественном устройстве, которое позволяет им вести плановое хозяйство в масштабе всей планеты.

— Вы хотите сказать, что там какой-то совершенный общественный строй? — воскликнул Низовский.

— Развитие общественной жизни разумных существ не может привести ни к чему другому,— убежденно сказал географ.

лагаемый «метеорит» над различными районами. Он составил карту, нанеся траекторию полета и время, в какое «метеорит» был замечен очевидцами в различных точках траектории. Составленная Моноцковым карта приводила к неожиданным выводам: «метеорит» пролетал над землей *тормозя*... Моноцков вычислил скорость, с какой «метеорит» оказался над местом взрыва в тунгусской тайге, и получил 0,7 километра в секунду (а не 30—60 километров в секунду, как до сих пор считалось!). Скорость эта приближается к скорости полета современного реактивного самолета и является немаловажным аргументом в пользу того, что «тунгусский метеорит», как считает Моноцков, был «летательным аппаратом» — межпланетным кораблем. Если бы метеорит упал с такой ничтожной скоростью, то, исходя из выводов аэродинамика, получается, что, для того чтобы произвести разрушения в тайге, соответствующие взрыву миллиона тонн взрывчатого вещества, он должен был обладать массой не в миллион тонн, как до сих пор вычисляли астрономы, а в миллиард тонн, обладая километром в поперечнике. Это не соответствует наблюдениям — пролетавший метеорит не затмевал небосвода. Очевидно, энергия разрушения в тайге не была тепловой энергией, в которую перешла кинетическая энергия метеорита при ударе о землю, а скорее всего была ядерной энергией, освободившейся при атомном взрыве топлива межпланетного корабля, без удара его о землю.

Научный или ненаучный спор

Защитники гипотезы о падении метеорита неоднократно выступали против гипотезы о взрыве в тунгусской тайге межпланетного корабля с другой планеты. Выступали они в предельно раздраженном тоне и приводили следующие аргументы.

— Несомненно,— подтвердил Крымов.— Но вода исчезает с Марса, продолжает исчезать. Обитатели планеты должны заботиться о том, чтобы жизнь была возможной для будущих поколений, как заботятся о жизни будущих поколений и наши современники. Марсианам необходимо добыть для Марса воду... Она есть, вода! Есть на ближайших Марсу планетах и, в первую очередь, в избытке на Земле. Возьмите Гренландию. Она покрыта трехкилометровым слоем льда. Если бы его удалить, климат Европы значительно улучшился бы. Под Москвой росли бы апельсины. В то же время переброшенный на Марс лед, растаяв там, покрыл бы всю планету пятидесятиметровым слоем, то есть практически заполнил бы впадины былых океанов и снова оживил бы планету на многие миллионы лет!

— Значит, марсианам понадобится только земная вода, а не сама Земля? — спросил Низовский.

— Конечно. На Земле условия жизни настолько отличны от марсианских, что марсиане не могли бы ни дышать, ни свободно передвигаться по нашей земле — ведь здесь они весили бы вдвое тяжелее. Представьте самих себя с удвоенным весом. Марсианам совсем не к чему завоевывать Землю. Кроме того, достигнув высокой культуры и совершенного об-

---

1. Отрицать падение метеорита нельзя, ибо это ненаучно (почему?).
2. Метеорит упал, но только утонул в болоте.
3. Кратер образовался, но его затянуло болотистой почвой.

Именно с такими аргументами выступили академик Фесенков и Кринов в статье «Метеорит или марсианский корабль?», опубликованной в «Литературной газете» в августе 1951 года.

Эффект от опубликования статьи был прямо противоположен желанию ее авторов. Гипотеза о марсианском корабле стала сразу известной миллионам читателей. Газета стала получать множество писем. В некоторых из них совершенно справедливо указывалось:

а) если метеорит упал и утонул в болоте, то где он? Почему не обнаружен он в глубине магнитными приборами? Почему не рассыпались его осколки, что всегда бывает при падении?

б) если кратер образовался — размером он должен быть не менее Аризонского, 1,5 километра в диаметре, до 180 метров глубиной,— и кратер этот, как утверждают ученые-метеоритчики, затянуло болотистой почвой, то почему в центре катастрофы нет никаких следов кратерного образования, более того, почему там остались в целости слой торфа и *слой вечной мерзлоты, последний ведь должен был бы расплавиться?* В силу каких причин «болотистая почва, затянувшая кратер», могла снова замерзнуть, словно на землю вновь вернулся ледниковый период?

Как известно, ответы на эти вопросы метеоритчики не дали, да и дать не могли.

Сенсационная разгадка тайны Тунгусского метеорита

Шли годы, никто не побывал вновь на месте падения предполагаемого метеорита в тунгусской тайге, но интерес к этому явлению, быть может из-за связанных с ним космических гипотез, не ослабевал. И в 1957 году

щественного строя, они, быть может, знают войны лишь по своим историческим исследованиям. Они придут к нам на Землю, как к друзьям, за помощью, за льдом.

— Дружба планет! — воскликнул Низовский.— Но как же можно перебросить на Марс гренландский лед?

— Если металлический корабль может совершить межпланетное путешествие, то такое путешествие может совершить корабль, сделанный из льда или наполненный льдом. Миллионы таких кораблей, посылаемые с Земли на Марс, конечно, не сразу, может быть в продолжение многих столетий, перебросят наконец весь гренландский лед на Марс, который за это время приспособится к новым, лучшим, чем прежние, условиям. Атомная энергия даст межпланетным кораблям необходимую силу.

— Атомная энергия,— сказал географ.— Значит, вы уверены, что в тунгусской тайге взорвалось атомное топливо?

— Вполне уверен. Этому очень много доказательств. Кроме уже сказанного, могу добавить. Светящиеся облака. Вы помните их? Они давали не просто отраженный белый солнечный свет. В те ночи наблюдался проникающий даже сквозь тучи зеленоватый и розоватый свет. Несомненно, он был вызван свечением воздуха. В момент взрыва корабля

специалисты по метеоритам вынуждены были снова выступить в печати по этому вопросу. Кринов в «Комсомольской правде», профессор Станюкович в журнале «В защиту мира» сенсационно объявили, что загадка Тунгусского метеорита наконец разгадана! Метеорит был, но... только *он* распылился в воздухе. Наконец-то ученые-метеоритчики отказались от утверждения, что небесное тело ударилось о Землю, а кратер «потерялся»! Но нет! Даже эта логика чужда. Метеоритчики заинтересованы только фактом распыления части метеорита. В доказательство того, что метеорит распылился в воздухе, было сообщено, что в подвалах Академии наук были найдены (!) старые банки с почвой, в свое время привезенной с места тунгусской катастрофы. Анализ этих забытых банок обнаружил в почве частицы металлической пыли размером в доли миллиметра. Химический анализ установил там наличие железа, 7 процентов никеля и около 0,7 процента кобальта, а также магнетитовые шарики размером в сотые доли миллиметра, продукт оплавления металла в воздухе.

Можно порадоваться, что Комитет по метеоритам Академии наук СССР спустя четверть века сделал в подвалах Академии открытие и произвел химический анализ старых проб таежной почвы, но одновременно надо признать, что поспешное объявление о разгадке тайн тунгусской катастрофы несколько преждевременно.

В самом деле, если метеоритчики вынуждены будут согласиться с тем, что метеорит никогда не падал на землю и по какой-то причине превратился в пыль, то уместно задать вопрос: почему он превратился в пыль? Чем вызван *взрыв в тайге,* если удара небесного тела о землю не было и энергия движения метеорита не перешла в тепловую? И откуда же в случае распыления метеорита взялась колоссальная энергия, повалившая в тайге деревья на сотнях квадратных километров? На все эти естественные вопросы ответа у метеоритчиков, упрямо цеплявшихся за метеоритную версию тунгусской катастрофы, *нет, да и быть не может.*

все его вещество превратилось в пар и умчалось вверх, где остатки радиоактивного вещества продолжали свой распад, заставляя светиться воздух. Вспомните о погибшем сыне Лючеткана, об отсутствии ожогов на его теле. Ведь это было не чем иным, как радиоактивным последействием, которое в течение короткого времени имеет место после атомного взрыва.

— Все это чрезвычайно походит на то, что было в Нагасаки и Хиросимо,— сказал географ.

— Но кто же летел к нам, почему они погибли? — спросила Наташа.

Крымов задумался.

— Я обратился к видным астронавтам с просьбой рассчитать, когда было выгодно марсианам вылететь с Марса и прилететь на Землю. Ведь Марс приближается к Земле особенно близко один раз в пятнадцать лет.

— Когда же это было?

— В тысяча девятьсот девятом году! — выпалила Наташа.

— Значит, не получается,— разочарованно заметил капитан.

— Если хотите знать, то не получается. Марсианам было выгодно прилететь на Землю в тысяча девятьсот седьмом

Кстати, нахождение в образцах почвы из тунгусской тайги металлической пыли вовсе не доказывает, что это непременно остатки метеорита. Ведь характерная для метеоритов структура железа не обнаружена. Скорее всего мы имеет дело с остатками корпуса межпланетной ракеты, уничтоженной взрывом. Химический состав этих остатков самый подходящий.

Как видим, отмахнуться от объяснения тунгусской катастрофы атомным взрывом очень трудно. Ссылки на почетные ученые звания с одновременным пренебрежением общеизвестного факта — чудовищного по силе взрыва в тунгусской тайге — никак не убеждают пытливого человека. И этот пытливый человек, конечно, хочет, чтобы ученые действительно объяснили загадку Тунгусского метеорита.

Как можно решить загадку Тунгусского метеорита

Посылка научной экспедиции в тунгусскую тайгу представит несомненный интерес. Приходится удивляться, почему Академия наук, ее Комитет по метеоритам не рисковал до сих пор послать такую экспедицию, которая могла бы внести вклад если не в метеоритную науку, то в наше материалистическое мировоззрение. Очень хорошо, что экспедиция все-таки состоится. Пожелаем ей удачи!

Решить вопрос, произошел ли в тунгусской тайге атомный взрыв, можно. Для этого понадобится исследовать местность, где произошла катастрофа, исследовать ее на радиоактивность.

Для обычных местностей Земли существует определенная норма радиоактивности. При помощи специальных приборов, счетчиков Гейгера, в любом месте можно обнаружить совершенно определенное количество распадов атомов.

Если в районе катастрофы в момент взрыва действительно произошло мощное радиоактивное излучение (атомный взрыв), то поток нейтронов

году, в тысяча девятьсот девятом году, но никак не тридцатого июня тысяча девятьсот восьмого года.

— Какая жалость! — воскликнул Низовский.

Крымов улыбнулся.

— Подождите. Я не сказал всего. Расчет астронавтов указал на поразительное совпадение.

— Какое? Какое?

— Если бы межпланетный корабль летел с Венеры, то самым выгодным днем прилета было бы тридцатое июня тысяча девятьсот восьмого года.

— А когда произошла катастрофа в тайге?

— Тридцатого июня тысяча девятьсот восьмого года.

— Черт возьми! — вскричал Низовский.— Неужели это были жители Венеры?

— Не думаю... Кстати, интересно, что астронавты указывают, что условия полета с Венеры на Марс в те дни были удивительно благоприятны. Ракета должна была вылететь двадцатого мая тысяча девятьсот восьмого года и, летя в том же направлении, как и Венера и Земля, все время находиться между ними, прибыв на Землю за несколько дней до противостояния Венеры и Земли.

— Конечно, это были жители Венеры! Это бесспорно! — горячился Низовский.

— Не думаю,— упрямо возражал астроном.— На Венере слишком много углекислоты, там замечены ядовитые газы. Там трудно предположить существование высокоразвитых животных.

— Но ведь они же прилетели? Значит, они существуют,— настаивал Низовский.— Ведь не будете же вы утверждать, что с Венеры прилетели марсиане.

— Вы угадали. Именно это я предполагаю.

— Ну, знаете ли! — отшатнулся Низовский.— Какие же у вас доказательства!

(элементарных частиц, выброшенных при распаде атомов), пройдя через древесину поваленных деревьев и почву, неизбежно вызвал бы некоторые изменения. Должны были появиться так называемые «меченые атомы» с более тяжелыми ядрами, в которых застряли некоторые из пролетевших нейтронов. Эти меченые атомы представляют собой более тяжелые изотопы (разновидности) обычно встречающихся на Земле элементов. Так, например, обычный азот мог превратиться в тяжелый углерод, медленно распадающийся сам собой. Так же распадаются и другие тяжелые изотопы. Это самопроизвольное разрушение можно обнаружить при помощи тех же счетчиков распада атомов.

Если удается установить, что в районе тунгусской тайги повышенное количество распадов атомов в секунду превышает норму, характер тунгусской катастрофы будет ясен. Более того, можно установить также и центр катастрофы и в случае совпадения его с мертвым лесом окончательно восстановить всю картину гибели марсианского корабля.

— Они есть. Вполне разумно предположить, что в поисках воды, которую можно будет использовать, марсиане решили обследовать обе соседние планеты — и Венеру и Землю. Сначала в наиболее выгодный срок они прилетели на Венеру, а потом... двадцатого мая тысяча девятьсот восьмого года вылетели с Венеры на Землю... Видимо, путешественники погибли в пути от действия космических лучей, от встречи с метеоритом или еще по какой-нибудь причине. К Земле приближался уже неуправляемый корабль, во всем подобный метеориту. Потому-то он и влетел в атмосферу, не уменьшив скорости торможением. От трения о воздух корабль раскалился, как раскаляется метеорит. Оболочка его расплавилась, и атомное топливо оказалось в условиях, когда стала возможна цепная реакция. В воздухе произошел атомный взрыв. Так и погибли космические гости именно в тот день, когда их ракета, как говорят теперь точные расчеты, должна была опуститься на Землю... Возможно, что на Марсе с тревогой ждали этого дня.

— Почему вы так думаете?

— Дело в том, что в тысяча девятьсот девятом году, во время великого противостояния, многие астрономы Земли были взволнованы световыми вспышками, наблюдавшимися на Марсе.

— Неужели сигналы?

— Да, кто-то заговорил о сигналах, но голоса эти утонули в возражениях скептиков.

— Они давали сигналы своим путникам,— сказала Наташа.

— Возможно,— ответил астроном.— Прошло пятнадцать лет. К этому времени, к тысяча девятьсот двадцать четвертому году, на Земле уже существовало открытое русским ученым Поповым радио. И вот во время противостояния многие радиоприемники приняли странные сигналы! Тогда закричали о радиосигналах с Марса. Заговорили о шутке Маркони. Но он опровергал это. Падкий на сенсации, он даже сам пытался поймать марсианские сигналы, организовал специальные экспедиции, но... ничего не принял. Никто не расшифровал странных сигналов, принятых на длине волны, на какой не работали земные радиостанции.

— А в следующее противостояние? — возбужденно спросил Низовский.

— В тысяча девятьсот тридцать девятом году ничего замечено не было ни астрономами, ни радиотехниками. Если марсиане в предыдущие противостояния пытались связаться со своими путешественниками, то возможно, что потом они сочли их погибшими.

— Как это все логично... Как все это волнующе! — сказал Низовский.

— Следующее противостояние Марса будет в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году,— помолчав, сказал Крымов.— Не знаю, разрешат ли марсиане к тому времени проблему защиты организма от действия космических лучей в межпланетных пространствах... Не знаю. Я, лично, мечтаю о другом. Мы, советские люди, уже овладели атомной энергией. Наша страна — родина реактивного движения. Наши реактивные двигатели указывают на возможность достижения поразительных скоростей. Именно нам, большевикам, по плечу будет завтра задуматься над межпланетными полетами.

—Вы полетите на Марс? — почти испуганно спросила Наташа.

— Да. Я уверен, что полечу на Марс. Развитие разумных существ, развитие науки на Земле протекает в неизмеримо более благоприятных условиях, чем на Марсе. Мы полетим к ним раньше и сделаем это удачнее, чем они...

Крымов замолк, потом рассмеялся.

— Вот видите, почему я стал астрономом. Я, кажется, рассказал вам много больше, чем хотел. Это коньяк виноват.

— Простите,— сказал Низовский,— я палеонтолог... Мы по кусочкам кости можем восстановить облик когда-то жившего на земле животного. Разве нельзя представить себе, как выглядит разумный обитатель Марса? Ведь вы знаете все условия его существования. Опишите, как выглядел бы гость из космоса?

Крымов улыбнулся.

— Я думал об этом. Извольте, скажу... Кстати, я читал предположения одного из ваших коллег, палеонтолога и писателя профессора Ефремова. Я с ним во многом согласен... Единый мозговой центр и расположенные вблизи него органы стереоскопического зрения, слуха... Это все обязательно. Конечно, обязательно и вертикальное положение существа, дающее наибольший обзор местности. Теперь о внешности. На Марсе климат суров, температура резко меняется. Вероятно, марсиане не очень красивы. Они должны обладать защитным покровом, толстым слоем жира, густой шерстью или кожей фиолетового оттенка, поглощающей, как и марсианские растения, тепловые лучи. Роста марсиане маленького... ведь там небольшая сила тяжести... мускулы у них развиты меньше, чем у нас. Ну, что еще?.. Ах, да!.. Дыхательные органы... Они развиты у них в высшей степени. Ведь они должны использовать ничтожное количество кислорода, имеющееся в марсианской атмосфере... Впрочем, я не ручаюсь за точность...

— А как могут выглядеть разумные существа, живущие на Венере? — задумчиво спросил Низовский.

Астроном рассмеялся.

— Вот по этому поводу я ничего не могу сказать. Мы еще слишком мало знаем...

— А все-таки... они прилетели с Венеры,— тихо сказал Низовский.

Крымов покачал головой.

Разошлись мы далеко за полночь. Борис Ефимович был в восторге от этого вечера.

— Вот это человек! Какая у него единая линия в жизни! Такого бы к нам, в Арктику!

Я помню прощание с астрономом. Вместе с Наташей он высаживался на Холодную Землю, чтобы исследовать еще и там отражательную способность местной растительности.

В катер спускали приборы. Наташа и Крымов махали нам руками. Капитан дал прощальный гудок, он всегда так делал, внимательный Борис Ефимович.

Низовский перегнулся через реллинги и крикнул:

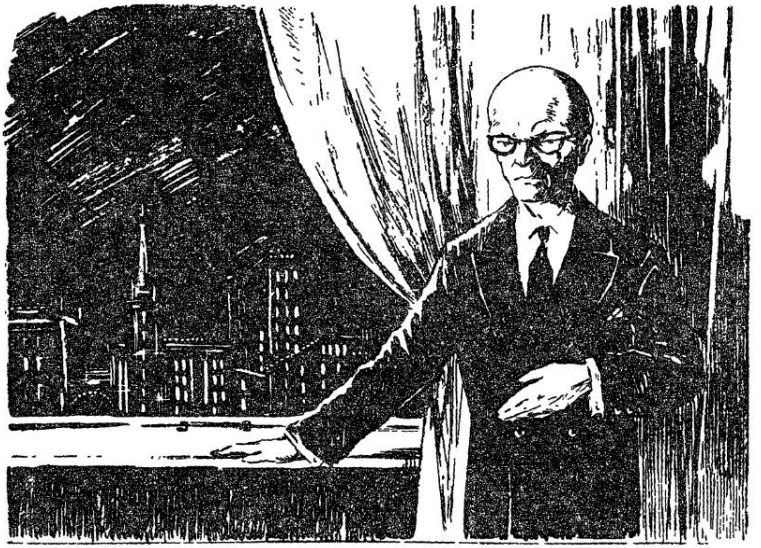
— С Венеры!

— С Марса! — крикнул в ответ Крымов. Он не улыбался, был серьезен.

Катер все уменьшался, прыгая на волнах. Он приближался к зубчатой линии далекой земли.

Через час катер вернулся.

«Георгий Седов» готовился лечь на курс.



МАРСИАНИН

В кают-компании «Георгия Седова» поселился дух «марсианской катастрофы». Никто уже не хотел рассказывать об арктических приключениях, моряки и полярники вспоминали подробности тунгусского взрыва, волновались, спорили... Наш «Северный Декамерон», как сказал капитан, сел на мель...

— Придется уж вам выручать, Александр Петрович,— смеясь обратился он ко мне.— Пусть теперь писатель-фантаст расскажет что-нибудь фантастическое, раз астрономический гость на такой лад всех настроил.

— Да, да! — оживились собравшиеся в кают-компании.— Такое расскажите, чтобы и поверить было нельзя!

— А в межпланетный корабль над тайгой поверили? — пошутил я.

— Американцы говорят: «В бога мы веруем, а остальное наличными»,— сказал капитан.— По-моему «наличного» было много.

— Так много, что... и не опровергнешь,— заметил летчик, огромный, всегда молчаливый, в собачьих унтах и комбинезоне. Он должен был выбрать место для аэродрома на одном из островов и потому плыл на «Георгии Седове».

— Не поверишь... и не опровергнешь,— задумчиво сказал штурман Нетаев.

— Значит, рассказать, чтобы не поверили? — спросил я, уже решившись вклинить в слышанные здесь нехитрые повествования об арктической жизни рассказ о жизни совсем иной, невероятной, невозможной, но...

Меня стали слушать, может быть, чуть недоверчиво, со снисходительной или подбадривающей улыбкой, может быть, с той же самой, с какой перевертывает читатель эту страницу, ожидая вымысла...

У меня очень серьезные основания включить эту новеллу в ожерелье правдивых рассказов о бурях и ветрах, буднях и подвигах, о льдах и людях, достойных того, чтобы на них взглянуть даже из далеких тысячелетий...

Впрочем, рассказ пойдет о сегодняшнем дне, об одной только встрече в скучной комнате, с подтеками на потолке и чернильными пятнами на столах, в Центральном аэроклубе СССР имени Чкалова, в Тушино под Москвой.

В тот день я дежурил в аэроклубе. Нет, я не летчик, не удивляйтесь. Дело в том, что несколько лет назад мы, энтузиасты астронавтики, создали секцию астронавтики, общественную организацию, ставящую целью содействовать будущим межпланетным полетам. Еще недавно над нами посмеивались, в шутку называли нас, мечтающих о полете на Луну, «лунатиками». Мы стойко сносили все, пропагандировали любимую свою астронавтику, собирали вокруг себя всех, кого могли заразить верой в космические полеты, создали различные комитеты: астронавигации, реактивной техники, астрономии и биологии космического полета, радиоуправления... Теперь уже над секцией астронавтики никто не смеется, в нее входят многие ученые, прославленные летчики, студенты, инженеры, писатели... входят юноши, девушки, зрелые люди и старцы, искатели, педанты и мечтатели...

Словом, как одному из организаторов секции астронавтики мне привелось в год запуска первых искусственных спутников Земли дежурить в аэроклубе. Я поговорил по душам с двумя девушками и одним юношей, мечтавшими обязательно полететь не куда-нибудь, а на Марс... и читал, оставшись один, полученные письма.

Среди них встречались очень интересные. Юноша писал: «Мне 18 лет, я только что окончил школу, я еще ничего не сделал в жизни, а хочется сделать для науки так много. Я слышал, что в искусственном спутнике Земли хотят послать в Космос собаку. Для науки, конечно, важнее, чтобы полетел человек. Прошу помочь мне предложить свои услуги для экспериментального полета в Космос. Я уверен, что успею передать по радио все свои ощущения... И я увижу со стороны звезд Земной шар...»

Другое письмо было от женщины: «Я домашняя хозяйка, мне 46 лет. И я так ничего и не сделала в жизни. Позвольте

мне послужить науке и предоставить себя для изучения состояния человеческого организма в космическом полете. Я понимаю, что не всякая ракета может вернуться...»

Писал и машинист Забайкальской железной дороги: «Я очень люблю технику, знаю механизмы, готов учиться. Я мог бы быть полезен в составе экипажа космического корабля...»

Кстати говоря, людей, мечтающих участвовать в предстоящих космических полетах, уже сейчас и у нас и за рубежом десятки тысяч...

Я задумался над удивительной особенностью человеческого характера. Какая сила тянет человека к звездам, уносит с Земли? Одна лишь неукротимая, неутолимая, неодолимая жажда знания! Та самая, которая вела полярных исследователей, страстных, благородно одержимых, падавших, но вставших, погибавших, но все же стремившихся через непроходимые льды, вьюги и стужу к таинственной точке, именующейся на картах с белым пятном полюсом... Та же сила влекла по ветру отважных мореплавателей через просторы и бури морей к неведомым землям, прекрасным своей неизвестностью... И та же сила ведет вереницу отчаянных смельчаков, взбирающихся по оледенелому склону к никем не побежденной, недоступной, упершейся в самое небо вершине, на которой нет ничего, кроме буйного ветра, ослепляющего вида и очищающего, опьяняющего и утверждающего чувства высоты...

Цели и высоты, к которым стремится ныне человек, не идут уже в сравнение ни с чем, что он прежде достиг...

Такова человеческая натура и тем она прекрасна!

Я заметил «его» в окно, когда он шел по двору аэроклуба. Собравшись уже домой, я задержался, словно знал, что он идет ко мне. Что-то странное показалось мне в нем или в его походке, не пойму, когда он шел к подъезду.

Это ощущение еще более усилилось, когда я увидел его вблизи. (Оказывается, он действительно шел ко мне!) Но дело было не в его маленьком росте и затрудненных, казалось, движениях, не в некоторой непропорциональности тела, рук и ног, даже не в крупной, шишковатой и совершенно лишенной волос голове... Меня поразил взгляд его больших, умных глаз, измененных диковинными, неимоверно выпуклыми стеклами очков. Они приближали ко мне его огромные, чуть печальные глаза, проникающие в собеседника и все понимающие...

Я мысленно объяснил необыкновенными очками произведенное на меня гостем впечатление и пригласил его сесть.

Положив на стол толстую рукопись, он посмотрел на меня с ласковой улыбкой и, конечно, заметил легкий испуг в моих

глазах, может быть, даже понял, что мне приходится читать уж слишком много рукописей и я побаиваюсь их...

— Нет, это не для литконсультации и не для печати,— сказал он.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Я знаю, что преждевременно еще говорить о реальном межпланетном полете, о возможном составе экипажа... Хотя, может быть, вам уже досаждают просьбами. И все же мне хочется уже сейчас заручиться поддержкой вашей секции.

Передо мной стоял не юноша, с ним нельзя было пошутить, нельзя было посоветовать ему изучать области наук, которые понадобятся когда-нибудь астронавту.

Непостижимым путем он понял меня и сказал, что он не астронавт, не геолог, не врач, не инженер, хотя...— он чуть задержал дыхание — хотя и мог бы быть каждым из них. Но все же он рассчитывает на поддержку, хочет быть уверен, что будет включен в состав экипажа первого же корабля, который полетит на Марс, ибо каждый имеет право на... возвращение.

Мне стало не по себе. Вспомнилось, как в 1940 году я читал письмо заведующего универмагом в городе Свердловске, просившего помочь ему вернуться... тоже на Марс! Говорят, во всех других отношениях работник торговли был вполне нормальным человеком.

Посетитель улыбнулся. В глазах его я прочел, что он опять все понял.

Черт возьми! Может быть, и в самом деле у них на Марсе разреженная атмосфера и там давно отказались от передачи мысли при помощи звуковых волн, то есть сотрясением воздуха. Я поймал себя на том, что не только он, но и я угадываю его мысли... Легче всего было счесть его больным...

— Да,— сказал посетитель.— Первое время я попадал в сумасшедший дом, пока не понял, что бесполезно убеждать людей.

Я размышлял, не его ли письмо я читал когда-то, еще до войны...

Посетитель указал на рукопись:

— Я мог бы написать на русском или английском, французском или голландском, по-немецки, по-китайски или по-японски, пользуясь одной из принятых на Земле письменностей...

Стараясь быть учтивым, я развернул рукопись и нахмурился, увидев испещренную странными знаками страницу. Что это? Мистификация! Или болезненный симптом?

— Невозможно разумному существу,— продолжал гость,— каково бы оно ни было, придумать в одиночестве неведомый

язык со всей его выразительностью и гибкостью, передающий мысли и чувства, даже не вполне понятные людям, невозможно разумному существу в том же одиночестве изобрести письменность для записи всех богатств такого языка. Вы поймете, что написать эту рукопись мог лишь представитель действительно существующего, далекого, древнего, мудрого племени в суровом мире увядания...

— Но как это прочесть! — не выдержал я и тотчас увидел за чудесными очками ласковое участие:

— В последнее столетие культура на Земле развивалась взрывоподобно. Пройден путь от осознания закона сохранения энергии до использования энергии вещества, от идолопоклонства до создания машин, умножающих силу мозга, заменяющих его в определенных функциях. Я счастлив, что могу считать себя современником расцвета этой культуры на щедрой и юной планете, которая, обладая достаточной массой, не теряет ни атмосферы, ни воды, и которую никогда не ждет увядание.

— И вы думаете,— уже понял я собеседника,— что электронные вычислительные машины смогут расшифровать рукопись?

— Ваши машины прочтут рукопись и вы поймете, кем она написана.

Я уже почти понял, я готов был понять, кем она написана! Я ощущал нелепость или необычность положения, у меня даже дрожали руки. Кто заинтересуется этой встречей: весь мир или только несколько психиатров?

Через выпуклый хрусталь очков на меня смотрели передающие и читающие мысли глаза. Разве возможна с ними ложь или двоедушие, ханжество или лицемерие!..

Мы расстались с моим посетителем, договорившись встретиться в этой же самой комнате ровно через полгода...

Ну, а потом... потом я отправился в плавание на «Георгии Седове», много месяцев вы видите меня в этой кают-компании.

— Постойте! — почти возмущенно сказал штурман Нетаев, подняв свои светлые, расширившиеся сейчас глаза.— А как же рукопись?

В кают-компании зашумели.

— Рассказы о сумасшедших всегда чем-то занимательны,— заметил кто-то.

Нетаев гневно обернулся к говорившему.

— Я думаю, рассказ не окончен,— сказал капитан и выжидательно посмотрел на меня.

— Пожалуй..., не окончен,— согласился я.— Ведь я еще встречусь с ним...

— А рукопись у вас? Ее можно посмотреть? — оживился Нетаев.

— Нет. Рукописи у меня нет. У рассказа в самом деле есть продолжение. Вскоре после встречи, о которой я рассказал, к нам в Союз писателей приехал замечательный ученый. Его имя с уважением произносят все математики мира. Это интереснейший человек. Ученый нового типа. Статный, высокий, спортивного склада, прекрасный теннисист, шахматист, великолепно знающий литературу... Мы с ним много спорили по литературным вопросам... В советское время шестнадцати лет он поступил в университет. Двадцати лет он уже был кандидатом наук, а двадцати восьми — избран академиком.

— О, я знаю, о ком идет речь! — воскликнул Нетаев.

— Ученый рассказывал нам, писателям, об электронной вычислительной технике. Вы слышали, конечно, о кибернетических машинах, способных не только делать труднейшие математические вычисления, с которыми человек мог бы справиться лишь за несколько поколений, но и решать логические задачи, обладая так называемой электронной памятью, то есть автоматизированным словарем, переводить с одного языка на другой и даже редактировать сделанный перевод.

Академик, когда я отвозил его домой в своей машине, рассказывал, что сделал дерзкий опыт... Он задал Большой электронно-вычислительной машине Академии наук, которая, между прочим, может неплохо играть в шахматы, решать шахматные задачи, но... не этюды, построенные на парадоксах, он задал этой машине программу, согласно которой машина должна была угадать сюжет драматургического произведения только по одному перечню действующих лиц. Это было очень забавно, но... в том случае, когда пьеса попадала серенькая, шаблонная, где все действительно оказывалось расписанным заранее, машина совершенно точно указывала, кто будет плохой, кто хороший, когда доцент обманет студентку, когда благородный профессор вмешается и как все благополучно кончится...

Но, как рассказывал мне академик, электронно-вычислительная машина обладала еще одним ценнейшим свойством. Ведь она могла делать сотни тысяч попыток в секунду, а в скором времени должна была делать до миллиона попыток в секунду. Применяя метод исключения, вариационный метод, используя огромное количество попыток, миллиарды попыток, можно за короткий срок расшифровать любой секретный шифр, код... Академик заметил, что египетские иероглифы или древняя клинопись могли бы быть расшифрованы электронно-вычислительными кибернетическими машинами за куда меньший срок, чем это понадобилось в прошлом веке ученым...

Этого я и ждал, как вы можете догадаться!

Я осторожно рассказал академику о странном посетителе и его рукописи. Он молодо и заразительно засмеялся. Чуть сконфуженный, я вел машину. Мы выехали на Большую Калужскую улицу, он должен был скоро сойти. Он вышел из машины, через открытую дверцу пожимая мне руку. Задержав ее, чуть озорно посмотрев на меня, он сказал:

— Давайте рискнем. Есть у нас экспериментальная машина. Ночами она свободна. Если сумеете убедить моих сотрудников, молодежь, зажжете их... Тогда можно попробовать расшифровать несколько первых страниц...

— И последних,— вставил я.

Он снова заразительно рассмеялся:

— Если вообще их можно расшифровать.

Он смеялся, молодой академик, любящий шахматные задачи и математические шутки с драматургией, он предлагал мне уговорить его молодых сотрудников, но... когда я явился к нему в Академию наук и принес странную рукопись, то молодые сотрудники, давно сагитированные своим неуемным шефом, нетерпеливо ждали меня, набросились на рукопись, стали листать ее, спорить о том, какую задать программу расшифровки...

Ох, эта программа расшифровки! Сколько раз пришлось ее менять!..

— Не получалось? — с тревогой спросил Нетаев.

— Решительно ничего не получалось. Многие научные сотрудники пали духом. Академик смеялся, шутил, подтрунивал, но... вмешивался и задавал новую программу...

— И как же?

— Шли месяцы... И вот, представьте себе, академик сказал, что если стараться, то с помощью кибернетической машины даже ночные огни города можно расшифровать в виде поэтического произведения... Не знаю, в силу ли этой особенности теории вероятности, но... в один прекрасный день начало что-то получаться. Академик перестал шутить, стал злым, придирчивым... Машина теперь расшифровывала не только ночью, но и днем... Запоздали с каким-то расчетом фильтрации воды через плотину... Кто-то скандалил, а мы... а мы с волнением складывали уже разумные понятия, снова задавали, теперь уже увереннее, программу машине.

— Прочитали? — почти задыхаясь, спросил Нетаев.

— Да. Несколько первых страниц...

— Что? Что? Не мучьте!..

— Что ж... Электронно-вычислительная машина, увеличивающая способности человеческого мозга, так же как увеличивает мощь мускулов, скажем, паровой экскаватор, эта машина расшифровала первые страницы *дневника,* день за днем записанного на Земле *марсианином,* который при трагических обстоятельствах остался в тунгусской тайге в 1908 году...

Вы представьте себе мое волнение, когда глазами существа другого мира чахлых пустынь я видел щедрую, расточительную красоту нашей планеты, бесконечное множество ее растительных форм, удивительных, поражающих чужое воображение непостижимым своим разнообразием, наконец, животный наш мир, развившийся мириадами самостоятельных, каждый по-своему совершенных по красоте, ручейков жизни... и вершину ее — человека, познавшего природу... с ним встретился, наконец, чужепланетный пришелец...

Как поражен был он этой встречей! Существа Земли походили на него, обитателя далекого Марса! Значит, высшая рациональность развития узка, она может выбрать для разумного существа лишь схожие формы! Эти существа Земли, люди, мыслили, обменивались мыслями, правда, странным способом, прибегая к сотрясению воздуха, к звукам, при помощи которых можно было не только передать, но и скрыть мысли...

Он подражал людям, инопланетный гость, стараясь тоже воспроизводить звуки, чтобы сообщить людям, кто он. И он сообщил об этом, но... сибирские купцы и урядник, признавшие в нем лишь инородца, да еще и умалишенного, посадили его в сумасшедший дом.

Полвека прожил Гость из Космоса среди людей, ведя свой дневник... Мы еще не прочитали всех его страниц, но я обещаю расшифровать их все и опубликовать в своем романе «Марсианин», который начинаю этим рассказом. В дневнике марсианина мы увидим чужими глазами, глазами представителя мудрого, древнейшего племени, достигшего на своей дряхлой планете высшей формы общества, миллионы лет назад прошедшего современную нам фазу развития, глазами марсианина мы увидим нашу жизнь, самих себя, свои поступки и обнаженные волшебными очками отношения между людьми, увидим ложь и фальшь, ханжество и лицемерие, которые не могут существовать, если мысль не прикрыта условным сотрясением воздуха... и которых не будет, когда вырастет дух людей.

Какими мы показались ему в первые дни его общения с нами?.. Да и потом, когда он был современником мировых войн, кого мог он видеть в тех, кто пролитой кровью решал споры, кто насильно заставлял людей работать на себя, делая одних счастливыми, других несчастными?..

Прочтя дневник марсианина, можно увидеть жизнь на Земле со стороны!

Но вот последние страницы дневника... мы узнаем, как стремился он в страну, где начинали строить основы привычного ему общества, узнаем, как менял он, живя с людьми, мнение о них. Восхищенный взрывоподобным развитием их культуры, когда за столетие был пройден этап истории, по-

требовавший на Марсе миллиона лет, марсианин мечтает, что более удачливые и энергичные, чем его соплеменники, земляне вернут его на суровый и любимый Марс, он мечтает принести с собой на Марс неистощимую, рвущуюся наружу жизненную энергию людей, которые помогут продлить жизнь на высыхающем Марсе на новые миллионы лет!..

Мы прочтем его дневник, узнаем его жизнь на Земле и поймем, какой это был человек! То есть, простите, какой это был марсианин!..

Да, я волнуюсь, когда думаю о новой встрече с ним. Разве не ощутит волнение каждый из вас при одной только мысли, что рядом с вами стоит кто-то, словно пришедший из нашего будущего, судящий вас по законам нашей мечты! Не хочется его осуждения ни в чем, ни на один миг!..

Я кончил. Все молчали.

— Да,— сказал, наконец, капитан и вздохнул.— Стоит думать о таком марсианине, всегда стоит думать. Все равно как его назвать: марсианином или нашей коммунистической совестью...

— Точно,— сказал летчик и поднялся. Огромный, грузный, он вышел на палубу.

— Прочитать бы весь дневник,— сказал Нетаев.

— Обещаю, прочтете,— заверил я. И тут же спохватился.— Постойте! Ведь мы договорились, что вы не поверите, в то, что я расскажу.

Нетаев снисходительно усмехнулся, а капитан погрозил мне пальцем:

— Если в южный рейс не пойдем, хотел бы в тот день на ваше дежурство прийти в аэроклуб.

В кают-компании стало шумно. Ко мне подходили и просили написать о новой встрече с ним, если она состоится.

— Непременно напишу,— обещал я,— роман напишу.

Кто-то даже обиделся:

— Почему роман? О нем напишите!

Я вышел на палубу. Удивительные в Арктике звезды. Они словно ближе, чем в любом другом месте.

Нетаев ждал меня.

— Вон он, Марс,— указал он на красненькую звездочку.

Глядя на этот огонек неведомого мира, я задумался.

— А ведь, правда, иногда стыдно было бы, если бы он рядом оказался,— задумчиво произнес штурман.

— А знаете почему я рассказал о нем? Потому что, будь он все плавание в нашей кают-компании, повстречай он людей, о которых здесь рассказывалось, послушай о них... никогда бы нам перед ним стыдно не было.

— Правда? — обрадовался Нетаев.

Мы долго молчали. Потом он сказал:

— А там в секции астронавтики у вас... нельзя там, чтобы меня имели в виду. Штурман... ему звезды близки... Я бы и в Космосе штурманом мог быть.

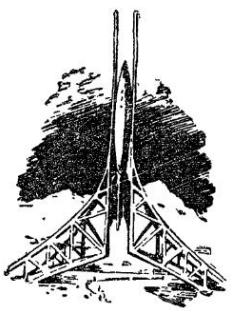
Мы распрощались на ночь.

Но меня ждал еще один человек. Летчик. Он хотел говорить со мной наедине. Но я выдам все-таки его секрет.

Я выслушал его просьбу и крепко пожал ему руку.

Что ж, первые космические корабли, верно, и поведут такие люди, как он.

«Георгий Седов» продолжал под звездами свой путь.



МЕДВЕЖАТА

Во второй половине сентября, в небывало позднее для плавания в Арктике время, «Георгий Седов» поднял якорь и снова вышел на Большую дорогу Северного морского пути. Но вскоре он резко свернул к северу. У него был свой маршрут — к «Земле самой северной», как называл этот архипелаг мой новый знакомый, доктор географических наук Валентин Гаврилович. Он сел к нам на острове Диком вместе с научной экспедицией, которая должна была исследовать архипелаг.

Состояние льдов в западном секторе Арктики было для нас исключительно благоприятным. Собственно говоря, льдов долго совсем не было, кругом расстилался безбрежный океан. Сильно покачивало. Наконец мы дошли и до льдов.

Когда корабль вошел в лед, качка мгновенно прекратилась. Пассажиры выбрались на палубу. Выглянуло солнце и показало нам удивительные, неповторимые краски, очень тонкие и нежные. Мне сказали, что они здесь никогда не бывают яркими. Белые поля расступались, образовав зеленоватые озера, тихие, как заводи.

Но вскоре солнце исчезло. Нас окружила мутная тьма. Видимость, как говорят моряки, пропала. Корабль вошел в полосу чистой воды и сплошного тумана.

Недаром так не любят моряки это море. Бури и туманы.

— Уж лучше бы льды,— говорил Борис Ефимович.

В довершение всего вещи в каютах ожили. Корабль валило с борта на борт. Я с трудом открыл дверь в каюту. Мой чемодан вырвался из-под койки и вместе со стулом носился по каюте. Графин выскочил из гнезда на полке и разбился.

Словом, был полный разгром.

Палуба уходила из-под ног. По ней было удобнее ползать, чем ходить, она походила на скат крыши, угол которого все время менялся.

И вот при такой качке в непроглядном тумане наше судно третьи сутки осторожно бродило близ «Земли самой северной». Капитан искал архипелаг, но в то же время боялся неожиданно наткнуться на него или на айсберги, в изобилии плывшие от островов.

Трудное дело — определиться в тумане. Солнце или звезды не показывались ни на минуту. Радиопеленг из бухты Рубиновой словно издевался над капитаном. После каждой проверки корабль оказывался за несколько десятков миль от меридиана бухты Рубиновой.

— Бухта Рубиновая в центре архипелага,— объяснил Борис Ефимович.— Радиоволны искажаются береговыми скалами.

Прежде мне никогда не приходилось слышать об этом явлении. Несмотря на прекрасное навигационное оборудование, корабль теперь в большой мере зависел от искусства своего капитана.

Туман был очень густой. Небо словно висело на мачтах, и до самой дальней из видимых волн можно было добросить спасательный круг.

Я и Валентин Гаврилович, высокий, жилистый, с обветренным лицом и рассеянными голубыми глазами, стояли на палубе, прижавшись спинами к пароходной трубе. Было тепло, как у печки.

Вдруг неясная громада появилась из тумана.

— Право на борт! — послышался тревожный голос штурмана Нетаева.

— Еще право! Еще право! — закричал он.

Хлопнула дверь капитанской каюты.

— Медведь,— спокойно сказал географ.

Раньше чем осознать что-нибудь, я увидел белого медведя. Он стоял на айсберге и был на одном уровне с палубой. Мне показалось, что зверь собирается прыгнуть нам на головы.

Но медведь рванулся и побежал к вершине айсберга. Там он лег и прикрыл лапой свой черный нос. Очевидно, решил, что превратился в невидимку.

Ледяную гору пронесло. Покрытая снегом с боков, хрустальная, она поднималась над водой громадой четырехэтажного дома. Я знал — в глубину уходило еще этажей четырнадцать. В отвесной ледяной стене темнел грот. Взлетали клубы пены.

Туман вдруг исчез.

— Вот земля, существование которой угадал Кропоткин,— сказал Валентин Гаврилович, показывая на горизонт.— Именем Кропоткина и следовало бы ее назвать.

Подошел Борис Ефимович и, улыбаясь, сказал:

— Чуть было не взяли медведя на борт. А взять все-таки придется,— и он показал радиограмму: «Убедительно просим захватить в бухте Рубиновой медвежонка для зоосада».

— Медвежонок будет нашим пассажиром? Занятно! — сказал мне в кают-компании Нетаев, сменившийся с вахты.

Вскоре корабль бросил якорь в бухте Рубиновой у подножия самой замечательной скалы Севера, которой бухта обязана своим названием. Летом поросшая лишайником красноватого цвета скала кажется рубиновой. Стены ее отвесны, сама скала высится, как исполинский постамент. Установи на нем скульптуру ему подстать, и достанет она до самого северного сияния.

С берега на юркой шлюпчонке спешили полярники. Первым по штормтрапу ловко взобрался молодой грузин с черными сросшимися бровями и тоненькими усиками, какие носят у него на родине. Он сразу же обратился к капитану:

— Очень прошу, пожалуйста, заберите от нас медвежат.

Узнав о радиограмме насчет медвежат, зимовщик просиял и попросил у капитана два мешка угля.

Уголь ему дали, и веселый молодой человек тотчас стал спускать мешки в шлюпку.

— Словно не с углем мешки, а с гагачьим пухом,— пошутил капитан.

Полярник покраснел, как девушка.

Позднее мы узнали, что в прошлом году он поднимался на Рубиновую скалу за птичьими яйцами и чуть не погиб там. Нужно было перепрыгнуть через трещину на узкий карниз отвесной стены. Он прыгнул, но камень под его ногой обвалился. Чтобы не упасть, пришлось прижаться к стене всем телом. Повернуться, чтобы прыгнуть обратно, было невозможно. Его товарищи побежали на полярную станцию за помощью. Напряженные мускулы охотника одеревенели, стоять недвижимо больше не было сил, он должен был сорваться. И тогда он рискнул прыгнуть назад, не повертываясь... Оттолкнулся от стены одновременно руками и ногами и оказался по ту сторону трещины.

Когда товарищи прибежали с досками и веревками, смельчак как ни в чем не бывало собирал гагачий пух. Пух ему был нужен для подарка. На случай в горах и намекал капитан. В прошлом году он побывал в бухте Рубиновой и знал эту историю.

«Петушок» спустили в воду. Географ пошел за вещами. Но вот в бухту вошла целая флотилия льдин. Встревоженный капитан приказал поднять катер обратно. Географ вернулся с чемоданом. Ему не терпелось сойти на берег, и он проклинал приливо-отливное течение. Течение это направлено сначала в одну, а потом в другую сторону. И через некоторое время, когда течение изменилось, набившиеся в бухту льдины, словно по команде, покинули ее.

Катер снова спустили. Валентин Гаврилович сошел в него первым. Я решил отправиться на берег вместе с ним.

— Посмотрите на медвежат,— напутствовал меня. Нетаев.

Нас встречало все население полярной станции, в том числе и большой белый медвежонок. Он, видимо, был очень любопытен. Ему обязательно хотелось посмотреть, что творится на пристани. Вытянув вперед острую морду, он осторожно тыкался во все углы. Другой медвежонок сидел на цепи у столба, возле дома полярников.

Заметив, что я смотрю на гуляющего медвежонка, молоденькая девушка в легкой курточке сказала мне:

— Это моя Машка.

Девушка была маленькая, с веселым лицом. Ее прямой носик был чуть срезан и придавал девичьему лицу задорное выражение. Звали ее Нина.

— Я вас познакомлю с Машкой, хотите?

Со своей проводницей я подошел поближе к Машке. Но стая лохматых псов опередила нас. Отчаянно лая, они окружили медвежонка. Машка опустила голову к земле и замахивалась лапой то на одного, то на другого пса. Те увертывались, а остальные отвлекали Машку на себя. Все было, как на настоящей медвежьей охоте.

Отбиваясь от собак, Машка отступала к столбу, где другой медвежонок — Мишка — изо всех сил натягивал цепь и угрожающе рычал.

Наконец Машка оказалась возле Мишки. Они «заняли оборону», став друг к другу хвостами. Собаки уселись в кружок, некоторое время скучающе полаяли и разбежались с сознанием выполненного долга. Порядок был наведен.

— Собаки терпеть не могут, когда Машка гуляет,— сказала Нина.— Они гонят ее к столбу, там Мишка всегда сидит на цепи. Но Машка ужасная непоседа. Она всюду ходит за мной, как собачонка. Лазит по лестнице на вышку, на крышу. Умеет открывать двери, снимать крючок, забираться в дом. Она постоянно меня ищет.

— Она вам совсем маленькой досталась? — спросил я.

— Досталась! — непонятно усмехнулась девушка.

Мы подошли к медвежатам, если так можно было назвать этих сравнительно уже больших зверей. Мишка, как и подобает взрослому, серьезному медведю, недоверчиво косился на нас, а Машка с неприкрытым любопытством тотчас стала меня обнюхивать.

Я принял беззаботный вид и даже попытался погладить медведицу, для чего нагибаться почти не потребовалось.

Машка отнеслась к этому благосклонно.

Потом я пошел осматривать полярную станцию, а кстати решил найти моего спутника, Валентина Гавриловича, и полюбопытствовать, как он устраивается.

— Да он уже давно встал на лыжи и пошел обследовать остров,— без тени удивления ответили мне.

— Вот как!

Я едва успел дойти до столба с медвежатами, а мой географ с карабином и планшеткой уже шагает по ледникам!

— Познакомились с нашей медвежатницей? — спросили меня.

— С Ниной, которая вырастила медвежат?

— Не только вырастила. Она сама их добыла. Она у нас замечательный охотник.

Признаться, я был удивлен. Такая хрупкая, нежная девушка, и вдруг...

Встретившись с Ниной, я попросил ее рассказать, как она бьет медведей. Оказалось, что на ее счету больше десятка шкур. Иногда она ходит на охоту, но чаще встречается с мишками неожиданно.

— Однажды ночью вышла я на крыльцо, в халатике,— рассказывала она.— Надо было посмотреть облачность, я ведь метеоролог, и вижу: огромный медведь трясет лапами столбик метеобудочки. Я так испугалась...

Испуганная девушка в развевающемся халатике стремглав бросилась в дом, схватила со стены винтовку, выбежала с нею на метеоплощадку и с одного выстрела уложила большого медведя.

— Очень уж я испугалась, что он поломает будочку,— словно оправдываясь, объясняла Нина.

Я попросил Нину рассказать, как ей «достались» Мишка и Машка.

— Мишку с матерью я встретила на льду. Собак со мной не было. Я подбила медведицу, она залезла умирать на ропак,— это такая стоячая льдина. Медвежонок, совсем маленький, остался внизу. Когда мы поволокли по снегу тушу медведицы, Мишка забрался на нее, вцепился лапами в шерсть, да так и ехал на матери до самой станции. Потом

я откармливала его. Сгущенного молока мне из-за него в ту зиму так и не досталось. Только он все равно вырос сердитым, не то что Машка. А вот она вместе с матерью сама пришла прямо на станцию...

Мишка и Машка были ровесники, хотя Машка была почему-то крупнее Мишки. Дружили они необычайно и друг без друга минуты прожить не могли. Это, пожалуй, больше относилось к Мишке, который всегда был прикован к столбу. Как только непоседливая его подруга куда-нибудь уходила, он ревел, не столько сердито, как обиженно...

У причала кипела работа. Начался аврал. Работали все без исключения: и начальник полярной станции, и Нина, и Виктор, полярник, получавший у нас уголь, и научные сотрудники, и мы — пассажиры. Таковы арктические традиции.

Одного только географа не было. Раз мне показалось, что вдали, на куполе ледника, мелькнула фигура лыжника. Может быть, это был он.

Дня через два аврал закончился. Грузы — продовольствие, бензин, оборудование, ящики, доски — все было на берегу. Забирали грузы со станции — пустые бочки. Предстояло взять и медвежат, которых ждали в зоопарке. Я помог перенести со склада ящик, куда решили поместить зверей.

Виктор и Нина привели на цепи Мишку, а Машка шла за ними кроткая и покорная. Пока готовили доски, чтобы забить ими ящик, Мишку привязали на цепь к бочке с керосином. Машка доверчиво бродила около ящика, попадаясь всем под ноги. Но Мишка был настроен менее мирно. Он стал реветь.

— Ну чего ревешь? — увещевал его Виктор.— В столицу поедешь. Всегда сытно кушать будешь.

Мишка принялся рвать цепь. Ошейник не выдержал и лопнул. Медвежонок бросился наутек. Машка следом за ним.

Виктор ринулся за медвежонком, на ходу снимая полушубок. Догнав Мишку, он упал на него, как вратарь на мяч, и накрыл медведя полушубком.

— Вот чудак...— задыхаясь, говорил Виктор, лежа на медведе и стараясь просунуть руки под передние лапы зверя.— В зоопарке... ведь не в клетке будешь жить.

Однако Мишка возмущенно ревел и сопротивлялся. Только потом мы узнали, что Мишке удалось цапнуть своего противника за руку.

Виктор выпрямился, подняв завернутого в полушубок медвежонка. Мишка орал истошно, бил всеми четырьмя лапами, вертел мордой, но был беспомощен.

Виктор, покраснев от напряжения (медвежонок весил не меньше куля с углем), нес Мишку к ящику. Машка покорно шла следом.

Так Мишка попал в ящик, где и замолчал.

Тут заволновалась Машка. Она была спокойна до тех пор, пока слышала голос друга. Но теперь она стала реветь, бегать вокруг, тревожно нюхая снег.

Виктор беспечно подошел к ней, но медведица уже что-то почуяла. Взволнованно засопев (медведи при тревоге сопят), она отбежала от него. Виктор прыгнул к ней, но Машка увернулась, Виктор решил применить уже испробованный метод: скинул полушубок и бросился на Машку. Машка (она была сильнее Мишки) легко вырвалась и ударила противника по лицу.

Медвежья пощечина!

Виктор отлетел от медведицы на добрых два метра. К нему кинулись, чтобы поднять его, но он вскочил на ноги и пустился за Машкой.

Виктор настиг медведицу у берега, но она бросилась в бухту. Ее преследователь влетел по колено в ледяную воду. Подбежав, Нина силой вытащила Виктора на берег.

Машка плыла к льдине.

Через некоторое время все успокоилось. Медвежонка увезли на пароход. Машка вылезла из воды и поплелась к своему столбу. Она подпустила к себе Нину, которая принесла ей еду, но есть не стала.

Виктор позвал Нину и дал ей веревку с петлей. Нина хотела надеть петлю на медведицу.

Девушку пытались отговорить, но она сказала:

— Это ведь не медведь. Это только Машка. И потом... в зоопарке ей будет хорошо, а здесь... она погибнет. Ей придется... погибнуть...

Все мы наблюдали за тем, что произойдет.

Нина подошла к медведице, протянула руку с веревкой.

Медведицу словно подменили. С глухим ревом она увернулась. Тогда Нина навалилась на медведицу, оседлала ее, схватив со спины руками и ногами. Она применяла силу к своей любимице, чтобы спасти ее.

Машка зарычала, но Нина не отпускала ее. Медведица тряхнула Нину, но та продолжала ее держать. Виктор был уже в нескольких шагах. Но тут медведица сбросила с себя девушку. Что-то белое взметнулось над местом схватки: не то снег, не то пух... Вместо безобидной Машки мы увидели свирепого сильного зверя. Виктор смело бросился на него все с тем же полушубком. Зверь пустился бежать. Оба они скрылись за магнитным павильоном.

Мы подбежали к Нине, но она уже встала. Ее курточка была разодрана, над землей кружился гагачий пух, по руке девушки текла кровь. Оказывается, медведица сильно укусила ее, стараясь вырваться.

— Ничего мне так не жаль, как курточки,— сказала Нина, морщась от боли.— Ведь этот пух — подарок... Какая глупая, глупая Машка... Как же ее спасти?

Нину повели на станцию, чтобы сделать перевязку.

Вернулся запыхавшийся Виктор.

— Застрелить надо медведя, обязательно застрелить,— сказал он.— Но только тайно от Нины. Знаете, как она любит Машку.

С Виктором согласились. Нельзя взрослому зверю оставаться с людьми на полярной станции.

Был вечер. Над бухтой горела долгая северная заря. Все изменилось вокруг. Прозрачно-оранжевое небо, зеленоватая вода, белые льдины на ней, темно-красная громада Рубиновой скалы и темный силуэт нашего корабля. А дальше — в проливе между бухтой и соседним островком — причудливые ледяные громады. Некоторые напоминают дом с провалившейся крышей, некоторые — снежную горку со скатом в воду. А самый большой айсберг походил на древнюю ладью с высоким носом и кормой.

Вдруг я заметил на одной из ближайших льдин медведицу. Она неподвижно стояла, вытянув морду вверх к кораблю, и напоминала изваяние. Слитая с льдиной, словно сама сделанная изо льда и снега, медведица проплывала мимо корабля. Но она была не изо льда, она была живая, она тоскливо ревела!

Я услышал ответный рев с корабля. Мишка узнал подругу.

Течение быстро пронесло медведицу мимо. Стоя на берегу, я заметил, как Машка спрыгнула в воду и с ловкостью дельфина поплыла к берегу. Она выбралась на камни и побежала к полярной станции, рыча тихо и жалобно. Ей встречались собаки. Они отбегали в сторону, будто уважая чужое горе.

Машка побежала по берегу против течения и снова бросилась в воду.

Через несколько минут она была на новой льдине и вновь поплыла мимо корабля. И вновь ревели разлученные друзья.

Потом Машка опять забежала против течения по берегу... Можно было удивляться этому необыкновенному упорству. Снова и снова проплывала Машка мимо корабля.

Люди с изумлением смотрели на нее. Не слышно было шуток.

Моряки прощались с полярниками: пароход уходил перед рассветом.

Пришел мой спутник — географ. Все это время он работал над статьей о ледниках бухты Рубиновой. Я должен был отвезти рукопись в Москву. Из-за этой статьи он не участ-

вовал в аврале. Товарищи охотно освободили его от всех обязанностей, но он слышать об этом не захотел и добровольно принял на себя обязательство топить баню в течение всей зимы.

— Итак, наши трофеи: статьи и медвежонок,— сказал я, взяв рукопись.

— Какой медвежонок? — удивился доктор географических наук.— Разве здесь были медведи?

Я от души рассмеялся. Ах, доктор, доктор! Мы обнялись.

Я пожал руку Нине, Виктору и перешел на катер. Отсюда была хорошо видна вся территория полярной станции. На берегу стояла толпа людей. Невольно я взглянул на столб, около которого впервые увидел медвежат. Там была Машка. Она стояла обняв столб лапами, и трясла его. До меня долетел ее горестный рев. В движениях, в реве медведицы было отчаяние.

Я взглянул на Нину.

— Я все-таки спасу ее,— тихо, но твердо сказала девушка.

На мгновение брови ее сошлись. Потом она улыбнулась нам, отъезжающим на Большую Землю. Нина оставалась здесь, на краю земли, еще на год. Я решил, что Нина хочет увести Машку далеко во льды и там оставить.

Катер отошел.

Стало темно.

С корабля уже не было видно полярной станции. Погасли последние огни в домиках. Спать не хотелось. Я дождался часа, когда уже угадывались краски рассвета. Капитан приказал прощаться с полярниками. Борис Ефимович хорошо знал, как ценят на Севере даже маленькие знаки внимания.

Одна за другой взлетели в воздух ракеты. На миг появились из тьмы крутые берега, ледники и темная громада Рубиновой скалы. Некоторые ракеты падали в бухту, не успевая сгореть. Тогда в воде мерцали пятна подводных огней.

Когда берег освещался, я видел домики станции и одинокий столб.

Около столба никого не было.

Спустя много дней мы шли в чистом ото льдов море.

Капитан рывком открыл дверь каюты.

— Медведь на палубе! Осторожнее!

Медведь на палубе? Невольно вспомнился айсберг с медведем, который мог прыгнуть на корабль. Но ведь айсберги остались далеко позади.

Оказывается, клетка Мишки была пуста. Видимо, он, как и Машка, умел снимать крючки, но до поры до времени скрывал это. Теперь он сбежал из клетки.

Мишку искали по всему кораблю, но не нашли.

Он исчез.

Решили, что он спрыгнул в море...

— Не погибнет,— уверял Борис Ефимович.— У медведей замечательный обычай: если медведица встретит во льдах одинокого медвежонка, она усыновляет его...

Но льды далеко, очень далеко...

Смог ли медвежонок доплыть до льдов?

Едва ли...

А может быть?

Но все выяснилось, когда третий штурман, Нетаев, вернулся с вахты в свою каюту.

У него под койкой спал белый медвежонок!

Молодой штурман был единственным человеком, который нашел путь к сердцу зверя.

Он наблюдал всю сцену медвежьего горя. Оно тронуло его, и он занялся Мишкой. Стал заходить к нему в клетку, кормил его, ласкал, чему-то обучал. И Мишка привязался к новому другу. Видимо, соскучившись по своему покровителю, он и сбежал из клетки. По запаху нашел каюту штурмана и проник в нее через приоткрытую дверь. При качке дверь захлопнулась.

Пожалуй самым трогательным во всей этой истории с медвежатами был финал, в котором я, к сожалению, не принимал участия.

Нина и Виктор все-таки спасли Машку.

Конечно, зверя, привыкшего к полярной станции, всегда могущего найти к ней дорогу, нельзя было оставить на свободе.

И Нина с Виктором, взяв успокоившуюся, покорную Машку на веревку, проделали вместе с ней шестидесятикилометровый переход на лыжах.

Они добрались до соседнего пункта, куда должен был зайти полярный корабль «Норд».

Машка благополучно попала на борт «Норда», где, как рассказывают, свободно разгуливала по палубе и была общей любимицей.

«Норд» пришел в Архангельск следом за «Седовым», и в порту произошла встреча Мишки и Машки.

Мне рассказывали, что звери тотчас узнали друг друга, ласково ткнулись мордами и, засопев, заняли оборонительную позицию, хвостами внутрь воображаемого круга.

В тот вечер, когда Мишка нашелся в каюте Нетаева, мы уже знали о том, что Машка на «Норде». Нетаев страстно спорил в кают-компании — можно ли стрелять белых медведей? Он напоминал о запрещении убивать белых медведей, если они не нападают сами на людей. А нападают они исключительно редко.

Окончив спор, все мы под влиянием Нетаева высказали пожелание, чтобы в нашей стране был создан всесоюзный заповедник белого медведя.

Его можно организовать на Дальней Земле или севернее определенной параллели.

— Уж если где было в последнее время медведям приволье, так это на острове Ледниковом,— сказал капитан, вставая, чтобы идти на мостик.— Последние пять лет туда ни один корабль не мог пробиться.

ТРЕХЛАПАЯ

Мы должны были во что бы то ни стало пробиться к острову Ледниковому.

Это один из самых далеких и недоступных полярных островов мира.

Когда-то на нем среди голых базальтовых скал нашли кирку и обрывок русского трехцветного флага. Здесь был похоронен один из русских исследователей, неистово стремившийся на Север.

Впоследствии советские люди основали на острове Ледниковом самую дальнюю полярную станцию. Ее сведения были очень ценны для науки о погоде. Однако во время войны станцию пришлось временно закрыть.

В послевоенные годы, когда было запланировано вновь открыть полярную станцию Ледникового, непроходимые льды всегда преграждали путь кораблям.

Потерпев в прошлом году неудачу, наш капитан Борис Ефимович решил теперь во что бы то ни стало доставить на остров персонал станции.

Корабль шел на север. Вокруг белые льдины. Между ними темные пятна, но это не вода, это тоже лед, только молодой. Он похож на хрупкое стекло. Тонкие прозрачные пластины, уступая путь кораблю, наползают одна на другую. В них видны

белые блинчики смерзшегося льда и комья снежуры — не тающего в воде снега...

О попытке открыть полярную станцию острова Ледникового, добравшись до него пешком, рассказывали мне в бухте Рубиновой зимовщики.

Одним из главных героев рассказа была собака Гекса.

Гекса — по-ненецки ведьма.

Гексу еще на материке подарил полярникам старый ненец. Он долго извинялся, что у собаки только три ноги. Четвертую ей откусил белый медведь. Но старик уверял, что у Гексы множество достинств, что она едва не говорит, а понимает решительно все.

Такая слава установилась за Гексой, и, когда она по своей привычке вертелась у дверей кают-компании, полярники, смеясь говорили, что она «подслушивает».

В бухте Рубиновой Гекса неожиданно принесла четверых щенят. Лохматые, они, как шарики, катались по зимовке и были общими любимцами.

Метеоролог Михаил Иванович, грузный, толстый, страдавший одышкой, всегда брал их с собой на метеоплощадку, щенки неслись за ним, дружно лая и охраняя Михаила Ивановича, как он говорил, от белых медведей. Ваня-радист всегда ждал, когда же щенята ворвутся к нему в радиорубку с требованием чего-нибудь вкусного, всегда припасенного Ваней для любимцев.

К весне собаки подросли и превратились в здоровенных, грудастых и лохматых псов. Они носились по берегу и, наученные Гексой, поднимали лай всякий раз, как любопытная нерпа высовывала из воды свою голову. Звали охотника с ружьем.

В тот день, когда в кают-компании обсуждался вопрос о досрочном открытии полярной станции Ледникового, Гекса как всегда вертелась около дверей и «подслушивала». На этот раз ей стоило подслушивать и тревожиться. Речь шла о ее сыновьях.

Идти пешком на остров Ледниковый предложил Михаил Иванович. Он рассчитывал запрячь в нарты четырех молодых псов. Люди помогали бы им тащить груз.

— Мы непременно дойдем, а корабль может опять не дойти,— говорил Михаил Иванович.

Начальник станции Лавров удивился:

— Что вы, Михаил Иванович! Сможете ли вы? Ведь двести пятьдесят километров! Потом ваша комплекция... Опять же одышка...

— Ничего,— отвечал Михаил Иванович, вытирая платком свое широкое лицо с недавно отпущенной бородкой.— Молодежи в таком походе нужен старший товарищ. Кому же идти, как не парторгу станции?

— Трудное это дело,— покачал головой старший механик Матвей Сергеевич, человек рассудительный и неторопливый.— Ведь архипелаг... Идти по островам да по проливам. Лед взломаться может. Пурга тоже сильная бывает. Занесет снегом — не откопаешься.

— Чепуха! — усмехнулся второй механик Юрий, долговязый юноша.— Русский флаг на остров Ледниковый люди доставили пешком. А шли они как раз из нашей бухты. Их корабль тут и стоял.

— До острова они дошли, это верно... только похоронили там своего начальника, а нам работать надо,— заметил Матвей Сергеевич.

— Вы можете не ходить! — запальчиво заявил Юрий.— А я вызываюсь идти.

Матвей Сергеевич пожал плечами. Ему не хотелось уходить из бухты Рубиновой. Он строил роторный ветродвигатель взамен поломанного ветряка, и ему очень важно было довести это дело до конца.

Состав группы был утвержден: Михаил Иванович, Юрий, Ваня-радист — тот самый, который работал когда-то под начальством геолога Гали. Из Москвы пришло разрешение — выйти на Ледниковый.

Михаил Иванович сразу же начал готовиться, объявил тренировки. Ежедневно все трое отправлялись на купол ледника, таща за собой груженые нарты, слишком тяжелые для неполной упряжки из четырех молодых псов. Гекса всякий раз добровольно сопровождала экспедицию.

Возвращались на станцию усталые, разбитые. Юрий ворчал:

— Не понимаю, зачем это? Таким ходом мы уже давно дошли бы до острова Ледникового. Я в Москве в лыжных соревнованиях участвовал... смешно! Не всем жир сгонять.

Ваня, застенчивый, голубоглазый, веснушчатый, смущенно отмалчивался, а Михаил Иванович улыбался добродушно, но возражал жестоковато:

— Приучаться, ребятки, надо не только к ходьбе, но и к дисциплине. Не выполнять задания мы не имеем права.

На станции сушили сухари и монтировали походную радиостанцию.

Юрий, порывистый, увлекающийся, торопил с выходом. Но Михаил Иванович не спешил. Он требовал, чтобы каждый контакт в радиостанции пропаивался с той же тщательностью, с какой перед взлетом самолета готовят парашюты.

Только Лавров слышал, как после тренировок стонал по ночам Михаил Иванович.

— Вы хоть груза поменьше возьмите,— говорил ему Лавров.— Лишь бы дойти до Ледникового. А там все найдется. Склады полны.

— Так ли? — качал головой Михаил Иванович, растирая ноющие ноги.— Вы слышали об исчезающих островах? Море подтачивает берег Ледникового. За эти годы строения могли обрушиться.

— Пожалуй...— согласился начальник.— Видно, придется вам брать продукты и на обратный путь. Если складов нет, возвращайтесь.

Наконец Михаил Иванович объявил большой тренировочный поход километров на пятьдесят-сто. Юрий намекал девушкам, что Михаил Иванович только называет этот поход тренировочным, а сам постарается дойти до цели.

Смельчаков провожали все зимовщики бухты Рубиновой.

Была середина апреля, самое солнечное время в Арктике. Полярная ночь кончилась месяц назад. День увеличивался с каждым восходом солнца. Снег и лед сверкали мириадами огней. Только на Рубиновой скале, которая сейчас была темно-серого цвета, не держался снег. Отвесная, она казалась бетонной громадой.

Мужчины обнялись. Девушки — их было трое — расцеловались с Ваней и Юрием. Пример подала Нина.

— Я буду приходить к вам в гости на лыжах! — крикнул Юрий.— Подумаешь, двести пятьдесят километров!

Молодые псы нетерпеливо лаяли в упряжке. Рыжая трехлапая Гекса рвалась с веревки. Шерсть у нее на загривке стояла дыбом.

Вскоре маленькая цепочка растянулась на сверкающем снегу. Впереди двигалась круглая фигура, за ней следом две другие, одна высокая, другая низенькая, потом — четыре совсем маленькие и наконец — нарты, издали напоминающие пятнышко среди белого снега.

Грузный Михаил Иванович, налегая на лямку, шел первым. Двигались вдоль берега по твердому насту. От солнца на нем сияла яркая дорожка, как на воде. В проливе возвышались вмерзшие в лед айсберги.

Ослепительный блеск снега опасен. Михаил Иванович боялся снежной слепоты. Он приказал всем надеть темные очки.

Михаил Иванович сразу же взял быстрый темп, словно решил измотать всех на первом же переходе. Юрий, поборов самолюбие, вынужден был дважды напомнить о привале. Михаил Иванович отшучивался и все шел и шел.

Скоро молодые люди перестали замечать и крутые берега и встречные айсберги.

Осталась одна мысль:

«Идти, только идти. Забыть, что тебя окружает, и шагать, шагать... Заметить вдали точку и приближаться к ней. Дышать через каждые три шага — вдох и выдох... И ни о чем больше не думать».

Остановились только раз, пообедать. Разожгли примус.

Потом опять навалились грудью на лямку, глядя под ноги.

Один лишь Михаил Иванович смотрел вперед, а когда оборачивался к своим спутникам, улыбался. В остальное время лица его не было видно.

Зашло солнце. Заря окрасила небо в нежные оранжевые тона и наконец погасла.

Юрий не выдержал, взмолился:

— Я, конечно, ничего... только ведь организму надо втянуться!

— Вот за тем мыском палатку разобьем. От ветра укроемся,— отозвался Михаил Иванович.

Измученные, с одеревеневшими ногами, забрались люди в спальные мешки.

— Эх, не догадался,— сказал Михаил Иванович.— Надо было последние ночки в мешочках поспать, попривыкли бы.

Ваня и Юрий не ответили. Они спали...

Поднялся Михаил Иванович еще при звездах и разбудил молодых людей.

Юрий с досадой почувствовал, что не может встать.

— Михаил Иванович... я не понимаю. Если это поход к острову — скажите. Я все готов терпеть. Но ради тренировки... это же бессмысленно!

Михаил Иванович не ответил, только серьезно посмотрел на юношу.

Ваня выбрался из мешка, где они спали вдвоем с Юрием. Тому сразу стало холодно... и стыдно. Он тоже вылез. Ноги и спина болели.

— Ни один спортсмен так не тренируется. Вы поверьте мне,— бурчал он.

Опять впряглись в нарты и пошли. Солнце все еще не всходило. Только посветлело небо да потускнели звезды.

Юрий изнемогал. Он был способен к любому мгновенному напряжению сил и действительно участвовал в лыжных соревнованиях на короткие дистанции. Ежедневные тренировки он терпеливо переносил. Но такая нагрузка, как сейчас, казалась ему бесчеловечной. Он понурил голову, до боли кусал губы, но лямку свою натягивал плохо. Ваня замечал это, однако ничего не говорил.

Вдруг Юрий остановил собак и сел на нарты.

— А ведь я больше не могу...— растерянно сознался он, боясь смотреть в лицо Михаилу Ивановичу.

Михаил Иванович сел на нарты рядом с Юрием и сказал мягким, добродушным тоном:

— Видишь ли, паренек... Канат, к примеру, как испытывают? Дают ему нагрузку такую, какую он никогда в работе иметь не должен. Если выдержит канат — значит, годен. Вот так и мы. Это не только тренировка, это испытание... Лучше сейчас повернуть, чем после... задание не выполнить.

— Я отдохну на станции,— смущенно пробормотал Юрий.

Михаил Иванович повернул назад.

Весь обратный путь, на который понадобилось два дня, Юрий был мрачен. В душе у него происходила серьезная борьба.

Когда уже стало видно Рубиновую скалу, он попросил остановиться и сказал Михаилу Ивановичу:

— Я не струсил, Михаил Иванович, вы не подумайте. Я только обузой не хочу быть... Ведь вам задание выполнять надо, а у меня сил не хватает.

— Вот за это спасибо, парень,— отозвался Михаил Иванович.

В бухте Рубиновой путников встречали радушно, но настороженно.

Снова собрались все полярники.

— Я берусь выполнять работу механика станции,— говорил Юрий, глядя в пол,— берусь закончить роторный ветродвигатель... И потом я еще обязуюсь выполнять любую черную работу. Я буду тренироваться. Может быть, еще раз понадобится пойти.— Говоря это, он внутренне поклялся себе никогда в жизни не стоять больше в таком жалком виде перед товарищами.

— Юра наверняка выдержал бы, дошел...— говорил Михаил Иванович,— но ведь нам рисковать нельзя. Надо выполнить задание. Тренировки все-таки свое сделали. Вот и я животик согнал. Так кто же Юрия заменит? — спросил он, вопросительно глядя на Матвея Сергеевича, старшего механика полярной станции.

Худой, высокий Матвей Сергеевич погладил себя по запавшим небритым щекам и ничего не ответил, только подумал: «Ну, вот и опять механик потребовался! Рожать кому или нарты тащить... все равно механик нужен». Подумал так Матвей Сергеевич потому, что ему не хотелось идти. Он строил на зимовке ветродвигатель знакомой ему замечательной конструкции. Матвей Сергеевич уже все сам рассчитал, пользуясь технической энциклопедией, и уже склепал две железные полубочки.

— Так как же? — обратился к нему Михаил Иванович.

— А когда идти-то надо? — деловито осведомился механик. По лицу Матвея Сергеевича можно было догадаться о его мыслях.

— Дня через два. А то проливы проснутся.

— Стало быть, дело солдатское,— вздохнул Матвей Сергеевич и, позвав Юрия, вышел из дому. Он повел его в мастерскую и долго рассказывал, как сделать ротор, без конца заставляя Юрия повторять все свои советы.

Юрий был готов на все: не только сделать самодельный ветродвигатель — своими руками построить здесь Днепрогэс.

И оттого, что никто не сказал ему ни слова упрека, ему было еще мучительнее.

Снова провожали полярники товарищей. Но сейчас проводы были какие-то будничные. Юрия не было.

Он ждал зимовщиков за мысом.

Юрий молча и крепко пожал всем руки, а Михаила Ивановича обнял и поцеловал и сразу побежал прочь. Михаил Иванович постоял, с улыбкой глядя ему вслед, и зашагал вперед.

— Гляньте, трехлапая! — крикнул Матвей Сергеевич.

Сзади с обрывком веревки на шее бежала Гекса.

Михаил Иванович закричал на нее тоненьким голосом. Она присела на снег. Двинулись дальше. Гекса побежала вприпрыжку. Тогда все остановились.

Ваня и Матвей Сергеевич бросили в собаку несколько снежков. Гекса отбежала подальше и села. В ее повадке было волчье упорство. Псы в упряжке нервничали, лаяли. Михаил Иванович достал с нарт ружье и погрозил собаке. Та продолжала сидеть, закрыв передние лапы хвостом. Михаил Иванович выстрелил в воздух. Гекса спряталась за ропак.

Путники опять двинулись. Собаки не было видно. Наверное, вернулась.

Шли по старому незаметенному следу.

Михаил Иванович вел теперь своих спутников медленнее, чем в прошлый раз, переходы делал меньше. Берег силы людей и собак.

Первые дни были особенно тяжелыми. На привалах собаки, измученные, падали в снег, свертывались комочками. Матвей Сергеевич с солдатским проворством разжигал примус. Михаил Иванович, фальшиво напевая, разбивал палатку, а Ваня связывался по радио с бухтой Рубиновой.

Трехлапая все-таки увязалась за ними. Ее уже не прогоняли. Она старательно забегала то вперед, то вбок и принюхивалась.

— Ишь, разведчица,— кивнул Матвей Сергеевич.

— Ну, пусть,— решил Михаил Иванович.— Хоть о медведях предупредит.

На третий день ходьба стала привычным состоянием. Ноги передвигались как бы сами собой. Путники теперь больше смотрели по сторонам.

Путь лежал от острова к острову. Вокруг поднимались крутые, запорошенные снегом скалы с белыми шапками. Нигде ни одного деревца. Ледяной простор, белый и хмурый, как затянутое тучами небо.

— Пустая земля,— говорил Матвей Сергеевич.

— Не скажите, не скажите! — живо откликался Михаил Иванович.— Отчего бы здесь каменному угольку не быть? Или вот магнитные аномалии вокруг. Не на железо ли наме-

кают? Я компасом так и пользуюсь. Врет. Все больше по карте от мыска на мысок норовлю.

Действительно, Михаилу Ивановичу совсем не приходилось пользоваться компасом. Начальник похода так изучил карту архипелага, что шел по островам, как по знакомому двору.

Хорошая погода кончилась. Поднялся встречный ветер. Он дул в лицо, и дышать стало трудно. Ветер выбивал из глаз слезы, упирался в грудь, не давая двигаться вперед, удваивал вес нарт...

Люди шли. Навстречу им летели обжигающие языки белого пламени. Языки эти стелились по насту, взмывали вверх, превращаясь в сплошной пенный поток. Люди шли по нему, как вброд по воде. Собак не было видно. Ногами приходилось нащупывать, куда ступить. Голова кружилась.

Лучше всего было смотреть вдаль, заметить утес, мыс или айсберг, держать курс на него,— тогда головокружение проходило.

Ветер усилился. Он превратился в неистовый вихрь. Началась пурга.

Пришлось остановиться, разбить палатку. Собаки тотчас прилегли к ней. Их занесло снегом, а палатку превратило в сугроб. Люди и собаки лежали друг подле друга, разделенные полотном палатки. Высунуться наружу было невозможно. Ваня все-таки умудрился развернуть рацию. Сообщил в бухту Рубиновую, что лежат под снегом. Из Рубиновой ответили, что Москва следит за каждым их шагом.

Лежа с Матвеем Сергеевичем в одном спальном мешке, Ваня тихо говорил:

— А что, если дом вместе с берегом обрушился, как на Исчезающем?

— Коли так — пойдем обратно.

— Я не трушу... Я просто так,— предупредил Ваня.

Двое суток провели путники в сугробе. Из бухты Рубиновой сообщили прогноз погоды. Пурга должна прекратиться. Решили откапываться. Пока разгребали снег, пурга действительно стихла.

Двинулись дальше. Снова мерно двигались ноги, проплывали мимо снежные утесы, голубые изломы ледников, сползающих сверху грандиозными «ледопадами».

Большая часть пути осталась позади.

Но пурга занесла проливы снегом. Идти по ним было опасно. Под снегом могли оказаться трещины и слабый лед. Михаил Иванович двигался первым, соблюдая все возможные предосторожности. В руке у него был шест, он пробовал шестом, прочен ли лед. Михаил Иванович не без основания считал себя самым тяжелым, весил он сто килограммов. Если лед выдержит его — хорошо. Но нарты были тяжелее.

Вдруг Ваню резко потянуло назад. Он закричал:

— Рация! Рация! — и бросился к провалившимся под лед нартам.

Лед трещал, собаки беспомощно бились.

— Ложись на живот! — пронзительно скомандовал Михаил Иванович.

Ваня упал. Матвей Сергеевич и Михаил Иванович поползли к нартам. Ваня тоже пополз.

Собак затягивало под воду.

— Режь постромки! — крикнул Михаил Иванович.

— Рация! Рация! — твердил Ваня.— Подождите...

Рация вместе с задней частью нарт была уже под водой. Ее гибель срывала все предприятие. Рация должна была служить не только в походе, но и на острове Ледниковом.

Гибель нарт означала гибель продовольствия. Люди ухватились за постромки и стали вытаскивать нарты. Но лед трескался. Здесь была наледь. Вода покрыла поверхность льда, потом замерзла тонким, зеленоватым, похожим на хрупкое стекло ледком. Теперь через полынью и трещины хлынула вода.

— Бросай нарты, отползай,— скомандовал Михаил Иванович.

Но Ваня, извиваясь, как змея, подполз к полынье и опустил руки по самые плечи в ледяную воду. Он нащупал нарты, схватил рацию и, напрягаясь, пытался вытащить ее. Лед трещал под ним и ломался. Матвей Сергеевич ухватил радиста за ноги.

— Тяни! — крикнул тот.

Матвей Сергеевич стал отползать от полыньи, осторожно таща за ноги Ваню. Радист не выпускал из рук рации.

Наконец она оказалась на мокром льду.

Тогда Матвей Сергеевич выхватил финский нож и обрубил постромки. Собаки, обезумевшие от страха, вырвались и выскочили на лед. Нарты исчезли.

Оставляя на запорошенном льду широкий след, люди ползли к берегу.

Из всего груза осталась только испорченная рация.

Ни продовольствия, ни ружья, ни примуса!

Мокрые люди не могли даже согреться.

— Идти, ребятки. Только в этом спасение. Идти, пока не согреемся... своим собственным теплом. Другого выхода нет,— сказал на берегу Михаил Иванович.

— Куда идти? — осведомился Матвей Сергеевич.

— До бухты Рубиновой — двести километров. До острова Ледникового пятьдесят. Продуктов нет, а задание открыть полярную станцию есть.

— Стало быть, на Ледниковый пойдем,— с мрачной серь-

езностью сказал Матвей Сергеевич, приплясывая, чтобы согреться.

— Но на Ледниковом можно ничего не найти? — вопросительно заметил Михаил Иванович.

— А может, и стоит себе станция,— в такт пляске ответил Матвей Сергеевич.

— Рация подмокла... но я исправлю... на Ледниковом,— стуча зубами, вставил Ваня.— В тундре когда-то не сумел исправить, а теперь сумею...

Собаки вылизывали мокрую шерсть и выкусывали лед между когтями.

Люди шли вперед. Рацию тащили по очереди.

В бухте Рубиновой настали тревожные дни. Никто не знал, что произошло. Москва тревожилась.

Юрий нервничал и настаивал на снаряжении спасательной экспедиции, хотел во что бы то ни стало идти сам. Целыми днями не выходя из рубки, он все выстукивал и выстукивал:

«Ледниковый, где вы? Отвечайте, мы слушаем вас. Ледниковый, где вы? Где вы? Отвечайте в конце концов, что случилось? Мы слушаем вас. Где вы?»

Слова эти слушала вся Арктика, путники догадывались о том, что их ищут, но ответить не могли. В обледеневшей одежде днем и ночью они шли.

Вот уже больше двух суток они ничего не ели. На отдых не останавливались, а просто падали в снег...

На последнем привале лежали особенно долго... Опасно долго.

Первым приподнялся и сел Матвей Сергеевич. Он хмуро посмотрел на лежащих в снегу обессиленных спутников, потом на худых собак с торчащей на боках шерстью. Вместе с Гексой четыре пса бывшей упряжки сидели подле людей и смотрели на них голодными глазами.

Матвей Сергеевич достал свой финский нож, неторопливо снял рукавицу и попробовал большим пальцем левой руки острие. Потом стал подзывать одного из псов.

— А ну, Барбос!.. Поди сюда, собачонок, иди сюда, ходячее продовольствие.

Ваня приподнялся на локте.

Все собаки вскочили и, виляя хвостами, смотрели на человека.

— Поди, Барбос... Не Барбос, а обоз... Поди сюда... На! Мяса хочешь? — и он сделал рукой движение, словно достает что-то из-за полы.

Один пес робко подошел к человеку, униженно виляя хвостом и облизываясь.

Матвей Сергеевич протянул левую руку, схватил пса голыми пальцами за загривок и занес правую руку с ножом.

— Матвей Сергеевич! Да что вы! Что вы! — не своим голосом закричал Ваня, хватая Матвея Сергеевича за руку.

Пес заскулил. Гекса залаяла.

Матвей Сергеевич и Ваня боролись.

— Чего ты? — сердился Матвей Сергеевич.— Нам задание выполнять или нюни разводить? Это ж продовольствие! Два дня не ели. Силы нужны.

Ваня бессмысленно твердил:

— Это же собаки! Это же наши собачки! Они еще нужны будут.

Пес воспользовался промедлением и вырвался. Он отбежал на несколько шагов, но Гекса кинулась на него и стала яростно кусать. Пес завизжал и отбежал подальше.

Гекса прогнала от людей и остальных собак.

Михаил Иванович должен был рассудить Ваню и Матвея Сергеевича. Съесть или не съесть одну из собак?

— А ведь дойдем до острова, они еще какую нам службу сослужат,— сказал Михаил Иванович, просительно глядя на Матвея Сергеевича.

Тот упрямо покачал головой.

— Так и будет,— решительно сказал тогда Михаил Иванович.— Собак не тронем.

Матвей Сергеевич пожал плечами.

Ваня, словно не доверяя товарищу, стал просить у него нож.

— Зачем тебе? — рассердился Матвей Сергеевич.— Что я дисциплины не знаю?

— Нет,— смутился Ваня.— Я просто так. Ну, дайте нож. Я лед буду сковыривать с проводов.

— Возьми,— с усмешкой сказал Матвей Сергеевич.

Ваня, чтобы оправдать свою просьбу, стал копаться омертвевшими пальцами в рации, скалывая ножом лед с проводов.

Внезапно бросив работу, он посмотрел на Матвея Сергеевича:

— Матвей Сергеевич... а лед... лед проводит электричество?

— Нет,— сердито отозвался механик.

— Вот и я тоже об этом подумал,— обрадованно сказал Ваня. Его глаза оживились.— Вот конденсаторы... Они подмочены и потеряли свои изоляционные свойства. А если их взять и просушить... Нет, не просушить, а как следует проморозить? Ведь это все равно, что просушить? А?

— Должно быть, так,— неуверенно сказал Матвей Сергеевич.

— Так что ж ты, братец, медлишь! — закричал обрадованный Михаил Иванович.— Давай пробуй, пробуй...

— Сейчас,— радостно отозвался Ваня.

— Давай сюда свою рацию. Становись на ветер, промораживай ее как следует!

В обледенелой одежде, стоя на пронизывающем ветру, старались люди проморозить и без того обледеневшую станцию.

Потом Ваня дрожащими руками попробовал настроиться. В наушниках запищало.

Ваня обнимался с Матвеем Сергеевичем, забыв о недавней ссоре. Михаил Иванович торопил Ваню, требуя передать радиограмму.

И в бухте Рубиновой наконец получили эту радиограмму.

«Находимся двадцати километрах от острова Ледникового. Связь была утеряна из-за подмокшей рации. Нарты провалились под лед. Стремимся выполнить задание...»

Радиограмма эта была получена на третьи сутки после потери связи. Арктика вздохнула облегченно. Не было ни одного полярника, который с тревогой не следил бы за эфиром, не спрашивал бы товарища за тысячи километров, что слышно о «них».

Никто не знал, чего стоило трем полярникам «выполнить задание».

Они уже не шли, а брели, шатаясь, падая и поднимаясь вновь. Из постромок они сделали веревку, и каждый обвязался ею вокруг пояса. Глаза плохо видели. В ушах стоял шум, как будто море вырвалось из-под льдов и билось о скалы.

Собаки бежали за людьми, но не приближались к ним близко. Верно, Гекса не позволяла.

И люди все-таки дошли.

«Поднимаемся на ледник острова Ледникового»,— радировали они.

Люди не поднимались на ледник, а заползали на него, лежа на животах, связанные друг с другом постромками. Они ползли, скрежеща зубами, зажмурив глаза от напряжения, кусая губы, в кровь раздирая о шершавый наст обмороженные щеки.

И все-таки добрались до вершины!

Надо было идти дальше. Теперь уже было недалеко.

Три шатающиеся фигуры пошли. Собаки в отдалении бежали за ними. Шерсть на их провалившихся боках торчала во все стороны.

Михаил Иванович по-прежнему шел первым, натягивая веревку. В руках он держал палку и не то опирался на нее, не то щупал дорогу, словно был слеп. И вдруг он... исчез...

Ваня дернулся вперед, упал. Матвей Сергеевич с размаху сел и, расставив свои длинные ноги, уперся ими в снег. Рацию, которая была у него в руках, он бросил и ухватился за нее, как за якорь.

Гекса метнулась вперед и стала лаять на провал в снегу.

— Держись, командир! — крикнул Матвей Сергеевич.

Ваня опомнился. Вместе с Матвеем Сергеевичем они стали тащить постромки. Из снега показалось обросшее, обмороженное лицо Михаила Ивановича. Он судорожно хватался руками за снег. Товарищи помогали ему.

— Трещина, ребятки, трещина...— еле проговорил он.

Ваня бросил снежок в провал. Где-то в глубине булькнуло.

Матвей Сергеевич покачал головой.

Трещину предстояло обойти, сделать крюк километра в полтора.

Еще полтора километра?

У людей не было сил. Этот обход стоил им больше, чем последние двадцать километров. Они уже не могли подняться на ноги, они двигались на четвереньках, заползая на этот последний бугор.

А Михаил Иванович говорил своим бодрым тенорком:

— Последний ведь пригорочек, ребятки, последний... Вот сейчас поднимемся и увидим домики полярной станции. И склад там есть,— переходил он почему-то на шепот.— А в складу том: жирные окороки, ребятки, колбасы копченые... консервы, сардинки, шпроты, маслом залитые... Или мясные консервы... Примус есть там, огонь разожгем и такой суп сварим, жирный, горячий... губы обжигать будем...

От этих слов прибавлялись силы. Люди заползали на бугор.

— Вот заползем,— шептал Михаил Иванович,— заползем и сразу увидим...

Люди все-таки заползли. И увидели...

...Все было пустынно и бело кругом. Словно на краю обрыва, поднималась из снега тонкая, согнувшаяся вверху мачта радиостанции. Домов около нее... не было!

Люди лежали на снегу. Они боялись взглянуть друг на друга. Полярной станции не было. Значит, она обвалилась вместе с берегом.

...Юрий, сидя в бухте Рубиновой у приемника, плакал, не стыдясь даже девушек: он принял радиограмму о положении на Ледниковом. Послать помощь было невозможно: проливы вскрылись. Да и собак в бухте Рубиновой не было.

Через шесть месяцев после всего случившегося «Георгий Седов» подходил к Ледниковому.

Вспоминая все, что рассказывали мне в бухте Рубиновой, я в бинокль рассматривал остров.

Раньше всего я увидел тонкую, чуть загнутую вверх мачту, поднимавшуюся над базальтовыми скалами, похожими на крепостные бастионы.

Потом я увидел ледник, к которому хотел подвести корабль капитан.

На леднике стояли три фигуры: одна — большая и толстая, другая — высокая, тонкая и третья — маленькая. Около них на снегу что-то двигалось.

Много позже я разобрал, что это была рыжая собака на трех лапах.

Корабль ткнулся носом в ледник. Люди спрыгнули на лед. Это были полярники, пополнявшие штат полярной станции. Вновь прибывшие тепло приветствовали трех героев, сумевших за полгода до прибытия «Седова» открыть станцию.

Это они дали «Седову» сведения о льдах, это они направили корабль, помогли ему пробраться через непроходимые льды!

Мы крепко жали руки героям, которые искренне удивились бы, если б их в глаза так назвали.

Я успел передать радисту Ване привет из далекой тундры. Он смутился, покраснел.

Михаил Иванович поднялся с нами на борт корабля. Сидя в каюте, поглаживая свою отросшую бороду, он рассказал:

— А ведь все трехлапая, все Гекса наша! — говорил он веселым говорком.— Не будь ее, мы бы погибли. Видим, подбежала она к радиомачте и давай рыть снег... С чего бы это? Пополз я к ней, стал помогать. И докопались мы с ней... до конька крыши. Дом-то был под нами! За шесть лет его так снегом занесло, что и не видно было... Ну, мы и раскопали дом... Хотя раньше мы разыскали дверь склада. Откуда только силы взялись? Открыли дверь, а прямо перед нами — окорок жирный! Я взял у Матвея Сергеевича его финский нож и отхватил самый лучший кусок,— Михаил Иванович улыбнулся.— Матвей Сергеевич дал его Гексе.

Пока Михаил Иванович рассказывал, началась выгрузка продовольствия, грузов и топлива на ледник острова.

В ТУМАНЕ

На этом острове не было ледников, от него не отламывались и не уплывали коварные айсберги, у берегов не встречалось подводных скал, и все же этот остров считался одним из самых опасных мест Арктики.

— Туманы...— объяснил капитан.

Я бродил по палубе. Клочковатая мгла скрывала корму корабля. Был конец полярной навигации. Наш корабль последним уходил из этих широт.

Я прислушался, вглядываясь в мутную стену. Может быть, мне показалось?

Далекий, словно прорвавшийся к нам через вату, звук повторился еще раз. Нет сомнения — густым баритоном гудел гудок.

Встречный корабль?

Но ведь только вчера капитан говорил, что здесь нет никого, кроме нас!

С капитанского мостика слышалась команда. Наш корабль менял курс.

Туман не редел. Гребни волн внезапно отделялись от повисающей в воздухе плотной пены и разбивались о борт. Брызги долетали до палубы. Они были свежие и соленые.

Вот, если в такой туман смоет тебя волной за борт! Хватятся не сразу. Ты еще держишься на воде и видишь, как уходит, растворяется во мгле борт корабля... Потом, тускнея, исчезнут огни, а ты... изнемогаешь в последних усилиях.

Я передернул плечами и отошел от реллингов.

Через равные промежутки слышался все тот же могучий бархатный звук, низкий, рокочущий. Так настойчиво можно только звать на помощь или предупреждать об опасности.

Звук приближался. Одна низкая нота, спокойная и в то же время мощная, возникала в тумане, смолкала и рождалась вновь.

Какая-то неведомая «северная Сирена», скрытая в опустившемся на море облаке, звала нас к себе.

Раздалась отрывистая команда. Загрохотала цепь. Отдавали якорь. Загудел и наш гудок.

Около меня выросла фигура нашего капитана в макинтоше.

— Ну, вот... добрались и до острова с маяком. Недурной баритон?

— Поющий маяк? Сирена в тумане? — спросил я.

Откуда-то снизу, словно из волн, послышался голос.

Человек за бортом?

Капитан и я перегнулись через реллинги.

У высокого борта корабля прыгала крохотная лодчонка. Человек что-то кричал, верно, просил спустить трап или бросить веревку.

Какой смельчак мог решиться плыть в тумане на звук нашего гудка?

По штормтрапу человек поднялся на палубу. Он был в брезентовом плаще поверх ватной куртки и штанов. При виде капитана, на которого ему указали, он снял шапку, пригладил седоватые волосы и, сладко улыбаясь, подошел к нам.

Его маленькие, близко посаженные глазки, смотрели куда-то в сторону. Роста он был низенького, а от привычки не подымать головы казался еще ниже.

— От души сердечно приветствую вас и поздравляю, товарищ капитан, с благополучным появлением. Как прошли в тумане, осмелюсь поинтересоваться? Небось сигнальчик-то помог вам. Вроде, как все вы мне жизнью теперь обязаны. Нет, это я только так... К слову пришлось... Очень приятно видеть корабль здесь в такое позднее время. Видите, маяк мой работает исправно. Рассчитываю, что шепнете вы это кому и где следует. Не позволите ли в каютку с вами пройти?

— Отчего же,— сказал Борис Ефимович,— милости прошу.

Мы сидели в каюте капитана.

— Крепенького не найдется ли у вас? Свои запасы бережем. Зима длинная... наш полярный опыт не дозволяет расходовать,— говорил смотритель маяка.— Дай, думаю, навещу

морячков на корабле. Ведь волнами да туманами меня не запужаешь. Ваше здоровье, товарищ капитан, и ваше, товарищ, не знаю, кем вы тут будете. Вот и думаю, что интересно ведь капитану про наши новости узнать.

Я разглядывал разговорчивого человека. У него было бабье лицо, морщинистое, обветренное, но без того характерного для полярников загара, какой дается не солнцем, а ветром.

— Преинтересно будет капитану узнать про наши дела, от которых кожа не бела: Вот так. Ваше здоровье. Особенно потому интересно, что может капитан по радио с начальником снестись и про все такое этакое свое мнение донести. Воздух надо прочистить на нашем острове. Туману тут много всякого... А голос, вон какой — через иллюминатор доносился глухой баритон маяка.— Голос вон какой нужен, чтобы услышать тебя в тумане. Вот. А кричать хочется, поверите ли, товарищи дорогие. Кричать надобно. Госконтроль должен вмешаться, такие тут безобразия происходят... под покровом тумана, позвольте так выразиться...

Капитан, обычно сам разговорчивый и общительный, слушал смотрителя молча. Тот продолжал:

— Разврат, извините меня за слово неуместное, разврат тут царствует безвозмездно. Мне, конечно, дела до этого никакого нету, я от полярной станции отдельно, на самостоятельном, так сказать, бюджете, а все-таки... с души воротит... На берег съедете, сами увидите. Только внимания не обращайте, что они сейчас по своим комнаткам разъедутся. Это для отвода глаз... А они только и мечтают, как бы скорее льдом все тут сковало, чтобы никто к ним носу сунуть не мог... А я вот остаюсь!.. И это им, как бельмо на глазу. Они бы меня в ледяной воде утопили, белым бы медведям скормили. Только не таков Яков Григорьевич Суетин, это я, то есть... Будем знакомы... Очень приятно... Ваше здоровье! Не таков Суетин. Медведя любого один на один берет.

— Шкурку белую позвольте поднести и вам, капитан, и вам, товарищ московский... Благодарны будете. Своей охоты, своей выделки... Да вы зря отказываетесь. У меня много — не обеднею.

— Да, непорядки у нас,— заметно хмелея и уже не улыбаясь, беспрерывно говорил непрошеный гость.— А виноват во всем Хлынов Алексан Алексаныч. Гордый человек. Опыта никакого. Ему бы у меня учиться. Как никак восемнадцать лет в Арктике. Не люблю Большой Земли. Суеты не люблю, ненавижу... Я тишину люблю... и порядок... А здесь? Разве это порядок? Начальником поставили молокососа, который девочку с толку сбивает... Гордый очень этот начальник полярной станции... а быть ему здесь, вроде, и не к чему. Опыт полярный у меня, товарищи, достаточный. Я метеорологом

был, и механик я, на все специальности, и радист исправный. Характер у меня правильный. Дисциплина будет, здорово живешь! Хозяин я, нутром хозяин,— он сжал неожиданно большой для такого хлипкого человека кулак.— Бывало и не с таким хозяйством справлялся... Коровы, кони! Люди завидовали!.. У меня и здесь от работы отлынивать не посмеют...

— Ваше здоровье, еще разрешите? Премного благодарен. Вот и думаю я, что надо государству копейку сберечь. Решил я в порядке соцсоревнования и ударничества, а также стахановского движения взять на себя совмещение профессий. Будьте благонадежны — и с маяком справлюсь, и полярную станцию под опеку возьму. Товарища Хлынова Алексан Алексаныча примите на другое использование... а девочку оставьте. Я ее вымуштрую. Медвежью шкуру я ей еще летом подарил, самую крупную, самую отменную... Но не для этого дарил, не для этого... Прошу и от меня принять шкурки-то... вроде, будет, как сувенир... На память... об Арктике.

Проводив наконец нежданного гостя, капитан попросил меня съехать вместе с ним на берег.

К утру туман не раздернуло, но капитан все-таки приказал спускать «Петушок».

Катер шел на певучий рев маяка. Берега не было видно. Зажженные огни «Седова» тускнели и наконец погасли.

Кунгас, тащившийся на буксире, был едва заметен.

На берегу нас встречали Суетин и Хлынов, начальник полярной станции. Это был медлительный человек с рыжей бородой и светлыми, голубыми глазами, неожиданно юными на этом обросшем лице.

— Сперва ко мне на маячок прошу,— забегал перед капитаном Суетин.— По знакомству, так сказать. Алексан Алексаныч и сам ведь сознается, что скуповат. У него все по норме. Он, верите ли, куропаток настрелял, так и то в мясной паек зачислили... Разве неправду говорю, Алексан Алексаныч? А?

— На куропаток подотчетные заряды ушли...— хмуро ответил Хлынов.— А мясного пайка для полярников вполне хватает. Никто не жалуется.

— А кто на вас жаловаться будет? У маяка свой собственный бюджет. Я к вам некасаем. Товарищ капитан, и вы, товарищ московский, прошу, уважьте, загляните на маячок.

— Мы сначала пройдем на полярную станцию,— не глядя на него, сказал капитан.

Суетин исчез, словно растаял в тумане.

— А мы ждали вас только через час,— сказал Хлынов, и, вздохнув, добавил.— Заждались мы вас...

Домик полярной станции внезапно вырос перед нами. Совсем близко, сотрясая мутный воздух, заревел гудок. Потом смолк. В ушах гудело. Мне показалось, что я слышу какую-то, удивительно знакомую мелодию... Звуки рассыпаются

сверкающей дробью, мощные аккорды звучат один за другим... Какая сила! Какой блеск!

— Это наша полярница Верочка Смирнова играет,— пояснил Хлынов. Она не знает, что мы уже идем. Она сейчас перестанет.

— Тише, вы! — возмущенно остановил его капитан.

Борис Ефимович стоял, приоткрыв дверь в сени, и словно боялся пошевелиться. Лицо его преобразилось. Такое лицо бывало у Бориса Ефимовича тогда, когда он сам играл на аккордеоне.

— Второй концерт Рахманинова,— почти с благоговением произнес он.

Мы трое стояли в сенях до тех пор, пока музыка внезапно не оборвалась.

— Верочка у нас пианистка,— извиняющимся голосом пояснил Хлынов. В Арктике она попала на полярную станцию, где пианино не было... А у нас рояль. Весной разрешение получила. Перевели ее на работу к нам, и она переход на лыжах сделала от фактории, куда ее подвезли на тракторе, до нас километров шестьдесят. Музыкальный техникум окончила. В консерваторию будет поступать. А работает хорошо... По специальности метеоролог...

— Где же она, эта самая музыкантша? — говорил Борис Ефимович, входя в кают-компанию.

Перелистывавшая ноты девушка вскочила, зарделась вся и едва не выбежала из комнаты.

— Ах, как играла! Как играла! — говорил капитан.— Я сначала подумал: радио. Гилельс или Софроницкий играет. А тут, гляди, своя полярная музыкантша!

— Здравствуйте, капитан,— сказала девушка, протягивая руку.— Вы простите — я не знала... Мы тут, несколько островов, самодеятельный концерт готовим. Каждый остров с каким-нибудь номером выступит. Вот я и готовилась... Простите...

— А мне сказали, что вы в консерваторию готовитесь.

— И в консерваторию тоже,— кивнула девушка.

Капитан уселся сам и усадил девушку.

— Это как же так... Вы мне расскажите... Я ведь тоже музыкант. Я на аккордеоне играю, потому что на «Седове» у нас сейчас пианино нет. Это как же вас вместо консерватории да в Арктику занесло?

Девушка совсем смутилась.

— Я так решила, товарищ капитан,— сказала она, оглядываясь на нас с Хлыновым,— я временно в Арктике... Когда он пошел в армию, я сказала, что пойду в Арктику... Он писал, что скоро вернется. И я через год вернусь.

— Это вы про мужа?

— Нет, я не замужем. Мы поженимся, когда оба вернемся.

— Чудачка, так зачем же вам Арктика понадобилась?

— Может быть... Но мне хотелось поработать на трудном участке, и я нисколько не жалею, что поехала. Арктика всегда казалась мне такой замечательной!

— Только казалась?

— Нет, что вы! — спохватилась девушка.— Я сейчас вам что-то покажу. Я не знаю, может быть, это совсем и не нужно, но это так интересно...— Она выбежала в небольшую комнату, дверь которой выходила в кают-компанию.

Хлынов пошел распорядиться о завтраке.

Капитан многозначительно посмотрел на меня.

Верочка вернулась с тетрадкой и альбомом в руках.

— Я вот сюда все записываю, что наблюдаю... Когда, что случается у нас на острове, какие прилетают птицы, какие попадаются рыбы... Вот паука удивительного поймала. Я зарисовала его. Он едва на тарелке умещался. Я его хотела сохранить, но он высох и рассыпался... Вы не знаете такого паука?

— Паук-плавунец,— сказал капитан, посмотрев на рисунок.

— Ну вот, а я думала, что открытие сделала. Я сказала, что Суетин — тут есть такой,— что он на этого паука походит. Что тут было! — и девушка весело рассмеялась.

Капитан тоже расхохотался.

Вера повела нас в свою комнату. Чувствовалась женская рука. Коврики, шкуры (шкуры белого медведя, о которой упоминал Суетин, не было) — делали комнатку очень уютной. На столике, превращенном в туалетный, стояла фотография военного. На стене висела винтовка.

— В окно видно море,— говорила Верочка.— Красиво! Только здесь часто туманы...

У капитана были дела с Хлыновым. Надо было сверить ведомости доставленных продуктов. Обычно это входило в обязанности второго помощника, но сейчас Борис Ефимович почему-то взял это на себя. Я должен был помогать ему. Оба мы «плавали» в таком деле и все время путались, а Хлынов был человек дотошный и требовал, чтобы все было сделано, как следует.

— Вы давно здесь? — как бы невзначай расспрашивал его капитан.

— Второй год. Я прежде с семьей в бухте Рубиновой жил. Мальчишка у меня подрос. В школу пора отдавать. Вот первый год без семьи живу.

— Скучаете? — спросил капитан.

Хлынов улыбнулся.

— Смешно сказать... Зарок дал бороды не брить, пока с семьей не свижусь. Думаю перебраться на Диксон. Там и школа есть. А из Арктики уходить — сил нет. Вот посмотрите,

какой у меня мальчонка...— он достал из письменного стола фотографию жены и ребенка.

— Как живете здесь, дружно?

Хлынов махнул рукой.

— На полярной станции живем очень хорошо. Есть у нас еще радист и радистка. Поженились у нас. Жаль, вы их увозите. Но им повезло — опять вместе будут. Маяк вот только у нас поблизости... беспокойный,— нахмурился Хлынов.

— Гудит? Так ведь скоро навигация кончается...

— Не гудок беспокоит... Собаку нашу смотритель пристрелил. Уж не знали мы, как Верочку утешить. Хороший был пес. Не давал он Суетину к Верочке приближаться. Она без этого пса на метеоплощадку никогда не ходила... Вот Суетин и пристрелил.

— Вот как,— помолчав, проговорил капитан.

Я остался в кают-компании с Верочкой, а капитан пошел в радиорубку познакомиться с уезжающими радистами, поговорить с ними, как они прожили тут зиму.

Потом вместе с капитаном мы зашли на маяк и после его осмотра сидели в комнате смотрителя, неряшливой, очевидно к нашему приходу наскоро прибранной. В ней пахло плохо выделанными шкурами.

— Хорошо играет...— говорил Суетин про Верочку. Его бабье лицо расплылось в улыбке.— Очень мы все это любим. Только вещички-то она играет какие-то непутевые. Просишь, просишь сыграть «Огонек» или там «Синий платочек» — не играет. Все от гордости, это я так полагаю. А Хлынова нужно вывезти... это для того, чтобы ее же спасти. А на счет станции не сомневайтесь, справимся в порядке совмещения профессий. Пожалуйста, угощайтесь... У нас хоть тоже все по норме, но мы не Хлыновы, не поскупимся. Мы сами из крестьян. Из крепких, гостям всегда богатый стол. Медвежьи шкуры посмотреть не желаете ли? Я вам про каждую историю расскажу. Вот шкура медведицы. Я ее вам вместе с двумя медвежатами заверну... С этим семейством дело вот как было. Плыли мы на пароходе, когда меня сюда доставляли. Капитаном у нас был Николай Львович, да вы его знаете, он потом из Арктики в какой-то порт ушел... Увидал я медвежье семейство на льду и к капитану. Так и так, Николай Львович. А семейство нас почуяло — и к пароходу. Звери дурные. Страха не знают. Кто их в Арктике напугать может? Я с винтовочкой. Жду, когда поближе подойдут. Пассажиры собрались, ахают. Идут звери, воздух нюхают. На корабль дивятся. К самому борту подошли... Ну, не мишень, а просто прелесть. Я винтовочку на реллинги положил, удобно так... и спускаю курок. И надо же! Мальчишка — Федька-сирота — с базы одной его вывозили — подтолкнул меня под руку. Зверя, видите ли, ему жалко стало! Я в медвежонка метил,

потому знаю, что от раненого или от убитого мать никуда не отойдет. И не уложил я зверя. Перекувыркнулся он через голову. Застонал, зарычал и ну бежать... На снегу красный след. Мать и брат за ним. Бегают медведи быстро. Второй раз я стрелять не стал. Сразу — на мостик. Николай Львович, прошу, мол, в погоню! Он поворчал, но согласился. Медвежатник страстный был. Стал корабль во льдах разворачиваться. Медвежонок раненый прилег за ропак, его и не видно. Мать с братом отошли было за километр, но как увидели, что чудище к раненому приближается, сразу на выручку. Тут я их всех и перестрелял. Сначала раненого прикончил. Потом медведицу уложил. Последний медвежонок бегает по льдине, не то ревет, не то плачет. Потеха! Я еще помедлил немного, чтобы зрители насмотрелись на зверя как следует. Ну, и его... Он закрутился, закрутился, потом прилег к братцу, будто отдохнуть. Ну, и не встал. Так мы их и поднимали, одним канатом.

А вот эта шкура... Тоже медведица. В тот же раз мы ее во льдах заметили и стали гнать. Вот я говорил, что страху звери не знают. Эта медведица, верно, уже кораблями пуганная была. Никогда не видел я такого ужаса, с каким она удирала. И медвежонок с ней... Скачут через льды, как зайцы. Николай Львович полный ход дал. Корабль настигает зверей, а они мчатся, с льдины прямо в воду прыгают, плывут, как дельфины! В Сухуми я видел дельфинов-то... Потом выскакивают на льдину и опять, как олени мчатся. Потом снова — бултых в воду. Я на носу в кресле сижу, ружье наготове. Куда им, зверям, с кораблем состязаться. Прицелился, ну, прямо, как вот из этого окошка в собаку. Чик — и перестала медведица плыть. Лапы растопырила и не тонет, мертвая, а не тонет. Я потом и медвежонка прикончил, только мы его вылавливать не стали, некогда было. Или вот еще... Подошла медведица к самому борту...

— Довольно! — вставая, резко сказал Борис Ефимович.

— Что ж так скоро, али угощение не понравилось? — встревожился Суетин.— Да вы ничего и не попробовали! А я сижу, разговорами вас занимаю...

— Мы уже наслушались ваших разговоров. Я получил указание вывезти вас из Арктики,— сухо сказал капитан.

— Это как же так? — оторопел Суетин.— Это по какому такому праву? А маяк?

— За маяком до начала навигации будет следить полярная станция. А вы зимовать в Арктике больше не будете. Понимаете? Никогда больше не будете.

Суетин поднялся, мигая бесцветными ресницами.

— Да вы это что? А полярная надбавка? По какому такому праву меня полярной надбавки лишать? Я сколько лет ее откладываю вместе с жалованием... Питание бесплатное,

семейства у меня нет! Но на домик еще не хватает... Я не согласен...

— Вашего согласия никто не спрашивает. Такие, как вы, зимовать в Арктике не будут.

— Это какие же, как я?

— Такие, которые в Арктике пристанища искали,— с гневом заговорил Борис Ефимович.— Необитаемый остров хотели найти в советском море. Чтоб волны до них не доставали. Бежали от этих свежих волн, и хозяйства крепкие бросали!..

— Меня никто не раскулачивал!..— крикнул, отступая, Суетин.— Я по своей воле хозяйство распродал, в город подался! У меня в анкетах пятен нету! Но я здесь не только что за длинным рублем...

— Да, вы здесь не только за длинным рублем,— брезгливо сказал Борис Ефимович.— Вы сюда от советской жизни бежали. Все мне понятно. Только забыли вы, что и здесь советская земля. И здесь вы чужой и лишний...

Сказав это, капитан вышел. Я хотел идти следом за ним, но Суетин ухватил меня за рукав.

— Как же так — лишний? Товарищ дорогой! Вы же влиятельный... Вы с ним поговорите. Я вам все шкуры отдам. Это как же будет? Меня — и вдруг обратно на эту самую Большую Землю... Да не ужиться мне там! А надбавка? Да бог с ней с надбавкой. Мне тишину нужно... Да я лучше в море спрыгну! В самый что ни на есть туман...

Он был противен и жалок, этот человек, трясущийся, хватающий что-то руками и снова ставящий на место.

— Это в чем же вина-то? В чем? — бормотал он.— Это все, верно, Хлынов, подлюга... И Верка эта! Ничейная баба! Несчастья от нее одни... Да я лучше из маяка ни ногой!.. Товарищ московский, вы с ним поговорите... Нельзя человека все равно как в огонь совать, сгорю я там... Ведь заслуги у меня есть! Иностранные пароходы тут проходили, а я не сбежал... не сбежал!

Я вырвал свою руку, за которую все цеплялся Суетин, и вышел.

В лицо мне ударил ветер. Я жадно глотал воздух, мне казалось, что я несколько минут не дышал.

Борис Ефимович ждал меня.

До катера нас провожал Хлынов.

Капитан отчитывал его:

— Почему же вы не ставили вопрос о Суетине? Вы должны были требовать его удаления с острова.

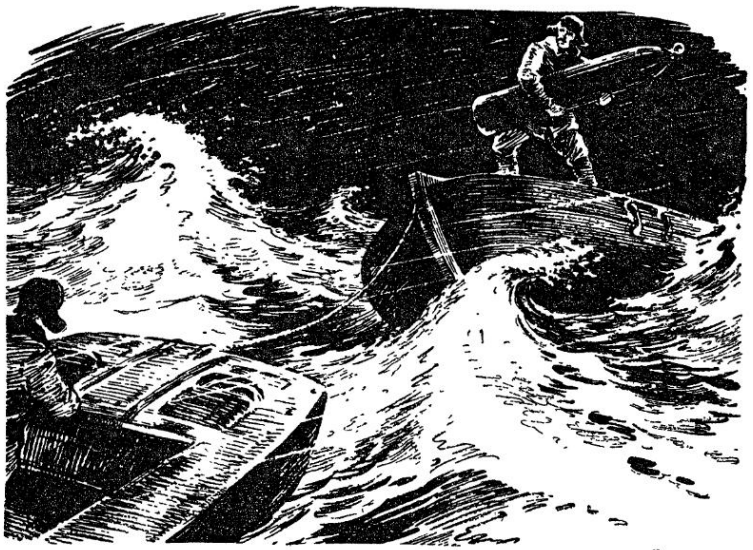
— Так как же я могу, Борис Ефимович? Маяк — дело особое... от полярной станции — отдельный... Да и я, как будто лично заинтересован. Ведь он меня во всех грехах обвиняет.., а я вдруг его выселения стану требовать.

— Эх вы!..— с укором сказал капитан.— А еще начальник полярной станции!.. Вот ваши радисты уплывают вместе с нами, а радиограмму мне еще неделю назад прислали с требованием о вывозе с острова Суетина. Все подробно сообщили, дали тем мне возможность Москве доложить.

— Так значит...— оторопело сказал Хлынов,— вы уже все знали?

— Знал. Только проверить должен был. Вот и проверил. И образину Суетина, мохнатую и липкую выявил и вашу... ложную беспристрастность, товарищ начальник полярной станции. Урок вам из всего этого надо вынести. Здесь у нас — передовой край. И людей таких, как Суетин, здесь тоже терпеть нельзя. Прощайте, Александр Александрович,— уже смягчаясь сказал капитан.— Передайте привет вашей пианистке.

Хлынув смотрел виноватыми, детскими голубыми глазами. Ветер трепал его огненную бороду и гнал вслед нашему катеру снег и сорванную с волн пену.



КАТЕР В МОРЕ

Ветер доставил много неприятностей Денисюку. У острова Угаданкого, где Денисюк должен был работать аэрологом, разгулялся такой прибой, что выгрузка казалась невозможной. Из-за позднего времени года «Георгий Седов» не мог задерживаться. Льды грозили преградить ему обратный путь. Капитан Борис Ефимович вынужден был изменить своей обычной осторожности и вести выгрузку во время прибоя.

Что делалось на берегу, я не знал. Я лишь видел людей, возвращавшихся на пустых кунгасах. На моряках не было сухой нитки. Они грелись разбавленным спиртом. Говорят, что некоторые ящики вылавливали прямо из воды.

Выгрузка велась и днем и ночью.

Капитан не знал, удастся ли ему выбросить на берег все грузы, и установил очередность. Сначала — продовольствие и топливо и в последнюю очередь водородные баллоны.

Вот тут-то и начались неприятности для аэролога Денисюка. Баллоны казались ему самым важным грузом. Без них он не сможет наполнять водородом шарики, которые должен систематически выпускать в течение всего года. Наблюдая за их полетом на разной высоте, можно определить скорость и направление ветра.

Денисюк категорически отказался съехать на берег без баллонов. Я видел, как он, огромный, неуклюжий, мрачно разгу-

ливал по палубе, глядя на далекий остров, пустынный и плоский, с одиноким домиком, который уже начало заносить снегом.

На его широком лице с щетинистыми усами выражалось страдание.

Отправился Денисюк на остров с последним рейсом катера, буксировавшего кунгас с его «драгоценными» баллонами.

Повел катер мой приятель, третий штурман Иван Васильевич Нетаев. К концу рейса капитан все больше доверял ему. Вместо измученного моториста, работавшего двое суток без сна, в этот рейс вместе с Нетаевым отправился старший механик Карташов.

Я понял, какое значение придает капитан этому рейсу, если поручил его своим любимым помощникам.

Когда катер, буксируя кунгас с водородными баллонами, отошел от корабля, налетел снежный заряд. Незаметно он перешел в пургу. Наш «Петушок» пропал из поля зрения. У всех нехорошо стало на душе. Видимость кончалась прямо у борта корабля. Даже вершины мачт скрылись. Остров исчез. Все тревожно прислушивались к замиравшему стуку дизелька катера.

Наконец стук замер.

И вот уже полтора часа, как не слышно катера ни на корабле, ни на острове, с которым мы по радио поддерживаем связь.

Катер не дошел до берега и не вернулся к кораблю.

Каждый из нас мысленно старался представить себе, что происходит сейчас со штурманом Нетаевым, старшим механиком Карташовым и с Денисюком, который был один на кунгасе с баллонами.

Как выяснилось позднее, дизель на катере заглох, когда Иван Васильевич уже видел ориентир — костер, разложенный на берегу.

Рубка, где стоял у штурвала Нетаев, сообщалась с машинным отделением через переговорную трубу.

— Что случилось? — крикнул Нетаев, наклонившись к раструбу.

— Сейчас запущу,— отозвался механик, приземистый, пожилой моряк.

В тесном машинном отделении он склонился над дизелем.

Дизель запускают не заводной ручкой, а сжатым воздухом, впуская его в цилиндры. Баллон со сжатым воздухом лежал на специальной подставке, иначе он перекатывался бы при каждом крене катера, который валяло с боку на бок. «Петушок», потеряв скорость, не слушался руля, и его било теперь волнами в борт.

Карташов прошел всю школу судовой выучки. Он умел,

когда надо, все делать своими руками, за что его особенно ценил капитан.

Механик соединил шлангом баллон с дизелем и повернул кран дроссельного клапана, снижающего давление сжатого воздуха. Стрелка манометра на баллоне дрогнула. Сжатый воздух ринулся в цилиндры.

Карташов дал топливо — вспышка! Еще вспышка! Дизель застучал. Перестал. Опять застучал... И заглох.

— Форсунка засорилась! Надо прочистить! — уверенно крикнул Карташов в переговорную трубку.

Штурман Иван Васильевич тщетно старался поставить катер против волны. Огонь на берегу быстро удалялся. Ветер и течение несли катер в открытое море. Всегда немного нерешительный, Иван Васильевич посмотрел на компас, стараясь хоть приблизительно определить направление своего вынужденного курса.

С матросской сноровкой, цепляясь за поручни на машинной надстройке, штурман прошел на корму, Карташова он не торопил. Он во всем доверялся этому опытному человеку, который и говорил и действовал уверенно.

С кормы катера сквозь летящую снежную стену уходил в полумрак буксирный канат. Кунгас казался темным расплывчатым пятном.

Волны перекатывались через катер. Они клали его набок, а он, наклоняясь, упрямо выпрямлялся, как ванька-встанька.

Снег, липкий и мокрый, бил в лицо, залепляя глаза.

Осветился квадрат люка. Из него показалась голова механика в сдвинутой на затылок кепке.

— Сейчас запустим! — ободряюще крикнул он.

Успокоенный штурман вернулся в рубку и взялся за штурвал.

Но на душе у него все же было нехорошо. Механик запустит дизель... а куда идти?

Не легко в море найти остров. «Седов» его трое суток искал.

На катере не было ни радиопеленга, ни лага, ни карт с нанесенным на них курсом. Когда-то известный советский ученый, анализируя в Ленинграде путь дрейфовавшего во льдах судна, указал местоположение неизвестного острова. Нетаев был теперь рядом с этим островом Угаданным, но не знал, как добраться до него...

Дизель не работал.

— Что там у тебя? — снова крикнул Нетаев в переговорную трубу.

В машинном отделении молчали.

С тяжелым предчувствием штурман выбрался из рубки и взглянул в люк машинного отделения.

Электрическая лампочка тускло освещала широкую спину старшего механика. Карташов обернулся. Нетаев не узнал его

обычно спокойного, уверенного лица. Казалось, что Карташов испытывает сильную физическую боль. Он указал штурману на стрелку манометра.

— Все стравил,— упавшим голосом сказал он.— В баллоне воздуху не было... стрелка манометра застряла...

Нетаев увидел капельки пота на морщинистом лбу Карташова. Тот продолжал чужим, незнакомым Нетаеву голосом:

— Дизеля не запустить. Моя вина. Беру на себя... Стрелка обманула. Горе-то какое, Ваня! — и у Карташова перехватило горло.

С неожиданным спокойствием Нетаев сказал:

— Пассажир ведь на кунгасе... Надо его на катер взять. Кунгас скоро затонет.

Спокойные слова молодого штурмана отрезвляюще подействовали на механика. Он нахмурился, пнул ногой пустой баллон и полез следом за Нетаевым по трапу.

Они выбрались на корму. Липкий снег и брызги летели отовсюду. Через голенища в сапоги заливалась вода.

Моряки ухватились за буксирный трос и с трудом стали тянуть его. Скоро из мглы показалась пляшущая тень. Это был кунгас. На носу его виднелась фигура человека.

Когда нос кунгаса поравнялся с кормой катера, Нетаев крикнул:

— Прыгайте, Денисюк! Трос обрубим!

— Как же так — обрубим? — послышался голос.— Так ведь тут баллоны с водородом!

— Какие там баллоны! — с раздражением сказал Карташов.— Кунгас ко дну пойдет. Разве не понятно?

— То ж понятно,— отозвался Денисюк.— Вполне понятно. Только как же баллоны бросать?

Он выкрикивал слова, то поднимаясь над кормой, то проваливаясь куда-то вниз.

— Прыгайте! — начал сердиться Карташов.

— Так ведь без баллонов ни единого шара не выпустить. То ж не дело! — хрипло протестовал Денисюк.

— Нам кунгас не удержать, он открытый, его зальет волнами,— сдерживаясь, объяснил Нетаев.

— Так вы бы то сразу сказали. А ну! Поберегись!

На палубу что-то грохнулось. Карташов едва успел отскочить. Это упал брошенный с кунгаса баллон. Трудно было поверить, что пятидесятикилограммовый баллон можно было перебросить на такое расстояние. Но Денисюк, огромный Денисюк, в армии удивлявший однополчан-танкистов игрой с двухпудовой гирей, выбрал момент, когда кунгас ударился о корму катера, и перебросил баллон...

— Перетаскивай, Федор Михайлович, в носовую каюту,— сказал механику Нетаев, невольно улыбнувшись изумлению

Карташова.— А я буду их удерживать на палубе, чтобы не нырнули...

Баллоны, похожие на крупнокалиберные снаряды, один за другим падали на корму катера. Слышно было, как хрипло дышал богатырь, поднимавший их со дна кунгаса.

— Денис Алексеевич! Хватит, катер перегрузим! — нерешительно протестовал Иван Васильевич.

— Да то ж мне на целый год... Восемь штук. То не богато. Еще парочку, будь ласков! — И, не дожидаясь ответа, Денисюк с тяжелым вздохом бросил на катер еще один баллон.

Потом он неуклюже прыгнул сам и сразу вцепился в поручни.

— Качает, как на танке... по пересеченной местности. И мутит, ровно контузило,— проговорил он.

Штурман взмахнул топором, обрубил трос. Кунгас взлетел на гребень и исчез в темноте.

Денисюк навалился животом на машинную надстройку. Ему, видимо, было нехорошо.

— Если тошнит, надо работать,— участливо посоветовал Нетаев.— Идите с механиком откачивать воду.

Денисюк, минуту назад бросавший стальные баллоны, теперь расслабленный, едва державшийся на ногах, поплелся в носовую каюту.

Вход в каюту был через рулевую рубку.

За стеклами рубки в темноте ревела вода. С грохотом била она в переборки и двери. Из-под стекол и через порог вода струйками стекала в каюту. Ее надо было вычерпывать ведрами. Денисюк стал помогать Карташову. Работать было трудно. При росте Денисюка ему нельзя было даже разогнуться, но все же работа ему помогала.

Карташов был хмур и молчалив.

Откачивали воду всю ночь, но вода прибывала. К утру поднялся ветер баллов до десяти. Положение катера становилось угрожающим. Он уже не прыгал по волнам. Изнемогая, он то ложился на борт, зачерпывая воду, то вдруг взлетал, готовый оторваться от гребня, а потом снова стремительно падал вниз.

Лишь на минуту спустился в каюту штурман.

— Ну, беда, Денис Алексеевич,— сказал он.— У катера ходу нет, против волн держаться не можем. Воды не вычерпать, сами видите.

— Так что ж? — сгорбившийся Денисюк остановился с ведром в руке.

— Баллоны надо будет сбросить,— сказал Нетаев.

— То ж не дело, товарищи! Мне ж год не с чем будет работать!

— Ничего не поделаешь, Денис Алексеевич,— как бы извиняясь, пожал плечами штурман.

— А если запустить дизель? — вдруг спросил Денисюк.

— Как запустить? — отозвался механик.

— Так вот вам сжатый газ! Двести атмосфер! — и Денисюк пнул ногой баллон.

Карташов удивленно посмотрел на Денисюка.

— Это водород,— веско сказал он.

— Так что ж?

— Рехнулся! — Карташов сердито бросил ведро.— Смесь водорода с воздухом — это же гремучий газ. Если мы будем провертывать дизель сжатым водородом — верный взрыв. От катера щепки останутся!

— Э, ни! — поднял руку Денисюк.— Ты ж меня выслушай! То ж идея! Мы не смешаем водород с воздухом. Мы все всасывающие трубы заткнем.

Карташов отрицательно покачал головой.

— Это нельзя... риск,— и отвернулся.

— Как разумеете. Только баллоны выбрасывать не могу.

— Как думаешь, Федор Михайлович? — нерешительно обратился Нетаев к механику.

— Никогда такого не слыхал,— сердито обернулся тот.— Пятнадцать лет механиком, немало людей выучил... Не могу пойти на этакий риск.

Нетаев задумался. Денисюк, согнувшись, выжидательно смотрел на него. Наконец штурман повернул к нему свое лицо. Обычно мягкое, улыбающееся, оно сейчас побледнело и осунулось. Тонкие черты обострились.

— Почему вы считаете, что можно использовать водород? — с прежним спокойствием спросил он.

— А я ведь в Политехническом учился, только не кончил. Потом танкистом был, с танковыми дизелями возился. Из армии вернулся...— Денисюк отвел глаза,— ни дома, ни родных не нашел. Вот и пошел на курсы, чтобы в Арктику поехать. В общем — знаком я с дизелями.

— Послушайте, Денисюк,— твердо сказал штурман.— Я когда-то проходил в «мореходке» дизеля, но считайте, что я ничего в них не понимаю, и считайте, что сейчас я обязан все понять. Встаньте рядом со мной в рубке, мне надо к штурвалу. Карташов вам будет снизу подавать ведра, а вы выливайте воду на палубу... И объясняйте мне так, чтобы я понял, все понял!

Денисюк внимательно, с уважением посмотрел на невысокого штурмана.

— Добре,— согласился он,— все расскажу.

Волны зелеными вспышками разбивались о стекло. Катерок взлетал вверх, и люди видели близкий зубчатый горизонт, покрытый гребнями волн. Потом катер срывался вниз, готовый перевернуться килем вверх, и люди теряли равновесие, едва удерживались на ногах. Денисюк, ссутулясь, стоял рядом со

штурманом. Он брал ведра, которые ему подавал снизу механик, и выливал воду на палубу.

— Как дизель работает? Слушай, штурман. Первым делом поршень из цилиндра выдвигается и засасывает в него снаружи воздух.— Денисюк протянул вниз руку и взял ведро с водой.— То — первый такт. Потом поршень вдвигается в цилиндр и тот воздух, что туда попал, сжимает. Крепко его сжимает, так крепко, что воздух сильно нагревается. То — второй такт. Теперь третий такт. В цилиндр с горячим воздухом через форсунку впрыскивают жидкое топливо. Оно начинает гореть, образуя газы, а эти газы с силой выталкивают поршень. То — рабочий ход. И наконец последний такт: поршень идет обратно и выталкивает наружу расширившиеся газы.— Денисюк выплеснул воду на палубу.— Потом снова в цилиндр засасывается воздух.— Денисюк взял у Карташова новое ведро, полное воды.

Маленький штурман, бледный, напряженный, держась за штурвал, слушал эту необыкновенную лекцию. Он знал, что катеру в таком положении не продержаться и нескольких часов.

...А сколько времени понадобится «Седову», чтобы найти в открытом море крохотный катер? Пойдя на риск, можно запустить дизель и держаться против волны — кто знает, как долго... Но вот, если взрыв?

— Теперь, как запустить дизель? Очень просто. Мы возьмем и закроем всасывающую трубу.— И Денисюк закрыл дверь в каюту.— Провернем дизель вручную. Поршни весь воздух, какой в цилиндре есть, вытолкнут наружу, а нового не засосут.— Денисюк выплеснул из ведра остатки воды.— Теперь в пустой цилиндр...— Денисюк показал штурману порожнее ведро, — мы вместо топлива пустим сжатый газ из баллона. Сжатый газ вытолкнет поршень. Поршень выйдет из цилиндра, а потом обратно пойдет и расширившийся газ вытеснит наружу, не сжимая его, то есть не нагревая. Теперь снова первый такт. Поршень должен был бы воздух засосать, но ведь всасывающая труба закрыта. И снова цилиндр пустой.— Денисюк потряс ведром.— А тут опять рабочий ход подоспел. Вместо топлива к нам в цилиндр снова сжатый водород попадает. И видишь, он не смешивается с наружным воздухом. Ведро... то бишь цилиндр — пустой... Значит, нет никакой гремучей смеси. А вот когда мы несколько раз впустили в цилиндр сжатый газ, когда дизель раскрутился, тогда мы сжатый водород прикроем, а всасывающую трубу откроем.— Денисюк распахнул дверь.— Карташов, давай ведро.

Карташов высунулся в рубку.

— Послушай, Ваня! Пусть Денисюк — недоучившийся инженер, а я просто практик, судовой механик... Мыслимое ли дело... с водородом и этакие штуки? Я еще с училища помню: водо-

род — взрывчатое вещество. Тебе решать, Иван Васильевич, ты хоть и младше меня, а командир катера. Что до меня...— старый механик замолчал на мгновение, голос у него снова перехватило,— что до меня, так я ничего не имею против... взорваться. Того и стою,— в голосе Карташова зазвучала прежняя уверенность,— того и стою. Виноватым себя считаю... Ванюша, делай, как знаешь,— совсем тихо добавил он.

Нетаев побледнел, но не сказал ни слова. Он должен был решать. От того, понял ли он техническую суть вопроса, зависела жизнь людей и целость маленького судна.

Денисюк и Карташов ритмично вычерпывали воду. Выкачав ее из каюты, они переходили в машинное отделение. Выкачивали оттуда, снова возвращались в каюту, выливая воду через рубку.

Нетаев молчал. Он сжимал в руках штурвал и думал...

Шторм разгулялся.

Даже «Георгию Седову» тяжело приходилось от качки. Радиста едва не смыло за борт, когда он бежал к капитану с радиограммой. Радист схватился за реллинги и с трудом удержался на палубе. Полузадохнувшийся, он распахнул дверь капитанской каюты... вода стекала с его щегольского кителя.

Капитан прочел радиограмму.

— Погода нелетная,— с горьким раздражением сказал он и, одевшись, поднялся на мостик.

Часами он простаивал здесь, обводя биноклем горизонт, но горизонт этот был так близок, что и в бинокле не было нужды.

Туман и ветер, ветер и туман — так бывает только в Арктике.

Палуба уходила из-под ног. Ветер срывал с волн пенные гребни и поднимал их высоко в воздух. Брызги обрушивались даже на капитанский мостик.

Капитан прочесывал море зигзагами. Корабль, разворачиваясь на новый галс, попадал под удар волны в борт и зачерпывал воду палубой. Прежде капитан избегал этого, боялся, что катер и кунгас сорвутся в воду... Теперь капитану было — все равно. Катера и кунгаса на пароходе не было. Волны легко перекатывались через незагроможденную палубу.

— Летит! Летит! — послышался крик.

Капитан резко повернулся. Под низким небом летел красавец самолет.

— Все-таки прилетел! Прилетел Баранов! Ведь это же Баранов! — обрадованно заговорил капитан, и глаза его замигали. Он вынул платок, верно для того, чтобы вытереть забрызганное лицо.

Летающая лодка сделала круг над кораблем. Моряки старались разглядеть в окнах кабины лица летчиков, но их не было

видно. Самолет стал удаляться от корабля, почти касаясь волн. Не успев превратиться в черточку на горизонте, он исчез.

Еще два раза увидели моряки этот самолет, зигзагами летавший над морем, и наконец... получили радиограмму: «Катер в море зюйд-зюйд-вест от вас».

— Право на борт! Живее! — закричал капитан, размахивая сразу вымокшей бумажкой.

«Георгий Седов» стал разворачиваться, снова зачерпнул бортом, но теперь этого никто не заметил.

И через час с корабля увидели катерок. Маленькая точка то появлялась, то исчезала в тумане.

— Против волны держатся! Должно быть, направили дизель,— сказал капитан, глядя в бинокль.

С катера заметили пароход. «Петушок» теперь сам шел к нему, смелый боевой конек, с удалью взлетавший на гребни волн.

— Ай, молодцы! Ну и молодцы! — восхищался счастливый Борис Ефимович.— Герои, чем не герои? — твердил он.

Через двадцать минут моряки обнимали смельчаков, спасших себя и судно.

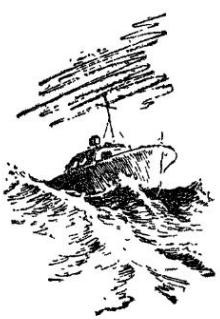
— Сколько баллонов утопили! — сокрушался Денисюк.— Теперь по малой программе весь год работать придется. А я пойду до каюты, отлежусь. Что? Не по-морскому? Так я ж сухопутный, а море-то ваше...

— Вы его не слушайте,— заметил старший механик Карташов,— он, Денисюк, и есть настоящий матрос.

В кают-компании для встречи голодавших столько времени героев был накрыт праздничный стол, но герои еле добрались до своих кают и заснули непробудным сном.

Мы с капитаном зашли в кают-компанию. Буфетчица Катя, боясь, чтобы тарелки не разбились при качке, собирала их со стола.

— Вспоминается мне случай,— сказал капитан,— когда замечательный новогодний стол остался нетронутым... Было это на Большой Земле.



НЕТРОНУТЫЙ СТОЛ

Раздвинутый обеденный стол с приставленным к нему письменным был покрыт двумя белоснежными скатертями. Центральная его часть была уставлена блюдами с залитым сметаной салатом из крабов, открытыми банками сардин и шпрот, тарелками с артистически нарезанными тонкими кусочками колбасы копченой и колбасы вареной многих сортов и сочными, отрезанными от окорока, красовавшегося в конце стола, розовыми кусками ветчины с влажными белыми каемками. Тут же стояло блюдо с ломтиками нежной лососины, которая тает на губах, вазочки с черной блестящей икрой и огромные вазы с розовыми яблоками, тяжелыми грушами и гроздьями столь редкого для Арктики винограда.

Надо всем этим, как немые стражи, высились бутылки, пузатые и граненые графины, в которых отражались сотни электрических лампочек, и заманчивые своими ярлыками бутылочки, окруженные отрядами пустых прозрачных бокалов, готовых к бою рюмок на тонких ножках и рюмочек-наперстков, всегда обиженных из-за обычного забвения, в котором они пребывают за большим столом.

У стола хлопотала хозяйка дома, молодая еще женщина с красивым профилем, узлом темных волос на затылке, в форме капитана медицинской службы. Она украшала стол большой вазой с живыми цветами — хризантемами нежней-

шего фиолетового оттенка. Живые цветы за Полярным кругом под Новый год! Пусть наступающий год будет так же радостен и красив, как эти цветы.

Елена Александровна с благодарностью посмотрела на отца. Это он привез цветы и фрукты, прилетев сегодня утром на самолете из Москвы. Порывисто обняв на аэродроме дочь, он сказал своим привычно властным, отрывистым голосом:

— Чуть до самого министра дело не дошло. Но добился! До лета у тебя буду жить. От всех нагрузок освободился. Тишина нужна... заполярная!

Загорова знала, что отец рассчитывал закончить здесь свой капитальный труд, итог многолетней работы в области «уха, горла, носа», виднейшим специалистом которой был профессор Александр Аркадьевич Полянов.

Александр Аркадьевич расхаживал по квартире дочери, щурился на заманчивые блюда и бутылки и потирал руки. Был он невысок, суховат, почти седые его волосы и пшеничного цвета усы были аккуратно подстрижены.

Майор Загоров, командир эскадрильи военно-морской авиации, в знак взаимного понимания обменялся с тестем многозначительным взглядом. Это был атлетического сложения тяжеловатый мужчина с спокойными, медлительными движениями человека, привыкшего рассчитывать их.

В передней раздался звонок, и хозяин пошел встречать гостей. Вернулся он вместе с контр-адмиралом Фроловым и познакомил его с профессором.

В передней слышались голоса. Там раздевались прибывшие с корабля офицеры. Их жены приехали раньше и приводили себя в порядок в комнате Елены Александровны.

— Опять у нас будет мало дам,— сокрушалась Загорова. Она, улыбаясь, смотрела на плотного, коренастого адмирала.

— Мы уж постараемся, чтобы вам никто здесь не мешал,— говорил контр-адмирал профессору.— Да и вообще у нас тихо. Порой даже скучновато.

— Скуки не знаю. Вот уж чего не знаю, так не знаю,— быстро и отрывисто сказал Александр Аркадьевич.— А разве вам приходится скучать, товарищ контр-адмирал?

Контр-адмирал улыбнулся уголками и губ и глаз. У него было умное широкое лицо, покрытое оспинками.

— Если сказать вам по правде... то не приходится.

— Скука — это неумение приложить свои силы. Если бы я попал на необитаемый остров, то огорчался бы только от отсутствия пациентов.

Контр-адмирал внезапно и оглушительно захохотал. Он смеялся, как умеют смеяться здоровые, непосредственные люди.

Вошли гости. В столовой стало шумно.

Контр-адмирал посмотрел на часы.

— Двадцать три часа двенадцать минут.

В прихожей раздался звонок.

— Черт возьми,— сказал Загоров,— кто бы мог быть? У нас все в сборе.

Хозяин вышел. Через две комнаты в столовую доносился гулкий бас Загорова:

— С ума вы сошли! В такой день! Да ни за что на свете!

Контр-адмирал, думая, что это его вызывают по срочному делу, встал и тихо вышел.

В прихожей стоял невысокий моряк полярного флота, о чем говорила эмблема на его теплой шапке. На рукаве его было четыре шеврона.

— Здравствуйте, капитан! Что у вас случилось, Борис Ефимович? — спросил контр-адмирал, пожимая руку пришедшему.

— Сделаем так,— вмешался летчик.— Раздевайтесь, капитан. Будете с нами Новый год встречать. А там... поговорим!

— Милости просим, Борис Ефимович,— сказал контр-адмирал.— Наши моряки за честь сочтут иметь гостем капитана «Седова».

— Какие уж тут гости, Николай Степанович,— сказал моряк.— Узнал я, что тут находится знаменитый профессор. Консультация срочная нужна...

В дверях стояла Елена Александровна.

— Папу на консультацию? Он ни за что не согласится!

— Вы уж меня простите, не поверю! — решительно сказал капитан «Седова».— Вы сами врач, сами поймете. Я ведь здесь за уполномоченного Главсевморпути, пока «Седов» на приколе... Несчастье на острове Угрюмом. Плохо с начальником острова. Врачи с Дикого консультировали. Серьезные у них опасения. Ведь человек-то какой! Кушаков!.. Иван Григорьевич. Это он обследовал «Землю Полярную»... В недра богатейшие заглянул!.. На карты все нанес. Он и есть первый геолог и моряк Севера! Мечтает в нашей Арктике асфальтированные города и даже курорты построить!.. Человек редкой души. На военном флоте лейтенантом служил...— Борис Ефимович взглянул на контр-адмирала.

— Что же с ним случилось? — спросила Загорова.

— Белый медведь редко нападает на человека, а тут так вышло. Рукопашная... задел он Ивана Григорьевича по уху. Не знаю, как уж Кушаков пристрелил его. И с тех пор пошло дело на «худо». Погибает человек. Врачи Дикого говорят, что консультация с крупным ларингологом нужна. В Москве ночь... встреча... завтра выходной...

— Так ведь я ларинголог. Хотя... когда отец здесь...— Елена Александровна смутилась.— Но мы не можем отпустить сейчас отца с вами на ваш радиоцентр.

— Вот как сделаем,— решительно вмешался контр-адмирал.— Я сейчас дам приказ своим радистам связаться с островом Угрюмым и дать связь через квартиру Загоровых. Профессор, конечно, не откажется помочь.

Капитан «Седова» обрадовался.

— Вот спасибо,— говорил он, освобождаясь с помощью хозяина от пальто.

— Проходите, проходите,— приглашала хозяйка.— Вот хорошо, что вы с нами Новый год встретите!

Контр-адмирал направился к телефону. В столовой шум сразу прекратился. Что-то случилось!

Профессор Александр Аркадьевич, узнав, в чем дело, уселся в мягкое кресло у телефона и тихо расспрашивал капитана «Седова».

— Три недели назад случилось?

Борис Ефимович кивнул.

Чувствовал он себя среди гостей неловко.

— Да, да... Я Фролов,— говорил в трубку контр-адмирал.— Связывайтесь поскорее. Жду, жду... Сколько же мне ждать?

Гости полукругом молча стояли около сидящих у телефона.

Елена Александровна подошла к отцу и присела на ручку кресла, обняв Александра Аркадьевича за плечи.

— Да, да!.. Профессор Полянов тут, у микрофона! — кричал в трубку контр-адмирал.— Неужели нельзя лучше настроиться? Что? Слышимость плохая? У вас всегда слышимость плохая, когда говорить нужно! В прошлый раз Владивосток еле было слышно. Подумаешь, на другом конце земли... На то вы и радисты... Что? Остров Угрюмый? Так. Передаю трубку профессору Полянову. Рассказывайте, что там у вас приключилось.

Контр-адмирал передал трубку Александру Аркадьевичу.

— Что? Как? Ничего не слышу,— раздраженно сказал профессор, привстав с кресла.— Как же я буду их консультировать, когда не разберу ни слова!..

— Папа, ты просто не привык. Позволь мне взять трубку. Я буду передавать твои вопросы и ответы.

— Неужели ты услышишь? Я, как ларинголог, специально обследую твой чуткий слуховой аппарат.

Загорова взяла трубку.

— Остров Угрюмый? Будете отвечать мне на вопросы профессора,— звонко, но не повышая голоса, сказала Елена Александровна.

— Потерял ли сознание больной после удара в область уха?

Загорова повторила вопрос профессора и тотчас ответила:

— Его нашли через час без чувств подле убитого мед-

ведя. Выстрелил во время удара. Зверь напал неожиданно, когда Кушаков вышел в склад, чтобы достать винтовочные патроны и пойти на нерпу. Собак было нечем кормить.

— Это к диагнозу не относится,— ворчливо сказал Александр Аркадьевич.— Шла ли кровь, велика ли рана, какова температура?

Загорова передала, что ушная раковина ободрана, рваная рана идет до затылка, с черепа сорвана кожа. Температура сейчас тридцать девять.

— Пульс? Какое было лечение? Есть ли там врач?

— Врача нет. С Дикого предложили делать сульфидиновые повязки... три недели не позволяли вставать.

— Это хорошо,— сказал профессор.

— Была ли тошнота и рвота? — спросила Загорова.

— Кажется, я это не успел еще спросить,— недовольным тоном сказал профессор.— Впрочем... это как раз и важно знать.

— Вначале не было,— передавала ответ Загорова.— Но в последние три дня появилась. Рвота усиливается, если повернуть голову. Раньше из уха шла кровь... теперь гной.

Профессор покачал головой.

— Попроси показать больному обыкновенную чашку и спросить его, что это такое,— предложил он.

Гости недоуменно зашептались.

Загорова передала распоряжение профессора.

— Чашки у них нет, есть только кружка,— сказала она.

В полной тишине люди мысленно представляли себе, как к лежащему на шкурках больному подносят кружку.

— Они показали кружку. Он говорит: «Это для того, чтобы пить».

— Так,— сказал профессор, снимая очки и протирая их платком: у него оказались голубые, почти синие глаза.— А часы у них есть? Пусть покажут.

— Он ответил: «Это для того, чтобы... время».

— А сахарница? Есть у них сахарница? — говорил профессор, надевая очки и оглядывая приготовленный для встречи Нового года стол.

— Сахарницы нет.

— Ну, а бутылка водки найдется? Пусть покажут больному.

— Вот это непременно узнает,— сказал низким шепотом летчик Загоров.

— Спирт есть. Показали бутылку спирта. Больной ответил: «Это для горького... и жжет».

— Мне все ясно,— сказал профессор.— Поблагодарите больного.

— Можно кончать связь? — спросил контр-адмирал, беря из рук Загоровой трубку.

Профессор кивнул, потом сказал, обращаясь к дочери:

— Амнестическая афазия. Бывает при абсцессе мозга, левой височной доли. Удар был по левому уху?

— По левому,— подтвердил капитан «Седова».

— И как же? — спросил контр-адмирал.

— Очень плохо,— сказал профессор.— Неизбежная смерть, если...

— Если? — разом спросили капитан «Седова» и адмирал.

Морщинистое обветренное лицо капитана и чуть рябое лицо адмирала были одинаково напряжены.

— Если немедленно не сделать трепанацию черепа.

— Нужна срочная операция,— вставила Загорова.

— Это невозможно,— вздохнул Борис Ефимович.— Никакой корабль не пробьется к острову раньше августа. Никакой самолет не сядет сейчас ни на острове, ни около него.

— Значит... приговорили? — медленно выговорил адмирал.

— Я не знаю, я не полярник,— раздраженно сказал профессор.— Не берусь судить, можно ли доставить на остров хирурга, способного провести эту очень сложную операцию... но он там необходим.

Капитан «Седова» поставил локти на расставленные колени и опустил на ладони полуседую голову.

— Какой был это человек, товарищи!.. Такая утрата...

— Не только для полярников,— сказал контр-адмирал.— Для всех нас.

Загорова взяла с празднично убранного стола салфетку и стала мять ее в руках.

— Вася,— тихо сказала она,— а долететь до острова полярной ночью можно? Ты бы мог долететь?

— Если будет задание, долетим.

— Николай Степанович... то есть товарищ контр-адмирал! — сказала Загорова, подходя к адмиралу и вытягиваясь.— Кушакова можно спасти, если хирург спрыгнет с парашютом.

— С парашютом? — спросил профессор, поднимая брови.

— Ах, что вы!..— прервал Борис Ефимович.— Завтра в Москве выходной. Только послезавтра добьешься... Да и есть ли еще такой специалист, который прыгал бы с парашютом?

— Я прыгала с парашютом, товарищ контр-адмирал. Если вы дадите такое задание и летчик майор Загоров доставит меня к острову, я спрыгну.

— Ты? — не удержался от громкого возгласа Загоров.— А как же малышка наш?

В столовой зашумели. Контр-адмирал встал. Был он роста небольшого, но сейчас казался высоким и плотным. От него ждали решения.

Вмешался профессор:

— Это, конечно, похвально! Весьма похвально. Но разрешите задать вопрос капитану медицинской службы. Вы, товарищ капитан медицинской службы, делали подобные операции?

— Нет, папа, я не делала. Но ты научишь меня... Скажи, папа, ты бы мог меня научить... за сегодняшнюю ночь?

— Я? — профессор откинулся на спинку кресла.— Муж должен отвезти... отец научить?

— Это действительно возможно сделать? — спросил адмирал.

Профессор растерянно снял очки и стал их протирать.

— Конечно, это возможно, но...

— Что вам для этого нужно? — быстро спросил адмирал.

— Два-три трупа. Да. Два-три трупа. Сегодня ночью мы могли бы вместе провести на них пробные операции.

— Товарищ лейтенант,— скомандовал молодому офицеру адмирал,— звоните в морги... и в госпиталь. Сейчас же!

— Разрешите готовить самолет? — выдвинулся вперед Загоров.

— Подождите,— остановил его адмирал, но Загоров вышел.

Лейтенант быстро дозвонился по нужным телефонам.

— Докладывайте,— приказал контр-адмирал, который ходил вдоль стола, заложив руки за спину.

Молодой офицер с тонкими усиками отчеканил:

— Трупов нет, товарищ контр-адмирал. Никто не умирал под Новый год.

— Да...— протянул профессор.

В комнату бесшумно вернулся Загоров. Он был в костюме пилота, в мохнатых собачьих унтах.

— Переодевайтесь, майор Загоров,— сказал адмирал.— Полет не состоится.

— Нет, почему же не состоится? — вмешался Александр Аркадьевич, торжественно поднимаясь с кресла.— На остров полечу я!

— Папа, ты? Что ты говоришь! — в ужасе вскричала Загорова.

— Кто может это вам позволить? — мягко сказал адмирал.

— То есть как это — кто может позволить? — запальчиво заговорил профессор.— Я освобожден от всех нагрузок до осени! Нет лучшего, более тихого места, чем далекий остров. Я там закончу свой труд. Осенью корабль зайдет за мной.

Капитан «Седова» выпрямился и восторженно смотрел на профессора. Контр-адмирал молчал.

— Черт возьми! — рассердился профессор.— Почему никто не боялся, когда я летел сюда? Это ведь тоже был перелет в полярную ночь! Почему вы готовы были согласиться на

прыжок моей дочери, хотя она хирург менее опытный? Я готов был научить ее, но... без подготовки ее посылать нельзя, а значит — прыгнуть с парашютом я обязан сам. Это долг врача... и советского человека.

— Простите, профессор,— прервал Загоров,— а вы... с парашютом прыгали?

— Нет, никогда не прыгал.

— Так ведь нужны предварительные тренировки... как и с операцией, Александр Аркадьевич,— осторожно пытался отговорить Полянова его зять.

— Это совсем не одно и то же! Во время тренировки я должен спрыгнуть в первый раз?

— Должны, конечно.

— Так уж если прыгать в первый раз, так я лучше прыгну сразу над островом. Вот так! Научиться дергать за кольцо легче, чем оперировать мозг! Мешки вы сбрасываете с парашютом? Неужели я хуже мешка? Конечно!.. В дискуссии больше не участвую. Поймите, отлично сознаю, кто такой Кушаков и что должен делать на моем месте врач! Врач — это звание, которым надо уметь гордиться!.. Каждый человек, принимая на себя это почетное звание, дает присягу народу не жалеть своей жизни для выполнения долга. Кажется, и у вас в военном и морском уставах так же записано?

— Вы правы, товарищ профессор,— сказал контр-адмирал, горячо пожимая руку Полянову.— Но теперь буду спрашивать я.

— Пожалуйста.

— Сколько вам лет? Какое у вас кровяное давление? В каком состоянии сердце? Какова ваша нервная система?

— Я хирург, товарищ адмирал. Я не знаю, что такое дрожь в руках, хоть мне и пятьдесят четыре года.

— Все же, товарищ профессор, ваша дочь сейчас выслушает вас и доложит мне.

— Разрешите готовить машину, товарищ контр-адмирал? — спросил летчик?

— Готовьте, майор Загоров. Кстати, товарищи,— добавил адмирал, обращаясь ко всем присутствующим.— Перед вылетом летчики не пьют. Было бы не по-товарищески, если бы мы все притронулись к этому столу до возвращения экипажа самолета.

— Точно! — хором подтвердили гости.

Часы показывали четверть первого. Никто не заметил, что Новый год уже наступил.

Гости разошлись. Елена Александровна одна ходила по пустому дому. Иногда она останавливалась перед нетронутым столом, перекладывая салфетки, накрывала перевернутыми тарелками нарезанную колбасу и ветчину, вздыхала и остановившимся взглядом смотрела в замерзшее окно. Где-

то там, в темноте полярной ночи, летел самолет, на борту которого были самые дорогие ей люди.

Контр-адмирал дремал в мягком кресле у телефона. Едва раздался звонок, его рука резко сорвала трубку с рычажка.

— Я Фролов. Слушаю. Что? Профессор благополучно спрыгнул? Полярники нашли его в ста метрах от дома? Ну, спасибо, дорогой! Спасибо за службу! Объявляю благодарность за образцовую связь. Леночка! Слышите? Дайте я вас обниму! Вася возвращается. Скоро будет дома. Сейчас дам всем приказ собираться... Стол ждет!

Капитан медицинской службы, припав к груди контр-адмирала, плакал.

Новый год встречали в ночь с первого на второе января.

На обильном столе, кроме бутылок, стреляющих и не стреляющих пробками, кроме закусок, этого холодного оружия встречи, как шутил контр-адмирал, дымились миски с сибирскими пельменями, с которыми предстояла горячая схватка.

Когда со своего места поднялся майор Загоров, поднялись и все гости.

— Верно, только у хирурга бывает такое самообладание,— говорил командир эскадрильи.— Нам, летчикам, есть чему у него поучиться!

Вошла Загорова. Она сменила форму на изящное шелковое платье и казалась совсем молоденькой.

— Операция удалась, товарищи! Блестяще удалась! — звонко возвестила она.

— Позвольте мне поднять тост,— сказал контр-адмирал.— Тост за замечательных наших людей, из которых каждый способен на подвиг во имя человека и родины. Пусть эти мирные подвиги страшат тех, кто хочет нарушить мир!

За замерзшим окном бушевал в Баренцевом море январский шторм.

ПЛАСТИНКА ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ

Баренцево море.

Качка началась страшная. Чемоданы вырвались из-под койки и вот уже час носились вместе со стулом по каюте. Встать с койки не было сил. Тело взлетало высоко вверх, потом проваливалось в бездну. К горлу подступал комок, зубы сжимались.

И все же предстояло идти в кают-компанию! Капитан Борис Ефимович требовал, чтобы пассажиры непременно являлись к обеду.

Палуба накренялась, убегала из-под ног. Вокруг корабля висел непроглядный туман. Капитан нарочно отошел подальше от Новой Земли, хотя именно на нее держал курс. Он оставался самим собой, Борис Ефимович, неторопливый, выжидающий и все же успевавший сделать за рейс больше всех других капитанов.

Когда я добрался наконец до кают-компании, капитан сидел на председательском месте, невысокий, сухой, подтянутый и, как всегда, приветливый. Он встретил меня веселым, чуть насмешливым взглядом. Я мог утешиться, посмотрев на бодрых моряков, сидевших по одну сторону стола, и таких же жалких, как я, страдавших от качки, пассажиров по другую его сторону.

— Неужели против морской болезни нет средств? — спросил я доктора, с ужасом поглядывая, как моряки принялись за ненавистную мне сейчас еду.

Врач пожал плечами, а капитан ответил за него:

— Есть средство. Мы, моряки, стараемся работать побольше.

— Поставьте нас кочегарами,— взмолился я.

— Смотрите, припомню! — пригрозил капитан и вдруг спросил: — А в шахматы кто тут играет?

Оказалось, что играть умеют все, кроме старшего механика Карташова.

— Турнир, что ли, организуйте,— предложил капитан.

— Какая тут игра! — махнул рукой второй помощник, глядя на наши зеленые лица.

— Не скажите, не скажите,— серьезно сказал капитан.— Шахматы для нас, полярников, большое дело! Они приходят на помощь в очень тяжелых случаях. Вспомните челюскинцев. Раздавленный корабль на дно пошел. Остались люди на голом льду за тысячи миль от жилья. Самолеты в Арктику тогда еще почти не летали. А челюскинцы на льду шахматный турнир устроили. Играть в шахматы можно было только при крепкой вере в помощь, которую пришлет им советская страна. И пришла помощь, пришла... шахматный турнир едва закончили.

— Так вот о шахматах,— капитан загадочно улыбнулся.— Арктическая это теперь игра. Матчи между островами постоянно разыгрываются. А известна была эта игра в древние времена в далекой жаркой стране, в Индии. И пришлось мне недавно в этом самому убедиться.

— Когда это вы убедились? — спросил старший помощник.— Не во время ли последнего рейса, когда торговый пароход на Дальний Восток перегоняли?

— Вот именно. Надо было этот торговый пароход до начала арктической навигации доставить из Архангельска во Владивосток,— начал рассказывать капитан.— Мне это и поручили. Маршрут был интересный. Через Гибралтар, Суэцкий канал. В последний год английского владычества в Индии довелось нам зайти в Калькутту. К вечеру я съехал на берег, побывал у портового начальства, потом пошел посмотреть, что за город. Порт грязный, обыкновенный. Пакгаузы длинные, низкие. Улицы асфальтированные, дома и автомобили европейские, ну, а нищие... местные. На перекрестке полисмен.

Поражала пестрота нарядов. Не нарядная пестрота, а пестрота контраста. Европейцы в белых костюмах и пробковых шлемах и полуголые люди в рубищах, худые, с огромными черными глазами. Медлительные прохожие в чалмах и шумные английские солдаты, береты, рубашки хаки... Прекрасные леди в автомобилях и нищие на панелях...

Мне хотелось приобрести какую-нибудь индийскую безделушку на память об Индии. Я остановился перед витриной

лавчонки, но увидел там только дешевенький товар, конечно, американского, реже английского производства.

Прохожие в Калькутте ходят медленно, часто останавливаются, словно спешить некуда. А впрочем, жарко там.

Сначала я не обратил внимания, что многих идущих останавливал бедно одетый индиец. В руках он держал вечную американскую ручку, которую и предлагал прохожим. Вначале я подумал, что ему хочется продать ее. Один прохожий взял эту ручку. Индиец протянул ему книгу в переплете, и прохожий что-то написал на белом листке.

Хмурый полицейский направился к индийцу. Прохожий завернул за угол. Индиец тоже быстро зашагал. Видно, полицейскому было лень идти быстро в такую жару. Он остановился.

Индиец поравнялся со мной, прямо-таки ожег меня своими чернущими глазами и сказал на английском языке. «Моряк, все люди должны бороться против войн. Подпишите воззвание».

Так вот зачем у него вечная американская ручка!

Я улыбнулся и ответил тоже по-английски: «Благодарю за обращение, но я уже подписал это воззвание».— «Подписали? Уже? — не то удивленно, не то обрадованно сказал индиец.— Где же?» — «В Ленинграде»,— ответил я.

Индиец преобразился, как будто узнал старого знакомого. Он стал трясти мою руку, глядя мне в глаза и улыбаясь.

«Вы русский? Вы советский человек? — взволнованно говорил он.— Как я рад, что вас встретил! Мы так много думаем о вашей стране...»

Полисмен прошелся мимо нас, заложив руки за спину. Индиец не обратил на него внимания.

«Вы первый советский человек, которого я вижу,— говорил он.— Мне бы хотелось... Знаете, возьмите этот подарок. Здесь знаки величайшей мудрости. Законы перемен. Они были найдены при раскопках».

Индиец сунул мне в руку пластинку из слоновой кости с вырезанными на ней рисунками.

Это была тончайшая работа древних мастеров. Как неожиданно исполнилось мое желание!

Индиец простился со мной. Я решил идти на набережную, где меня ждал катер с корабля.

Прежде чем завернуть за угол, я оглянулся.

Индиец остановил группу прохожих и что-то горячо говорил им. Среди остановившихся было двое солдат в беретах. Индиец протягивал вечную ручку. Кто-то взял ручку. Прохожие подписывали воззвание.

Полисмен подошел к ним в сопровождении какого-то человека в штатском и закричал. Индиец возвысил голос, видимо, протестуя. Прохожие тоже зашумели. Английские сол-

даты отошли в сторону. Полисмен и шпик схватили индийца за руки. Индиец вырывался и кого-то искал глазами. Полицейские тащили его на мостовую, он упирался.

Прохожий, у которого осталась вечная ручка, книга и бланк воззвания, что-то кричал вслед арестованному. Полицейский угрожающе повернулся к нему.

Тогда человек, оставивший у себя книгу и ручку, быстро зашагал по тротуару и тотчас остановился перед двумя другими прохожими, протягивая им ручку и книгу с бланком.

Мне нужно было спешить на набережную. Я ощупал в кармане тонкую пластинку из слоновой кости.

— Что же было нарисовано на пластинке? — спросил второй помощник.

— Из-за этого я и начал свой рассказ. Ведь шахматы давно стали своеобразным международным языком. Они пришли из древней Индии. Вот и моя пластинка была украшена золотыми инкрустациями, которые, однако, не были письменами. Изображены на ней были рисунки шахматной доски.

— Где же пластинка? — спросили мы.

Капитан хитро улыбнулся.

— Может быть, я отослал ее в Москву, ученым. Уж верно, она представляла кое-какой интерес. Но, если хотите, я нарисую вам, что было на ней изображено.

— Просим, просим! — зашумели мы.

Откуда-то взялась бумага. Капитан нарисовал на ней четыре аккуратные шахматные доски. На две из них он нанес несколько прямых линий, а на двух других старательно нарисовал шахматные фигуры.

— Вот что было изображено на индийской пластинке из слоновой кости. Я просидел над этими рисунками много ночей, но ничего не придумал. А ведь индус сказал мне о какой-то удивительной древней мудрости, заключенной в этих рисунках. Так вот. Может быть, кто-нибудь из вас откроет эту тайну?

Все тотчас принялись срисовывать себе таинственные рисунки. Каждый решил во что бы то ни стало разгадать тайну индийской пластинки.

Два рисунка совершенно непонятны. Почему шахматная доска перечеркнута какими-то линиями? Что это может обозначать?

Два других рисунка, несомненно, представляли положения из разных шахматных партий. В первой партии белые проигрывают. У короля нет ни одной фигуры, а у черных — слон и конь, да еще сильнейшая проходная пешка. Во второй партии явная ничья. Черная ладья против двух белых связанных коней. Мне бросилось в глаза, что в этих двух позициях, кроме королей, нет ни одной одинаковой фигуры!

Я просидел над индийской загадкой до самого ужина.

Давно у нас в кают-компании не было такого шумного сборища. Говорили только о таинственных рисунках.

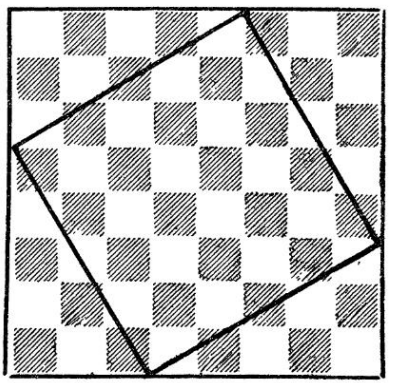
Старший механик к ужину опоздал, и капитан послал за ним буфетчицу Катю, кстати сказать, сильно страдавшую от морской болезни.

Старший механик влетел в кают-компанию с криком:

— Нашел, товарищ капитан! Нашел!

Капитан поднял руку.

— Только после ужина.



Механик принялся за еду.

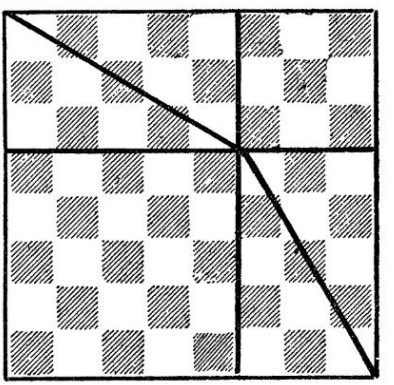
— Я, конечно, человек не очень ученый... Я практик. Но, по-моему, это гениально,— говорил он, уплетая за обе щеки.— Это просто, как бы сказать, вклад в науку!

— Но ведь вы же не играете в шахматы? — вскричал доктор.

— И не требуется,— невозмутимо ответил Карташов.

Ужин был поглощен мигом. Волны ревели за бортом, переваливали наш корабль с боку на бок, а мы сгрудились около старшего механика и слушали его объяснения.

— Вы посмотрите, что нарисовано на первом рисунке. Квадрат. Он касается углами сторон шахматной доски. Из чего состоит вся площадь шахматной доски? Она разбита на этот квадрат и четыре одинаковых прямоугольных треугольника. Вы видите эти треугольники? Они по углам.



— Видим, видим! — закричали мы.

— А теперь посмотрите на второй рисунок. Вы видите эти же треугольники?

— Не видим. Где они?

— Они соприкасаются гипотенузами... попарно.

— Да, да! Верно!

— Треугольники точно такие же, значит, они занимают такую же площадь. Следовательно, оставшаяся на шахматной доске площадь без треугольников на этом втором рисунке точно такая же, как и на первом.

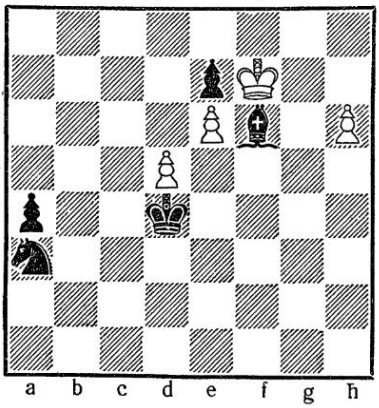
— Конечно, та же самая!

— Ну, а посмотрите, из чего она состоит, что это за

квадраты? — хитро спросил механик.— Один из них маленький — построен на малом катете, а другой побольше — на большом. А теперь взгляните на квадрат первого рисунка! На чем он построен?

— Ох, черт возьми! На гипотенузе! — закричал доктор.

— Это значит, что площадь квадрата первого рисунка равна площадям двух квадратов второго! Так? — спросил механик, оглядывая нас торжествующим взглядом.

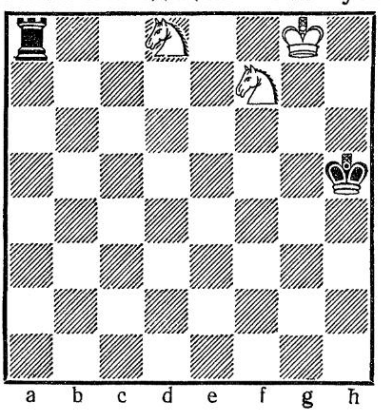


— Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов! — вымолвил я вне себя от изумления.

— Я не слышал о таком доказательстве теоремы Пифагора! — восторженно заявил второй помощник.

— Пифагоровы штаны на все стороны равны. Доказать это мне всегда казалось очень сложным,— признался врач.

— Да, доказательство знаменитого древнегреческого математика, как мне кажется, действительно уступает этой древнеиндийской мудрости,— сказал молчавший до сих пор профессор, участник географической экспедиции.— Это чуть ли не настоящее открытие.



Все мы увлеченно зашумели и тут только обнаружили, что капитана между нами нет. Старший механик был делегирован на мостик, чтобы сообщить о своем открытии.

Я вернулся к себе в каюту и не мог думать о сне. Чемодан по-прежнему старался выпрыгнуть из-под койки, но я не обращал на него внимания. В моем воображении рисовалась таинственная пластинка из слоновой кости, индус с узким темным лицом и пронизывающими глазами и наконец рисунки древнего гениального математика, который, может быть, задолго до Пифагора решал геометрические задачи более простым и остроумным способом, чем все последующие поколения!

Но что за шахматные позиции поставил древний математик рядом со своим замечательным доказательством? Какое уважение к древней игре он имел, равняя ее с геометрией!

Я просидел над индийскими позициями целую ночь, весь следующий день и следующую ночь.

И я все-таки решил индийскую загадку.

Мне открылся целый мир борьбы, неожиданностей, эффектов ярких, как фейерверк, лукавства, хитрости, смелости, точного расчета и тончайшего остроумия.

Мое сообщение об открытии тайны индусской пластинки было сенсацией. Явились все, кто знал шахматы и кто не знал шахмат. Я обещал разгадку одинаково интересную для всех.

Кают-компания оказалась набитой до отказа.

Один лишь капитан находился, как всегда, на мостике. Корабль осторожно подбирался к Новой Земле. Мыс Желания, названный так Баренцем в ознаменование его страстного и неосуществленного желания пробиться через льды на восток, остался севернее. Туман все еще скрывал от нас берег.

Я обвел глазами присутствующих.

— Черные в первой позиции неизмеримо сильнее. Позиция белых безнадежна. Не правда ли?

Все согласились.

— Тем не менее... Они сделают ничью!

— Не может быть! — изумились все играющие, а неиграющие стали торопить меня, чтобы я скорее открыл им тайну пластинки.

Волнуясь, я стал показывать решение удивительной позиции. Даже неиграющие напряженно смотрели на доску.

Они видели, как белая пешка устремилась вперед и, дойдя до последней горизонтали, внезапно превратилась не в ферзя, а в коня!

Они видели, как черные отдали в углу своего слона, чтобы скорее провести свою пешку в ферзи. Но лукавый, вновь родившийся белый конь встал так, что черные, избегая ничьей, вынуждены были поставить не сильнейшую фигуру — ферзя, а ладью.

На глазах у всех начался поединок между ладьей и конем. В момент, когда, казалось бы, все было кончено и белые погибли, последняя белая пешка превратилась снова не в ферзя, а во второго коня.

— Теперь ничья,— уверял я всех.— Черная ладья не может выиграть против двух белых коней! Посмотрите на конечную позицию и на пластинку из слоновой кости! — закончил я *.

---

* Для знакомых с игрой я приведу решение.
1. d6! Kb5. 2. de Kpe5. Черные ждут появления белого ферзя, чтобы уничтожить его, но... 3. e8k! появляется новый подлинный герой предстоящей увлекательной борьбы. 3 ... Ch8. 4. Kpg8, чтобы убрать слона с дороги пешки. Черные допускают это, они решают запереть врага в ловушке. 4. ..., Kp : e6. 5. Kp : h8 Kpf7. 6. h7! Готово. Замысел черных выполнен. Но почему

— Да ведь это же вторая позиция! Она получилась из первой! Это казалось невероятным! — послышалось со всех сторон.

— Переменились все фигуры! Кроме королей.

Действительно, в результате непреложной логики, подобной той, которая применена была в индийском доказательстве теоремы Пифагора, все на доске переменилось. Старые фигуры исчезли, как по волшебству, появились другие, в новом равном соотношении сил.

Все шумно изумлялись выдумке неведомого поклонника шахматной игры.

Когда мы подняли головы от доски, то увидели капитана. Он с улыбкой смотрел на нас.

— Капитан! — воскликнул врач.— Мы благодарны вам за чудесные индийские творения в области математики и шахмат. Это подлинная поэзия!

— Подождите,— прервал я.— Здесь есть еще одна не открытая тайна.

— Еще одна? — удивились все и даже капитан.

— Да! Да! Дело в том, что я берусь доказать, что никакой пластинки из слоновой кости не было!

— Как так не было? — возмутились все присутствующие.

— Не было,— настаивал я.— Мы должны восхищаться не индийской мудростью, а замечательным поэтическим искусством нашего капитана-этюдиста! Я никак не думал, что наш полярный капитан и есть тот мастер этюдов, произведениями которого я так часто восхищался.

Капитан смеялся. Моряки и полярники в изумлении смотрели на него.

белые идут навстречу их желаниям? 6. ... а3. Но теперь неожиданно бросается в бой белый конь. 7. Кd6+. Взять его нельзя. Белым пат! Но черные настолько сильны, что могут даже отдать собственного коня, неизбежно проводя пешку! 7. ... Крf8. 8. К : b5 a2. 9. Кd4. Лукавый конь! Он встал так, что черные не могут поставить ферзя. Белым снова будет пат! Но... вместо ферзя черные ставят ладью! 9. ... a1Л! В бой вошел новый дальнобойный боец, более мощный, чем конь. Но белый конь не теряет времени. 10. Кe6 + Крf7. 11. Кd8 + Крg6. Черные решились. Избегая преследования, они выпускают белого короля. Они увидели далекий финал. Пусть белые проведут своего долгожданного ферзя. Они получат мат в минуту торжества. Но в борьбе выигрывает тот, кто рассчитал на ход дальше. 12. Крg8 Ла8. Черные заносят руку для последнего удара. На появление ферзя ладья возьмет коня и объявит мат! Но... снова отказываются белые от могучей фигуры и ставят второго коня. 13. h8К + ! Занесенная для удара рука задержана. Король вынужден отступить. 13. ... Крh5. 14. Кhf7. Кони стали нерушимо. Ничья.

Черные могли на первом ходу сыграть 1. ... Кc4. Тогда: 2. de Крe5. 3. e8К Ch8. 4. h7! a3. 5. Крg8 Кр : e6. 6. Кр : h8 Крf7. 7. Кd6 + Крf8. 8. К : c4 a2. 9. Кe5!! У белых новый замысел. Их конь бросается в атаку. 9. ... a1Л. 10 Кd7 + Крf7. 11. Кe5 + Крf6. 12. Кd7 +. Черным не избежать вечного шаха. Ничья!

— А ведь не плохое лекарство от морской болезни? — спросил капитан.

— От морской болезни? — все переглянулись.

— В самом деле! А мы и забыли о ней!

Капитан спросил меня:

— Как же вы догадались?

— Очень просто. Ведь черные не могли поставить ферзя, боясь из-за пата связать белого коня.

— Правильно.

— Но ведь ферзь в древние индийские времена не обладал современной дальнобойностью.

— Ох, верно,— засмеялся Борис Ефимович.— А я совсем позабыл об этом усовершенствовании шахмат.

— Вот вам последняя тайна пластинки. Ее не было!

— Ошибка! Дело не в шахматах. Пластинка все-таки есть.— Капитан достал из внутреннего кармана кителя небольшую белую пластинку.

С любопытством мы рассматривали ее. Пластинка из слоновой кости! Золотые инкрустации. Таинственные рисунки. Два из них знакомы нам. Это индийское доказательство теоремы Пифагора. А два других вовсе не шахматные. На одном из них очертания страны — Индии и на нем два скрещенных ножа. На другом те же очертания Индии, но на его фоне... пожимающие одна другую руки.

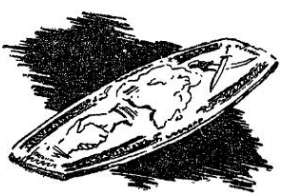
— Вот что подарил мне индиец. Смысл рисунка таков: истинная мудрость, говорят первые рисунки, не во вражде народов Индии, а в их дружбе,— заканчивают вторые. Под впечатлением этих рисунков я составил свой этюд.

— А теорема Пифагора? — спросил старший механик.

— О ней я слышал и раньше. Доказательство было обнаружено при каких-то раскопках. Им увлекался еще Лев Николаевич Толстой. Еще раз простите мою шутку, но она помогла вам вылечиться от морской болезни. Чтобы не страдать от нее, надо найти себе занятие, которое вас поглотит полностью. А я пойду на мостик. Туман раздергивает.

Мы вышли на палубу. На горизонте виднелись горы.

Таинственная земля, столь не похожая на другие полярные земли!



НЫРЯЮЩИЙ ОСТРОВ

— Уж если говорить о шахматах или таинственных землях, так стоит вспомнить о Ныряющем острове.

— Что это за остров?

Так начался обычный для нашего арктического плавания вечер в кают-компании «Георгия Седова».

— Этот остров не значится ни на какой карте,— сказал очередной наш рассказчик, огромный человек с седеющими кудрявыми волосами и весело прищуренными глазами.— Пошло все с приезда геодезической партии, устроившей на моей полярной станции базу. Начальником партии была боевая девица, занозистая, славная, отчаянная, красивая, только не дай бог ей об этом сказать... Звали ее Таней, то есть Татьяной Михайловной. На Большой Земле, говорят, она прыгала с десятиметровой вышки со всякими немыслимыми пируэтами, знала опасные приемы джиу-джитсу и здорово играла в шахматы. Первый ее талант в Арктике, конечно, не проверишь, а вот с другими своими талантами она меня познакомила.

— Обыграла в шахматы?

— Да... и в шахматы. Можно сказать досадно обыгрывала. Я ведь не из слабеньких. И с кандидатами в мастера, да и с мастерами встречался, когда в отпуску бывал. И не с позорным счетом... А вот с ней... Черт ее знает! Или она на

меня так действовала, или курьезным самородком была... Стиль, знаете ли, агрессивный, яркий... жертвы, комбинации и матовые сети... Сети у нее вообще были опасные...— рассказчик замялся, потом добавил: — Может быть, новая Вера Менчик в ней пропала.

— Почему пропала?

— О том рассказ впереди. Я сам посмеяться люблю, подшутить или разыграть... А тут — разгромит она меня да еще и насмехается. Э-эх! Так и сжал бы ее ручищами вот этими, так бы и сжал! И вбила она однажды в свою голову, что должна произвести съемку Ныряющего острова. А островом таким в наших краях назывался не то остров, не то мель... словом опасное место. Иные моряки там на берег сходили, а другие клялись, что нет там никакой земли. Я было пытался Таню, то есть Татьяну Михайловну, отговорить, да куда там! Предложила она мне в шахматы сыграть на ставку. Будь другая ставка, я бы отказался. А тут, если проиграю, то должен ее на остров Ныряющий сопровождать. Посмотрим, говорит, есть ли у этого Богатыря с прищуром что-нибудь, кроме прищура. Ну, я и проиграл. Не то, чтобы поддался, но... одну ее в такое путешествие не хотелось отпускать. Впрочем, может быть, она и по-настоящему у меня тогда выиграла бы. Словом, отправились мы на катере, груженном бревнами плавника, который сибирские реки в море выносят. Опять же ее затея — непременно хотела на Ныряющем геодезический знак поставить. Взяла она с собой хороших ребят и своих и моих. Распоряжалась на моей станции, как хозяйка. Везучая она была. Представьте, нашли ведь мы неизвестный по картам остров. Скалистый, угрюмый, совсем маленький. Если он в самом деле под воду уходит, то напороться на него килем никому не понравится. Нашли мы остров, высадились на него и принялись геодезический знак ставить, целую башню деревянную — прямо маяк. Бревна ворочать — работа нелегкая. Даже на полярном ветру, который начинался, жарко становится. Однако дело к концу... А Таня моя собралась с треногой и геодезией своей на другой край острова — съемки производить. Я, конечно, напросился сопровождать ее в виде чернорабочего — треногу и рейку таскать. На меня глядя, она говорила, что я вполне сам за геодезический знак сойду, если меня на острове оставить. Насмешки ее я покорно сносил и ею совсем не украдкой любовался. Хороша она была в своем ватнике, в мальчишеских штанах и сапогах — закаляла она всегда себя — стройненькая такая, и с косой, которую ветер из-под шапки иногда вырывал. Чудная у нее была коса... Если распустить ее и лицо в волосах спрятать — задохнуться от счастья можно...

Надоели мне рейки, треноги, подошел я и сел около ее ног. Она шапку с меня сбросила и волосы взъерошила. Не пере-

дать вам, что я почувствовал. В Арктике, в пустыне, среди скал одни мы с ней. Никого вокруг!

Кровь мне в голову ударила. Вскочил, смотрю ей в глаза. А они смеются, зовут, ласкают... Или показалось мне все это. Ну сгреб я ее тогда, сгреб Таню мою в охапку, к губам ее неистово прижался. Голова кругом идет, плыву, несусь, лечу...

А тело у нее, как стальная пружинка — твердое, гибкое. Вывернулась она из моих ручищ да как закатит мне пощечину, у меня аж круги перед глазами... Уже не лечу, а упал с высот неясных. Словом, оторопел я, а она... ну, братцы, никому этого не желаю, это похуже шахматного проигрыша! Применила она особый прием джиу-джитсу — против мужчин специально прием такой есть — применила она этот страшный прием... и согнулся я пополам, чуть зайцем не заголосил и на камни повалился. Темно в глазах. Еле в себя пришел. Вижу, она уже далеко, рейку и треногу на плечо взвалила и идет, не оглядывается...

Поплелся я к геодезическому знаку, сам от стыда сгораю. Подошел к ребятам. Слышу она распоряжение отдает, на меня не смотрит. Ушам своим не верю — всем отправиться на базу и вернуться за ней только через два дня. Съемку острова сама произведет.

Ребята пожимают плечами. А я молчу. А что я могу сказать. Чувствую себя последним человеком. Меня она не замечает. Лучше бы мне деревянным знаком, бревном на острове торчать — все бы в теодолит свой на меня посмотрела.

А все-таки взглянула она на меня, взглянула, когда катер от берега отходил! И показалось мне, что улыбаются зеленые ее глаза. Все на свете я забыл, готов был в ледяную воду броситься — к ней плыть.

Все же сдержался. Ледяная ванна мне нипочем, а вот как *она* встретит, каким приемом?..

Долго еще видел ее фигурку на одинокой скале, едва поднимающейся над водой. Смотрела Таня нам вслед, смотрела! А потом остров исчез в снежном заряде.

Ветер все крепчал. Пошли штормовые валы, совсем как крепостные, отделенные глубокими рвами. Катерок наш то набок ложился, то в небо целился, то, очертя голову, в яму нырял. Кое-кому не по себе стало.

На полярную станцию мы вернулись еле живы. Никогда такого шторма на катере переносить не приходилось. Как мы уцелели — я не знаю. Я, признаться, даже радовался, что Тани с нами нет.

Но радовался я преждевременно.

Первое, что я сделал, ступив на землю,— побежал в радиорубку, постарался связаться с Таней по радио; походную рацию она все-таки при себе оставила.

Самым страшным был веселый Танин ответ:

— Нет больше загадки Ныряющего острова! Он понемногу уходит в воду. Осталась только скала и геодезический знак на ней и еще ваша Таня, которая поздравляет вас с географическим и гидрологическим открытием! Уровень воды в проливе зависит не от Луны, не от времени суток, а от силы и направления ветра.

И мне привет передает.

Вот тогда у меня первые седые волосы и появились. На катере плыть к острову и думать нечего, кверху килем мимо проплывем. Но что делать? Как Таню с острова снять, пока он окончательно не нырнул?

Забил я тревогу на всю Арктику. Радиограммы о бедствии даю панические.

Из радиорубки всю ночь не выходил, о сне и думать не мог. Танин бодрый голос я слушал в репродукторе, как голос своей совести. Как мог я оставить девушку одну? Как мог!..

— Все в порядке,— сообщала она.— Могу еще стоять на спине у своего ныряющего чудовища. Стою около знака и даже ног не замочила. Как только ветер кончится возьмусь за съемку. Раньше, чем я не потребую, катера не высылать.

Катера не высылать! О каком катере может идти речь в такой шторм!

И тут я получил радиограмму от капитана Бориса Ефимовича с борта ледокольного парохода «Георгий Седов». Помните, Борис Ефимович, вы приказ тогда получили идти к острову Ныряющему, снять с него геодезистку.

— Как не помнить,— отозвался наш капитан.— Хорошо помню, в какой шторм к вашей полярной станции подошел. Только сумасшедший мог в такое волнение с берега в шлюпке выйти.

— Что ж, я и был сумасшедший,— признался рассказчик.— Шлюпка у самого берега получила пробоину — и не спусти вы катер, мне бы не добраться до корабля.

Капитан усмехнулся:

— Сухой нитки на вас не было.

— Я этого не замечал. Танину просьбу я еще до прихода Георгия Седова получил. Таня сообщила, что вынуждена забраться на геодезический знак и рассчитывает отсидеться на нем до перемены ветра. А пока просит меня организовать ей шахматную партию по радио... с гроссмейстером.

— Обязательно хочу хоть раз в жизни с гроссмейстером сыграть,— и добавила,— пока вода не спадет.

А я понимал, что это была ее *последняя* просьба. И я не мог ее не выполнить. Но и выполнить ее было невозможно. Как связаться с Москвой, как тратить время на передачу ходов, когда нужна постоянная связь с «Георгием Седовым»,

с самолетами, если погода позволит? Как тут быть? Пусть простит мне гроссмейстер Флор, что я осмелился вместо него играть шахматную партию. Я сообщил Тане, что гроссмейстер Флор согласился играть с ней и придет для этого в Радиоцентр Главсевморпути. Ходы будут передавать немедленно через нашу полярную станцию.

Поверьте, эта шахматная партия состарила меня на много лет. Боюсь, что моя игра была не очень высокого класса, но клянусь вам, я играл изо всех сил, потому что боялся, что Таня обнаружит обман.

Но она не обнаружила его. Она играла, не глядя на доску, но отвечала быстро. Милый Флор, он не подозревал даже, что неведомая девушка играет с ним вслепую...

Я ждал ответных радиограмм от Тани с очередным ходом, как вестей жизни... Я понимал, что игрой в шахматы Таня поддерживает себя...

Я холодел, слушая ее ровный голос, которым она сообщила после переданного ее последнего хода, что «остров полностью скрылся под водой»... или: «до вершины знака осталось еще три метра...» или: «забираюсь еще выше, до вершины знака осталось полтора метра». И она еще заботилась, чтобы мы непременно сообщили все подробности океанологам, это будет им так важно, так интересно!

Пока я перебирался с острова на борт «Георгия Седова», слегка вымокнув, как сказал тут капитан, два хода в партии с Таней сделали за меня, вернее за гроссмейстера Флора, мои ребята.

«Георгий Седов» на всех парах шел к тому месту, где недавно был остров Ныряющий. Нам с Борисом Ефимовичем сообщили с моей полярной станции положение, которое сложилось в партии с Таней. Разрешите мне поставить его на доске. Борис Ефимович, вы помните?

— Еще бы! — отозвался капитан.

— Дальше партию с Таней продолжали мы с Борисом Ефимовичем совместно, но... Впрочем, вы сейчас все увидите сами.

Капитан сходил в свою каюту за шахматами. Рассказчик расставил на доске позицию.

— В последней радиограмме Таня сообщила, что забралась на самую вершину знака. Волны задевали ее ноги пенными гребнями. Но она все еще казалась бодрой, и даже радовалась по-детски тому, что не проигрывает гроссмейстеру.

Только тем, что она играла, не глядя на доску, я могу объяснить, что не проиграл ей и даже имел материальное преимущество: ферзя за ладью, не считая пешек. Я полагал это преимущество достаточным для того, чтобы предложить Тане ничью от имени прославленного гроссмейстера. Собственно, такой исход и был моим сокровенным желанием. И вы пом-

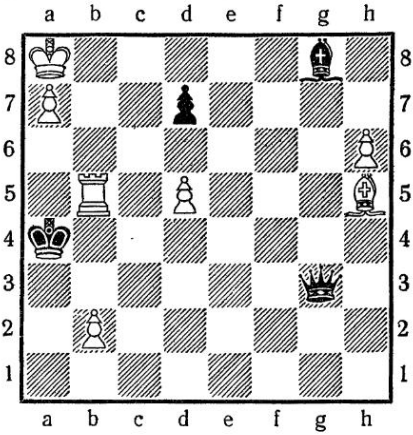
ните, конечно, Борис Ефимович, как Таня отвергла предложенную ей ничью?

— Гордая была,— заметил капитан.

— Нет, не только! Она уже видела все, что должно было произойти... конечно, на доске, а не в море, посередине которого ютилась на верхушке бревенчатого знака.

— Что же она видела? Что задумала? — послышались нетерпеливые голоса.

— Когда вы увидите, то поймете, какой шахматистки мы лишились. Она сообщила свой ход (1. Лb5 — b7). Мы с капитаном обрадовались за нашу противницу. Вот почему она не согласилась на ничью! Лукавая, она грозит матом в несколько ходов! (2. Cdl + Крa5. 3. b4 + Крa6. 4. Ce2 + и мат следующим ходом!) Здорово! Я предложил капитану «зевнуть» эту угрозу и проиграть, но он запротестовал. Гроссмейстер не



может так зевать, когда нет цейтнота, и наш обман раскроется. Пришлось защищаться от озорной угрозы, что сделать было не трудно, имея свободно двигающегося ферзя. Капитан посоветовал сделать ход ферзем (1... Фg3 — e5), чтобы он взял под прицел опасное поле e2, с которого намеревался матовать белый слон. Я сообщил Тане этот ход «гроссмейстера» и еще раз предложил ей от его имени ничью.

Таня ответила, что вода накрывает геодезический знак. От ничьей она отказалась и попросила передать гроссмейстеру привет, благодарность и просьбу поскорее отвечать на ее ходы.

— Как же она пошла? — заинтересовались слушатели.

— Она?.. Ах, да! Она все-таки сделала шах слоном, словно могла заматовать нашего короля. Мы с капитаном решили, что она — в ее положении это было простительно — не заметила, что ферзь держит под ударом нужное ей для слона поле. Мы уверились в этом, когда она один за другим сделала свои

ходы (2. Cg5 — d1 + Kpa4 — a5. 3. b2 — b4 + Kpa5 — a6. 4. Cd1 — e2 + ??).

Таня отдавала «по недосмотру» своего атакующего слона!

Мне было бесконечно жаль Таню, ее последнюю партию... «Георгий Седов» уже блуждал где-то в районе утонувшего острова. Таня была еще жива, она еще ждала ответного хода партнера. Ну, что я мог сделать? Флор обязан был взять слона. И я сообщил, что он берет его (4. Фе5 : e2).

Мы с капитаном стояли на мостике, стараясь увидеть сквозь снежную пелену человеческую фигурку, едва приподнятую над бушующим морем.

Радист взбежал по трапу: я обернулся, спросил хрипло:

— Есть ответ? Жива?

— Да. Она пошла королем. Грозит матом.

— Как матом?

— Ну да, пешка превратится в ферзя.

Снова последовал быстрый обмен ходами

(5. Kpa8 — b8 Фе2 — e5 + . 6. Kpb8 — c8 Фе5 — e8 +. 7. Крс8 — c7).

Собственно, сейчас черным ничего не грозило. Проиграть могла лишь погибающая девушка... С чувством отчаяния я сказал радисту, чтобы он взял слоном пешку (7... Cg8 : d5). Можно было сыграть и по-иному, и, как нашел потом капитан, это вело к нашему проигрышу. Но об этом потом. Я сделал очередной ход просто для того, чтобы поддержать Таню в последние минуты ее жизни.

Но Таня еще жила! Она держалась и на воде и в партии, ответив сразу серией потрясших нас с капитаном ходов, быть может, рожденных небывалым напряжением всех сил, блеском уходящей жизни, почти потусторонним вдохновением. Она начала с того, что отдала последнюю свою надежду, проходную пешку a7. Можно было подумать, что она отдает ее, действительно теряя надежду на все... Но... последовала серия поразивших нас ходов

(8. a7 — a8Ф + Фе8 : a8. 9. Лb7 — b6 + Kpa6 — a7. 10. b4 — b5!).

На этом связь с Таней оборвалась. Рация ее замолкла. Сквозь слезы смотрел я на шахматную доску, которая стояла в штурманской рубке на географической карте, на которой прокладывался курс корабля.

Всмотритесь в эту позицию. Грозит мат ладьей. Нужно или терять ферзя, проигрывая партию, или защищаться от мата слоном (10. Cd5 — b7. 11. Лb6 — a6 + Cb7 : a6) и завершающий удар слабой Таниной рукой, очаровательный, изящный, парадоксальный мат одной пешкой, олицетворяющий собой победу мысли над грубой силой, воли над стихией (12. b5 — b6 мат!).

Я послал радиограмму, поздравляя Таню с поразительно красивой победой. Но Таня не приняла ее, не ответила...

Все долго молчали. В кают-компанию с твиндека доносились голоса, потом они смолкли и слышно было, как шелестели волны о борт, а может быть, мелкие льдины...

Кто-то спросил, робко, неуверенно:

— Как же Таня? Ее геодезический знак? Ее остров?

Рассказчик сощурился:

— Хорошая мысль назвать остров ее именем, только... С тех пор никто ни разу не видел Ныряющего острова. На карте он нанесен Борисом Ефимовичем, как опасная мель...

— А Таня?

— Татьяна Михайловна вышла за меня замуж. Но если вы спросите у нее о том, что я рассказал, она ничего не вспомнит: ни острова, ни знака, ни игранной партии, более того, она даже не знает сейчас ходов шахматных фигур. И она даже будет вас уверять, что я все выдумал.

— Значит... значит, она жива!

— Конечно. Мою Таню, мою изумительную милую Таню «Георгий Седов» вскоре подобрал. Она была без сознания, но все еще держалась за бревна геодезического знака, который смыло с утонувшего острова.

Она была между жизнью и смертью много дней. А когда пришла в себя, то забыла все, все... все, что с ней случилось, и даже шахматы...

— Как? И пощечины не помнит?

Рассказчик улыбнулся, словно ему напомнили о чем-то необычайно приятном:

— Представьте себе игру аномалий, только это и помнит. Медицина плохо разбирается в женской логике.

— Неплохая женская логика — заматовать одной пешкой против ферзя и слона!

— Потемки! — развел руками рассказчик и лукаво улыбнулся.

Он показал, как Таня могла выиграть при другом плане черных

(7. ...d7 — d6. 8. a7 — a8Ф + Фe8 : a8. 9. Лb7 — b6 + Крa6 — a7. 10. b4 — b5 Фa8 — d8 +. 11. Крc7 : d8 Крa7 : b6. 12. Крd8 — e7 Крb6 : b5. 13. Крe7 : d6 Крb5 — c4. 14. Крd6 — e5 Крc4 — c5. 15. d5 — d6 Крc5 — c6. 16. Крe5 — f6 Крc6 : d6. 17. Крf6 — g7 и черный слон пойман. Белые выигрывают).

Через несколько дней наш Богатырь с прищуром сходил на берег. В капитанский бинокль я видел, как катер «Петушок» подошел к причалу, как вышли из него пассажиры. Навстречу тому, кто на голову был выше всех, с берега бросилась тоненькая женщина. Он обнял ее, «сжал своими ручищами», и ее фигурки совсем не стало видно.

Вот она какая, удивительная Таня! А что, если она вспомнит о своем приключении на острове Ныряющем, снова научится играть в шахматы, удивит шахматный мир?

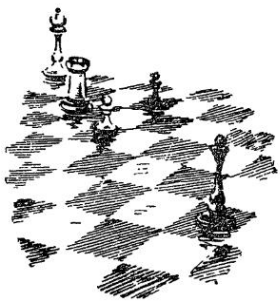
Кто знает!

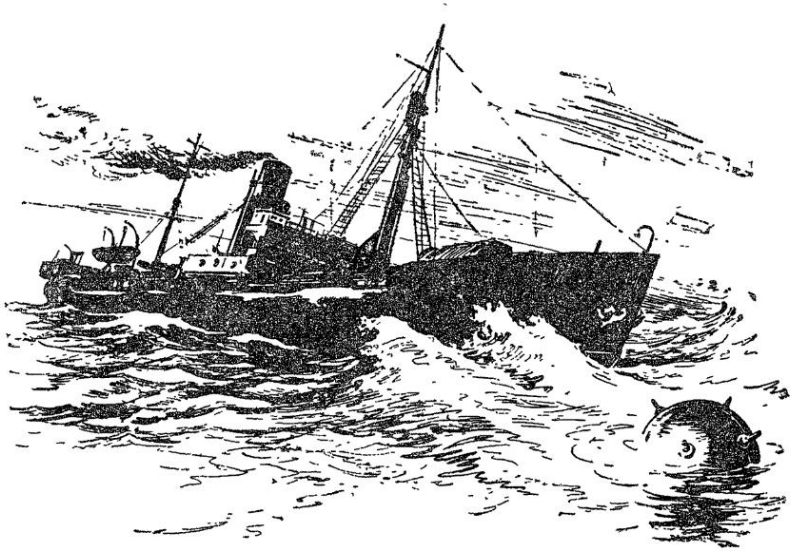
Нас она уже удивила... И не только шахматами...

Я стоял на капитанском мостике, с которого один только раз и то издали увидел Таню...

Арктическое плавание продолжалось. Теперь слева на горизонте виднелись не то тучи, не то горы... Это была уже совсем другая земля.

— Лево на борт! — скомандовал стоявший со мной рядом капитан.





ЛЕВО НА БОРТ!

Предстояло еще зайти в бухту Гавань на Холодной Земле.

Гавань — одно из красивейших мест Арктики.

Горы, видневшиеся раньше на горизонте и похожие на тучи, теперь стали подниматься, расти. Мы приближались к последней полярной земле на нашем пути.

Мой приятель Нетаев был свободен от вахты. Мы договорились вместе съехать на берег.

Корабль подошел уже близко к суровым скалистым горам, седым от снега.

У их подножия приютилась бухта Гавань.

У входа в бухту — черный каменный остров, природный сторожевой форт. Чуть левее его над поверхностью моря взлетают белые столбы пены. Здесь невидимые камни, о которые разбиваются волны.

Борис Ефимович мог бы быть лоцманом в любой бухте Севера. Он уверенно проводит корабль узким, ничем не отмеченным фарватером.

Фонтаны взмывают вверх почти под самым бортом. Черные камни показываются из воды, словно морские звери. Лишь на мгновение видны их лоснящиеся тела.

Могучие серые скалы, голые, неприступные. Растительности никакой. Налево, на берегу, домик фактории, направо полярная станция.

От берега отчалил маленький береговой катер и идет к нам навстречу.

Но что это за пестрая цветная полоса сползает к морю из расщелины?

— Это ледник,— объяснил мне Нетаев.

Какой странный ледник! Он не похож ни на один из гладких, покрытых снегом ледников, встреченных нами раньше. Только в местах, где отламывался айсберг, виднелся зеленоватый излом льда.

— Мы посмотрим поближе,— пообещал Нетаев.

Катер отвез нас на узкую косу, отделяющую большую бухту от малой.

Вместе с Нетаевым мы отправились к леднику — он сползает в малую бухту. На неглубоком снегу оставались наши следы.

Поднявшись на косу, мы увидели бухту и... удивленные, остановились. Что это такое?

На спокойной воде плавали странные льдины. Они были самых неожиданных цветов — зеленые, ярко-синие, голубые, белые, даже черные. Форма льдин была столь же необычна, как и цвет.

Эти диковинные льдины заполняли тихую бухту, неведомо откуда появившись в ней.

— Отламываются в воду плиты ледника,— сказал мне Нетаев.

С нашего возвышения был хорошо виден весь ледник: издали он казался ребристым, как батарея парового отопления. Он весь состоял из вертикальных, неровных, смерзшихся между собой плит разной окраски. Пестрая ледяная река сползала с горы.

Подойдя ближе, мы увидели свисавший над морем конец ледника.

Раздался гулкий удар.

— Ледник «отелился»,— сказал Нетаев.

Одна из вертикальных плит отломилась и упала в воду. На мгновение вновь рожденный ледяной «теленок», как говорят полярники, нырнул и снова появился на поверхности.

Некоторые цветные льдины прибило к берегу. Мы с Нетаевым с любопытством рассматривали их. Они состояли из прозрачного, как воздух, льда и вблизи не имели такого цвета, как издали. Но в самом льду можно было рассмотреть множество крупинок, по-видимому разноцветного песка. Они-то и придавали ледяным глыбам неожиданную окраску.

— Чудеса,— качал головой Нетаев.— Похоже, что ледник, там, вверху... вроде как из разных ледяных струй сливается.

— И каждая струя своего цвета?

— Может быть, каждый ледяной ручеек по разноцветным глинам проползает, вот крупинки-то и попадают в лед. Смот-

рите,— и Нетаев показал мне на льдину, которую мы только что рассматривали.

А я смотрел на Нетаева. Его голубые глаза были радостно расширены, лицо улыбалось.

— Я для того и моряком стал,— неожиданно сказал он,— чтобы чудеса эти видеть. Люблю море. Но еще больше люблю берега. Чего только не увидишь на них! Вот и вы за эту навигацию насмотрелись... А я всю жизнь плавать буду. И не просто берега буду видеть, а увижу, как они станут меняться. Скажем, здесь курортную гостиницу выстроят. Наверняка буду водить сюда пассажирские пароходы с туристами со всего Советского Союза! А на той стороне бухты, может быть, завод какой-нибудь или рудник построят.

Вместе с Нетаевым мы шли обратно к причалу, где катер уже ждал нас. Я приглядывался к своему спутнику. Прежде мне казалось, что моряки обязательно любят штормы, ветры, море... Но вот, оказывается, они могут еще любить берега.

— Или еще Камчатка! Удивительная страна,— продолжал Нетаев.— Там я видел, как зимой среди снега... трава растет. Около горячих ключей! Или взять хотя бы уссурийское побережье. Ну, знаете... Я и в Индии бывал, когда «Сухуми» из Архангельска во Владивосток перегоняли... Представьте, в Уссурийском крае и индийские деревья и наши сосны рядом растут. Даже растения наши — и те дружат. А какие там сейчас города! Вы в Комсомольске не бывали? А возьмите Сахалин! Ох, и богатство! А Владивостокскую бухту знаете? Город весь амфитеатром... и отражается в бухте Золотой Рог!

Я никогда не слышал, чтобы Нетаев, всегда скромный и молчаливый, так увлеченно говорил.

Когда корабль выходил из бухты Гавань, я смотрел на пустынные берега, и мое воображение рисовало красивые многоэтажные отели, а напротив — заводские трубы и причалы с портовыми кранами. Будет все это! Непременно будет!

Горы Холодной Земли удалялись и скоро слились с волнистым горизонтом.

«Георгий Седов», покрыв за одну навигацию свыше полутора десятков тысяч километров, побывав в ряде труднодоступных районов, возвращался в Архангельск.

Моряки вспоминали о доме, о женах и детях. В каютах перебирали чемоданы.

Осенние бури в Баренцевом море — страшные бури.

Корабль давно качало. Полярные моряки, как я уже знал, в таких случаях пользуются близостью льдов. В них можно спрятаться от сильной качки. В Баренцевом море льдов не бывает и укрыться там негде.

Наш корабль сразу, казалось, уменьшился в объеме. Волны поднимались выше капитанского мостика.

Начинался шторм. Дул холодный ветер. Температура резко упала.

Я провел беспокойную ночь. В каютах койки обычно располагают перпендикулярно борту. Тогда боковая качка не сбрасывает с койки. Я же жил в салоне капитана и спал на диване, который не был на это рассчитан. При каждом крене мой диван наклонялся вбок, и я едва удерживался на нем. Приставить стул нечего было и думать. Стулья вместе с чемоданом гуляли по каюте, как хотели. Я устал воевать с ними и махнул на них рукой.

Капитан в мокром брезентовом макинтоше заглянул ко мне и научил, как надо спать в шторм. Лежать можно только на животе, расставив локти и ноги. Я попробовал лечь так, как посоветовал капитан, и почувствовал себя устойчивее.

На стене качался маятник. В необычайном для маятников размахе он медленно отклонялся то в одну сторону, то переходил через вертикальную черту и, почти поднимаясь по стене, откачивался в другую. Он словно принадлежал каким-то необычайно тихоходным часам. Это был прибор, указывающий крен корабля.

Крен был поразительный. Он доходил до сорока пяти градусов.

Утром, измученный, я выбрался на палубу.

Ветер дико свистел. Стоять, не держась за что-нибудь, было нельзя. Я схватился за первые попавшиеся поручни. Они были покрыты льдом. Слой льда лег на все: крыши ларей, стоявших на палубе, реллинги, вентиляционные трубы. Покрыты льдом были и снасти и сами мачты. Наш обледеневший корабль, ежеминутно окачиваемый водой, которая тут же замерзала, тяжело переваливался с боку на бок.

Было очень холодно, я вернулся в каюту, чтобы одеться потеплее.

Выйдя вновь, я заметил толстый трос, тянувшийся над палубой. Раньше я его не замечал. Потом я сообразил, что это антенна, покрывшаяся льдом. Едва я подумал, какая тяжесть висит на проводе, как огромная волна ударила в борт, окатила меня с ног до головы. Пена разбилась о пароходную трубу, что-то звякнуло, по палубе словно стекло рассыпалось.

Взглянув вверх, я увидел, что антенны больше нет... Она порвалась.

Я хорошо знал, что значит радио для корабля. Лишенные антенны, мы, носясь по штормовым волнам, потеряли уши и голос.

Радист Иван Гурьянович, в своем неизменном щегольском кителе, выскочил из радиорубки. Он посмотрел наверх. Его глаза тревожно забегали.

Я прошел за палубную надстройку, чтобы подняться на капитанский мостик.

Ветер ударил, навалился на меня. Я вцепился в протянутый вдоль палубы штормовой канат.

Двигаться можно было только перебирая руками по канату. Я совершенно вымок, пока добирался до трапа, чтобы подняться на мостик. Ступеньки трапа проваливались подо мной. Я чувствовал, что мое тело теряет вес, будто я нахожусь в клети шахты, сорвавшейся вниз.

На мостике капитана не было. На вахте, накрывшись брезентовым плащом, стоял Нетаев.

Было странно, что Бориса Ефимовича не было здесь. В такие минуты он всегда бывал на посту. Неужели он теперь настолько доверяет своему штурману? Невольно вспомнилась первая вахта Нетаева, когда мы с ним пересели на «Георгия Седова». Корабль тогда проходил через льды. Помню, как капитан, взбешенный неловким ударом о льдину, разносил Нетаева и показывал ему, как надо вести корабль.

— Право на борт! Не спите! — кричал он тогда рулевому непривычно сердитым голосом.

Я посмотрел на рулевую рубку. Всех рулевых я знал в лицо. Моряк, стоявший за штурвалом, показался мне незнакомым. Но в следующее мгновение я узнал его.

Это был капитан. Не доверяя никому, он сам стоял вместо рулевого.

Вскоре я понял, чем это было вызвано.

Корабль не слушался руля. Вскидываемый вверх и вниз, ударяемый в борта волнами, теряя ход, когда винт его беспомощно вертелся в воздухе, он очень плохо повиновался рулю. Нужно было особое искусство, чтобы как-нибудь справится с наполовину потерявшим управление судном.

По трапу взбежал радист в мокром кителе и доложил капитану о потере радиосвязи.

— Вот беда-то...— сказал капитан...— Только вы, голубчик, не вздумайте в такую качку на снасти лезть.

— Но ведь нас потеряют! Подумают, что погибли. Вы разрешите, Борис Ефимович...— настаивал радист.

— Нет! Запрещаю! Конечно, там в штабе поволнуются, но я жизнью своих моряков рисковать не буду. Вот выйдем из шторма...

Огорченный радист ушел, широко расставляя ноги, чтобы не упасть.

— Снасти-то обледенели, а мачту раскачивает. Вы только поглядите...— словно оправдываясь, сказал мне капитан.— А нам из этого района нужно полным ходом, ни минуты не задерживаться...

Он пристально смотрел вперед, все время поворачивая колесо штурвала то в одну, то в другую сторону.

Чтобы не мешать капитану, я подошел к Нетаеву.

Молодой штурман обменялся со мной быстрым взглядом,

указав глазами на рулевую рубку. Никогда в жизни он не нес вахты с таким квалифицированным рулевым, которым не приходилось командовать.

Кстати сказать, в дореволюционное время Борис Ефимович много лет плавал простым матросом. Советская власть дала ему доступ в мореходное училище и выдвинула в командиры корабля.

Вдруг Нетаев бросился вперед, вцепился руками в реллинги!

— Лево на борт! — громко закричал он.

Удивленный этим окриком, капитан все же стал быстро перебирать рукоятки штурвала. Он повиновался команде.

— Еще лево! Быстрее! Не спите! — громко командовал младший штурман.

По всей фигуре капитана, по его быстро действовавшим рукам я понял, каких трудов стоило ему повернуть корабль, винт которого то и дело оказывался в воздухе.

Я посмотрел вперед, куда неотрывно смотрел Нетаев.

На гребне волны, перед самым носом корабля, я увидел плавающую мину. Немецкая! Со времени войны затерянная в волнах.

Шарообразная, с шипами ударников, торчащими в разные стороны, она казалась необычайным морским животным, всплывшим на поверхность.

— Мина! Лево на борт! Лево! Лево! — кричал штурман.

Он схватился за рукоятку машинного телеграфа:

— Стоп! Полный назад! Полный назад! Право руля! Не спите! Черт возьми! Право на борт!

Мина была под самым носом корабля. Кто знает, откуда сорвало ее, сколько времени носилась она по волнам, чтобы встретиться сейчас с нами в десятибалльный шторм, когда корабль не слушается руля.

Нос корабля оказался чуть левее мины... Но она заденет о борт, заденет!

— Полный назад! Давай полный назад! — закричал из рулевой рубки капитан.

Но штурман уже сам успел дать эту команду в машинное отделение.

— Право на борт! Теперь право на борт! Быстрее! — в свою очередь командовал он.

Волна подбросила мину. Она поворачивалась... Ее шипы походили на обрубленные щупальцы.

— Стоп! Полный вперед! — передвигал рукоятку машинного телеграфа Нетаев.— Лево на борт! — крикнул он капитану.

Мина прошла под самым бортом корабля. Я бросился к боковым реллингам, перегнулся через них и смотрел на страшный шар, мысленно измеряя до него расстояние.

Нетаев, тоже перегнувшись через реллинги, стоял рядом со мной. Он достал платок и стал вытирать мокрый лоб.

Мина была уже у кормы.

Капитан, передав штурвал рулевому, подошел к нам.

Нетаев вытянулся. Лицо его покрылось румянцем.

— Извините, Борис Ефимович...

— Ладно,— махнул рукой капитан.— Молодец! Где радист? Дать сюда радиста! Боцмана сюда, он у нас лучший верхолаз.

Радист мигом предстал перед капитаном.

— Антенну! Чтоб через четверть часа была антенна!

— Вы же сами запретили, Борис Ефимович!

— Лезь на мачту, закрепляй, как хочешь, но чтоб была антенна. Я сам по вантам полезу.

— Что вы, Борис Ефимович... позвольте мне,— вмешался Нетаев.

Радист, капитан, боцман и еще несколько моряков взялись за восстановление антенны. Капитан сказал:

— Надо сообщить о мине тральщику. Тральщик недалеко от нас шел. Он должен ее найти и уничтожить. Сейчас радио нужно не нам, а всем кораблям, всем, кто в море с проклятой миной может встретиться... И радио должно быть!

Пятидесятилетний капитан с поразительной ловкостью забрался по обледеневшим вантам. Мачта, за которую он уцепился, наклонялась во все стороны. Ее верхушка с прилипшей к ней фигуркой описывала огромную дугу, оказываясь над волнами то с одного, то с другого борта корабля.

Пока Борис Ефимович и помогавший ему радист висели на обледеневших снастях, натягивая антенну, Нетаев по приказу капитана держал корабль в виду мины.

Я забыл о качке, о ветре, о холоде, с тревогой наблюдая за рискованной работой моряков.

Наконец капитан опустился на палубу, радист бросился в радиорубку.

— Давай тральщику пеленг — пусть идет сейчас же к нам, плюет на волну!..— кричал ему капитан.— Вот теперь надо согреться,— сказал он мне своим обычным приветливым голосом.

Мы сидели в его каюте. Одеревеневшими, синими пальцами капитан набил трубку, закурил и налил себе стакан коньяку.

Он затянулся дымком, потом выпил до дна весь стакан, зажмурился, открыл глаза и тихо, как бы показывая фокус, выпустил клуб дыма...

— Вот это по-полярному... А теперь пойдем к штурвалу,— сказал он и поднялся на мостик, чтобы снова сменить рулевого.

Вызванный по радио тральщик подошел к нам через два часа. Все это время наш корабль делал круги вокруг мины,

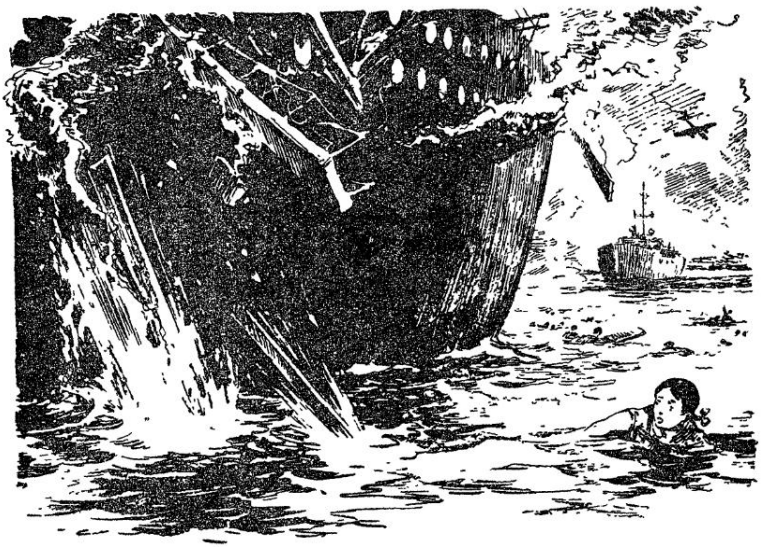
словно карауля ее Всякий раз, когда, поворачиваясь, корабль становился бортом к волне, я думал, что мы перевернемся. Маятник, отмечавший крен корабля, показывал что-то невероятное. Кунгас сорвало и унесло в море. Катер «Петушок» еще стоял на месте, матросы укрепляли его.

Взлетая на волнах, маленький тральщик приближался к нам. Капитан дал приветственный гудок. Он передавал тральщику найденного опасного зверя.

«Георгий Седов» взял прежний курс на юго-запад. За нашей кормой мы видели тральщик. Он подкрадывался к мине.

Вдруг раздался взрыв. Над темными волнами взвился куст черного дыма.

— Готово! — облегченно сказал Борис Ефимович, перебирая ручки штурвала.— Радист! Иван Гурьянович... ты как? Согрелся? Тогда пошли приветственную телеграмму военным морякам. Спасибо передай от всех полярных капитанов. Ну, а мы,— обратился он ко мне,— пойдем в кают-компанию на последний наш вечер «Северного Декамерона».



ВЕРА В ЧЕЛОВЕКА

В кают-компании собрались в последний раз. Завтра — Белое море, хлопоты перед окончанием арктического рейса, завтра уже не до рассказов...

Особенно людно было сегодня в кают-компании. Не всем хватило обитых кожей старинных стульев. Кое-кому пришлось подпирать спиной переборки с деревянными панелями.

Много я слышал здесь рассказов о мужестве, силе, храбрости, о находчивости, даже о небывалом страхе, о подвиге, о дружбе и любви, коммунистической совести, о необычных буднях в ледовом краю...

— Ну, как это полагается, напоследок надобно рассказать о чем-нибудь самом большом, что только с человеком случилось... Кто бы нам об этом рассказал? — обратился к присутствующим капитан.

Моряки и полярники жались, никто не решался брать на себя «рассказ о самом большом»...

И вдруг Марина сказала, что хочет рассказать о самом большом потрясении, какое перенесла в жизни.

Я видел ее и раньше, но она никогда ничего не говорила. Маленькая, застенчивая, с порывистыми движениями южанки, с приятными мелкими чертами смуглого лица, темноволосая, но со светлыми глазами, ясными и быстрыми...

И вот теперь Марина решилась. Она решилась и, должно быть, сама испугалась, зарделась вся. Стала говорить, невольно помогая себе руками.

— Раньше я никогда бы не поверила, что могу вот так с вами плыть на корабле по Баренцеву морю... Я боялась моря, страшно боялась... я даже не могу передать, как я его боялась. У нас в детском доме все девочки были как на подбор, хотели на самое что ни на есть трудное пойти, в горы... или в степь... А я в Арктику давно решила. Всем сказала, а сама даже не знала, как я смогу в Арктику попасть, если моря боюсь. Говорят, какой-то знаменитый летчик боялся высоты. Но у него была такая воля, что он заставил себя стать знаменитым летчиком. У меня, конечно, никакой воли не было, я просто хотела... нравилось мне в Арктике, в снегах... тишина... У меня кровать у окошка стояла, я ночью выглядывала и представляла, что уже в Арктике. Только, конечно, для Арктики я не годилась.

А моря бояться я стала вот почему. Я была в Артеке совсем еще маленькой, самой там младшей... А папа с мамой из Москвы приехали отдыхать к родным в Одессу. Какое тогда лето было хорошее!.. И вдруг война. Даже страшно вспомнить. У нас рядом с Артеком что-то было, не знаю, но только немецкие бомбы все на наш Артек сыпались. Мне так жалко было Артека, что я плакала. Потом нас, детей, отправили в Одессу. Меня мама, перепуганная, суетливая, шумная, встречала, а папа даже не поехал в Москву, в Одессе в военкомат явился. У меня папа замечательный был, я его даже больше мамы любила. Большой-большой, под самый косяк двери. И добрый. Мама у меня черная была, а папа светлый. У меня его глаза. Он был самый красивый, самый лучший. Я так была уверена. Я очень плакала, что он меня не встретил.

Потом очень плохо было в Одессе. Пожары... гарью пахло... Мы с мамой кирпичи помогали разбирать... На носилках людей проносили... И все время воздушные тревоги. Железные дороги никуда не везли. Везде были немцы. Только море наше было.

В Одессе должны были одни герои остаться, а нас всех, много тысяч человек погрузили на красивые теплоходы: «Ленин», «Ворошилов» и «Буденный». Мне очень нравилось по палубе бегать. Люди кричали: «Девочка! Как тебе не стыдно? Тут такое вокруг, а ты...» А мне спать не хотелось. Мы из порта вышли ночью. Город горел. Было страшно и красиво...

Утром мы проходили мимо Севастополя. Гористый берег — зубцами... Небо было все в клубочках дыма. Это очень стреляли с наших военных кораблей. Немецкие самолеты юнкерсы сбрасывали бомбы или торпеды, не знаю. Только я сама видела, как теплоход, который шел перед нами, взорвался... Как

игрушечный, далеко-далеко... покрылся дымом — и не стало его...

А потом и в наш корабль мина попала. Я так кричала, что не слышала даже взрыва. Куда ни взгляну — везде огонь. И мамы нигде нет... Потом кто-то, я не знаю кто, схватил меня, напялил на меня что-то пробковое и стал с палубы сталкивать. Я визжала, брыкалась, мне очень страшно было, а он все-таки выбросил меня за борт. Многое я забыла, а этой минуты забыть не могу. На воде плыву, почти рядом борт корабля, высокий, как стена дома, только без окон... иллюминаторы кругленькие очень высоко... И развалился вдруг этот дом... одна стена в одну сторону, другая — в другую... Меня завертело в воде, я не знаю как... Это было самое страшное в моей жизни, а все-таки не самое страшное.

За нами следом баржи шли, тоже с людьми. Они стали подбирать из воды кого могли... Говорят, из всех тысяч человек только двести подобрали. Ну и меня...

А мамочки моей не подобрали. Не было нигде ее. Она, наверное, полная, растрепанная, бегала по палубе, шумела, все меня искала, пока... Ой, не буду вспоминать.

На барже было страшно тесно. Мы только стоять могли, сесть нельзя было. Какая-то женщина все меня по голове гладила и плакала. Я уже не плакала, а только дрожала. Как сейчас помню, будто от холода, а день очень теплый был...

В Ялте на пристани меня вдруг встретил папа. Я закричала и в грудь ему уткнулась. Он был какой-то солдатский незнакомый, но это был папа — большой, сильный.

А мамы у нас уже больше не было.

И мы целый вечер и даже ночью ходили по набережной и потом по пляжу и ели сливы. С папой я даже моря не боялась.

Папа утром должен был снова отправиться в часть. Он отпросился на день нас с мамой встретить, а встретил только меня.

Я на гальке спала, голову ему на колени положила, он шинелью меня прикрыл. Я сначала на звезды смотрела, на море, темное, страшное, я не хотела смотреть... его подбородок видела, он о чем-то долго-долго думал, он не спал, я знаю, он только меня баюкал...

А утром я его провожала. Как большая. Я сказала, чтобы он шел биться с врагом. Хотела его поцеловать, на цыпочки привстала и никак достать не могла. А он опять о чем-то задумался. Потом ко мне нагнулся и даже от земли приподнял. А кругом толкотня... военные, женщины, дети... многие плачут и все торопятся...

И папа уехал. Я была уверена, что он может любого врага пополам сломать, потому что он очень рассердился. А так он добрый был как никто.

Три дня я в Ялте жила, нас никак не отправляли. И письмо мне туда пришло, треугольничком сложенное... страшное письмо.

Папа мой геройски погиб, защищая Родину.

Я не плакала, несла это письмо, словно боялась уронить, и пришла на то самое место, где на коленях у папы спала. Села спиной к морю, которое маму отняло, и стала думать о папе. И никак я представить себе не могла, что папы больше нет. Не могла я этому поверить, потому что он был такой хороший и большой.

А потом меня отдали в детский дом. Я никогда не ела грибов, мама их не любила, а тут сразу заставили есть грибы, они были большие, плавали в супе, как медузы какие... Я их не ела, а меня дразнили: мамина дочка. А я уже никакая мамина дочка не была, не было у меня больше мамы... а в то, что папы у меня больше нет, я не верила.

А потом поверила... Много лет прошло... Я уже об Арктике мечтала и десятый класс в детдоме кончала. Нас первых оставили в детдоме до десятого класса учиться. Мы об этом письмо писали... А раньше после седьмого класса уходили в техникумы, в училища или на работу...

А я не только моря, даже реки боялась. Никогда не купалась, на лодке не плавала, по мосту шла — вниз не смотрела.

Боязнь эта у меня только и осталась от прошлого... Мама, папа — это непостижимо давно было и как в тумане... на море и ночью... звезды и подбородок папин виден... и солдатское что-то в папе...

А я уже большая стала, училась на метеоролога. Если страх свой перед морем не пересилю, решила в горах на метеостанции жить. Но хотела в Арктику. Мне еще в детстве Арктика и Артек созвучными казались... И тогда ночью на пляже я папе Арктику пообещала...

Исполнилось мне восемнадцать лет. Может быть, другие меня еще девчонкой считали, но я себя в первый раз в жизни взрослой почувствовала. Я должна была участвовать в выборах в Верховный Совет... И была очень горда, что меня на агитпункт помогать взяли.

Списки проверять... Может быть, кому это и скучно, а мне... Я за каждым именем старалась человека представить. Фамилии всякие, и простые и замысловатые, многие по нескольку раз встречались. Мне интересно стало, есть ли у кого такая же, как у меня, фамилия. Ведь у меня Грибовых родственников никого не было.

Посмотрела я и ахнула. Глазам не верю! Потом туманом их застлало, ничего прочитать не могу. Наконец, догадалась платком их вытереть.

Грибов! Давыд Александрович!

Как папа!..

А сердце у меня колотится, будто я стометровку пробежала.

Смотрю год рождения. 1901-й... Как у папы!.. И город, в котором он родился,— Киев!..

Я плакать.

Тут девушка-агитатор, которая на квартиру к Грибовым ходила, рассказала мне, что Грибов этот женат... Значит, на чужой женщине женился!.. И что сын у них есть взрослый, ее сын, и тоже голосовать должен!

Как же так? Он меня в Ялте встречал, по берегу мы ходили, сливы ели, как сейчас помню... я у него на коленях спала, он м о й папа, самый лучший, самый сильный, самый добрый!.. Как же он мог, если жив остался, меня в детдоме не найти, с другой семьей жить и обо мне не вспомнить!

Вот поверьте мне, то, что я в следующую ночь пережила, подушку с обеих сторон слезами вымочив, было страшнее всего, что я помнила... страшнее моря.

Не мог так мой папа поступить, а по списку это он был!

С опухшими красными глазами пришла я на агитпункт и попросилась на букву «г» списки проверять.

Сидела и голову от списков оторвать боялась. Только когда фамилию называли чужую, я поднимала глаза.

Не пришел он в тот день... Агитаторша к нему на квартиру ходила, напоминала, что отметиться надо... А я не пошла с ней, гордая была...

На второй день я над тем же списком на букву «г» сидела и опять головы не поднимала, все боялась, что увижу его большого, русокудрого, светлоглазого, веселого, как прежде, молодого... Иным ведь я его не представляла...

И чем больше я о нем думала, чем больше слезами сердце мое заливалось, тем больше теряла я веру в человека. Если даже *он* мог так поступить, то... И махнула я рукой на весь мир... По крайней мере так мне казалось.

— Грибов, Давыд Александрович. Отметьте пожалуйста. Вот паспорт.

Голос какой-то чужой, незнакомый. Или я его совсем забыла?

Вскинула я голову и встретилась с его глазами, темными... Почему темными?

Передо мной стоял худощавый человек среднего роста, совсем не под косяк... с чужим, незнакомым лицом.

Не он!

— Что это, девушка, вы так улыбаетесь? — это он меня спросил.

А я почему-то ему руку жму.

— Да вы что это, девушка? Почему плачете?

А я говорю ему:

— Спасибо вам...— и паспорт отдаю, и снова благодарю.

Удивленный, он ушел и все оглядывался.

А для меня словно все иным стало вокруг. Что-то изменилось во мне... Я уже другой была, когда бюллетень опускала.

Я потом много думала — себя мне было жаль в ту страшную ночь, себя, оставленную в детдоме, забытую отцом, или е г о, большого, самого доброго, самого благородного, который не мог бы так поступить?

Мне стыдно было... Ведь все-таки лучше бы было, если бы он жив был!

Да, лучше! Но если б он жил, он был бы прежним, каким я его любила и люблю, до сих пор люблю, и нет на свете никого лучше его!

Я будто с ним повстречалась снова, снова будто у него на коленях головой лежала... и моря больше не боялась.

Я не знаю, как врачи это объяснят, только не стало у меня с тех пор моребоязни... Сначала я по реке на лодке стала кататься, а потом без всякого страха в Арктику поехала. И вот уже сколько лет здесь...

Марина кончила и снова зарделась.

— Я не знаю, почему все это рассказала...— оправдывалась она.

— И хорошо, что рассказала,— заметил капитан.— Иной раз в жизни многое и понятнее и легче будет, если с другими поделишься... Вот ведь как выборы в жизнь человека вошли! Это, пожалуй, поможет мне еще про выборы рассказать. Совсем другое... Да так и должно у нас быть.

И капитан рассказал про далекий северный берег, про старого охотника и знаменитого летчика, про полярную ночь...

ПОЛЯРНОЙ НОЧЬЮ

Черное звездное небо предвещало мороз.

«Замешкался я,— подумал Федот Иванович, глядя на Большую Медведицу,— дело к полудню идет. Ишь куда ковш запрокинуло. Ну, да ничего, успею...»

Старый охотник свистнул Таймыра, могучего широкогрудого пса, и стал прилаживать лыжи.

Дверь Федот Иванович запирать не стал,— а вдруг какой путник забредет? У печки заботливо оставлена вязанка дров — выброшенный морем плавник. Лампа заправлена керосином. В сенях на видном месте висит мороженый медвежий окорок — любому гостю доброе угощение.

— Песцы дверь не откроют, а человеку — хлеб да соль,— сказал вслух Федот Иванович.

Таймыр поднял умные глаза.

Старый охотник часто говорил с самим собой или с собакой — привык за годы одинокого житья-бытья: ведь после смерти жены он остался совсем один. Правда, есть у него сыновья. Бравые ребята. Только разбрелись они по всей стране...

Приладив лыжи, охотник зашагал вперед. В скупом свете звезд снег казался серым.

Федот Иванович смаковал предстоящую беседу с людьми на полярной станции, куда он держал путь. Может быть, и о

сынах что услышит. О старшем, об Александре, непременно услышит. Кто не знает полярного капитана Фомина?

По дороге охотник один за другим осмотрел пять капканов. В трех оказались отменные песцы.

Внезапно подул сильный ветер. Он стал плотным, смешавшись с колючим снегом. Звезды исчезли.

— Это еще не пурга! Какая это пурга! Это только поземка,— бормотал Федот Иванович.

И в памяти старого охотника встала другая пурга, которая едва не стоила ему жизни. Закоченевшего, обмороженного нашли его в снегу чукчи и отогрели в своей яранге. Бежал он тогда из ссылки сибирской в тундру...

С тех пор Федот Иванович осел на крайнем берегу Севера, крепко полюбил этот суровый край.

А в Тамбовскую губернию незачем ему было возвращаться, никого там не осталось. Отца вместе с ним арестовали — сообща они помещику красного петуха запустили, ну, а женить Федота не успели. Женился он тут, на чукчанке. Хорошая жена была...

Отец так и умер на каторге. Сын Иван уж больно с ним схож. Знал бы дед, кем его внук стал,— офицером. Дед офицеров одних лишь ведал — царских, а тут — свой офицер. В отечественную войну сразу же на фронт ушел. Добрый охотник был. Лисиц черно-бурых немало принес. И ни одной шкурки не испортил — всегда в глаз... Снайпер из Ивана получился отличный...

— А пурга-то, видать, разыграется, как бы не задержала,— с тревогой поглядывая на небо, перебил сам себя Федот Иванович.

Ветер выл, стонал, ревел, стараясь свалить охотника с ног. Конечно, в другое время Федот остановился бы, зарылся бы в снег, чтобы проспать двое суток, а там и отправиться восвояси, но теперь... Слишком важное было у Федота Ивановича дело.

Федот Иванович шел за сто десять километров на ближнюю полярную станцию выбирать депутата в Верховный Совет Советского Союза. Особое приглашение еще в прошлом месяце доставил охотнику знакомый чукча из оленеводческого колхоза.

Ледяной ветер прерывал дыхание. Усы смерзлись. Глаза не видели ничего, даже Таймыра. Казалось, что снег ревет вокруг, словно море в шторм.

«Вот как, Федот Иванович, старый ты охотник, знаешь ты тундру, хвалишься, а как бы тебе не просчитаться!

Нет, придется, видно, остановиться, не то совсем не дойдешь».

С тяжелым сердцем забрался Федот Иванович в малицу, как в спальный мешок. Таймыр прилег подле хозяина.

Согреваясь своим дыханием, старый охотник размышлял: «Что бы ни случилось, а должен ты, Федот Иванович, в общей радости участие принять, вместе со всей страной, со всеми тремя сыновьями...»

Всех троих провожал когда-то Федот Иванович на Большую Землю, чтобы учились, вышли бы в люди охотничьи дети, крестьянские внуки. Самый младший, Алексей, стал летчиком. Дед и не думал, поди, что люди по воздуху летать будут...

«Идти, идти, беспременно идти... сколько времени пропало»,— с ужасом думал старый охотник, выбираясь из сугроба.

Ветер гнал снежные волны. Они разбивались о землю, как штормовой прибой о берег. От одного удара такой волны могло занести с головой.

Вместе со снегом холод отчаяния проползал под мех. Но Федот Иванович все-таки шел...

«Опоздать? В такой день? Перед людьми-то позор какой выйдет... А еще толковать с ними хотел...»

Но остановиться пришлось. Снова зарылись они с Таймыром в снег. Федот Иванович все вычислял, сколько часов пробыл он в пути, сколько еще осталось ему, чтобы не опоздать. И получалось, что ждать совсем нельзя.

К счастью, пурга начала утихать. Ударил мороз. Черная борода Федота Ивановича, в которой не было ни одного седого волоса, поседела, заиндевела. Он побежал на лыжах, не замечая холода. Лишь бы успеть до вечера... до полуночи.

Как быстро поворачивается ковш! Ничем его не остановишь!..

Словно состязаясь со временем, по неумолимо несущейся с запада на восток земле бежал человек, старый охотник Федот Иванович.

Несмотря на поздний ночной час, на полярной станции было оживление. В жарко натопленных уютных комнатах и просторной кают-компании, кроме зимовщиков, толпились пассажиры и экипаж только что прилетевшего с востока самолета.

— Только заправка! И в полет! — говорил высокий плечистый летчик Матвей Баранов, хорошо известный по всей Арктике.

— Задержу совсем немного,— отозвался начальник аэропорта.— Я ведь тоже с тобой полечу, но сперва должен вскрыть урны, подсчитать бюллетени.

Начальник аэропорта посмотрел на часы. Стрелка медленно приближалась к двенадцати часам.

— Вроде как Новый год встречаем,— сказал кто-то.

— Почему ты проформу соблюдаешь? Только опытный перелет задерживаешь! — не унимался летчик.

— Подожди, Матвей. Одного у нас нет... Не знаю, что и думать...

— Вот как? — Баранов сразу стал серьезным.

Хлопнула дверь. В комнату вошел начальник полярной станции. Он сбросил с себя меховую куртку. Его худощавое лицо с выступающими скулами было печально.

— Нет... Никого не видно. Все глаза проглядел.

— Может быть, он в стойбище проголосовал?

— Что ты! Обязательно к нам пойдет. Он в оленеводческом колхозе взял удостоверение на право голосования!

— Время истекло,— прервал начальник аэропорта,— прошу членов комиссии...

— Бортмеханик, иди готовь машины! — скомандовал Баранов.

Снова хлопнула дверь. Через кают-компанию пробежал радист, потрясая в воздухе текстом радиограммы о результатах голосования, которую нужно было передать окружной избирательной комиссии.

— И о нас сообщи, что вылетаем! — крикнул ему Баранов, поднимаясь из-за стола. Он потянулся всем своим крепко сбитым телом и обернулся.

В дверях стояла заснеженная, сильно заиндевевшая фигура человека.

— Что за дед? — спросил Баранов.

Человек шагнул.

— Сколько времени? — прохрипел он.— Мне бы голос подать...— охотник умоляюще взглянул на присутствующих.

Все смущенно переглянулись. Не получив ответа, Федот Иванович еще раз беспомощно оглядел всех, потом грузно опустился на пододвинутый стул. Склонив лицо вниз, он стал сосредоточенно отламывать ледышки на бороде.

— Совсем немного опоздал, дядя Федот,— говорил метеоролог.— Ну, прямо на несколько минут. А мы тебя так ждали...

Вошел начальник аэропорта и застыл с бумажкой в руках.

— Пришел? — словно не веря глазам, воскликнул он.

Федот Иванович еще ниже склонил голову. С его оттаивающей бороды капало на пол.

Никто не утешал старика. В молчании окружающих было понимание, сочувствие...

Старый охотник поднял голову.

— Вот ведь какое дело, опоздал, стало быть. Не догнать вчерашний день-то. Не потекут реки вспять...— и он опять замолчал.

Баранов откашлялся.

Федот Иванович горько усмехнулся:

— Дал промаху, конечно, неправ...

Баранов посмотрел на часы, потом на дверь.

— Реки вспять потекут,— сказал он уверенно.— И Енисей и Обь. Есть, батя, такой проект, большевистский проект... В южные моря будут эти реки впадать.

Охотник недоверчиво покачал головой.

— Все шутишь, сынок...

— Нет, отец. Хочешь, догоним вчерашний день, ухватим его за хвост?

— Это как же?

— А так, отец. Пока бортмеханик вернется, слушай: земля вертится с запада на восток. На нашей семидесятой параллели скорость у нее около шестисот километров в час.

— Ну, ну... Ты это к чему?

— Вот ты прикинь. Если на самолете с той же скоростью в обратную сторону лететь, солнце как будто остановится.

— Должно, что так...

— А если быстрее! Если обогнать землю, что тогда? Тогда, друг, зашедшее солнце с запада подниматься начнет. Понимаешь?

— Ну?

— А вот у моего самолета, дед, скорость больше, чем у земли! Вот и представь, что произойдет, если ты на нем будешь? А? — И Баранов лукаво подмигнул старому охотнику.

— У вас время назад пойдет! — крикнул радист.

— А ведь верно,— откликнулся начальник аэропорта.— В Архангельск они прилетят в одиннадцать часов вечера. А у нас уже сейчас первый час. Уступаю Фомину свое место!

Федот Иванович стоял посередине комнаты растерянный. Вошел бортмеханик.

— А теперь, отец, бежим к самолету,— гулким басом скомандовал Баранов,— каждая минута дорога!

— Бежать... Это я могу. Я всю дорогу бежал.

И они скрылись за дверью.

— Да, дед в Архангельске проголосует! — хлопнул ладонью по столу метеоролог.

Дверь снова открылась. На миг просунулась черная борода.

— Вы тут того... за Таймыром моим присмотрите... Он ладный.

И дверь захлопнулась.

— Не беспокойся, отец! — крикнул начальник полярной станции, одеваясь, чтобы пойти за собакой. Он вышел.

Оставшиеся подошли к окну. Издалека доносился лай. Вдруг словно лавина камня рухнула сверху, потом с улицы донесся рокот несмолкаемого грома, странный в эту морозную, полярную ночь.

За окном кабины заревели реактивные двигатели могучего самолета Баранова.

— Неужто летим? — спросил Федот Иванович.

Штурман кивнул головой. Он склонился над картой, нанося курс. Перед ним на стенке виднелись часы со светящимся циферблатом. Они показывали не первый час, а шестнадцать часов с небольшим. Значит, шел еще предыдущий день...

— Вот оно, архангельское время! — крикнул штурман.

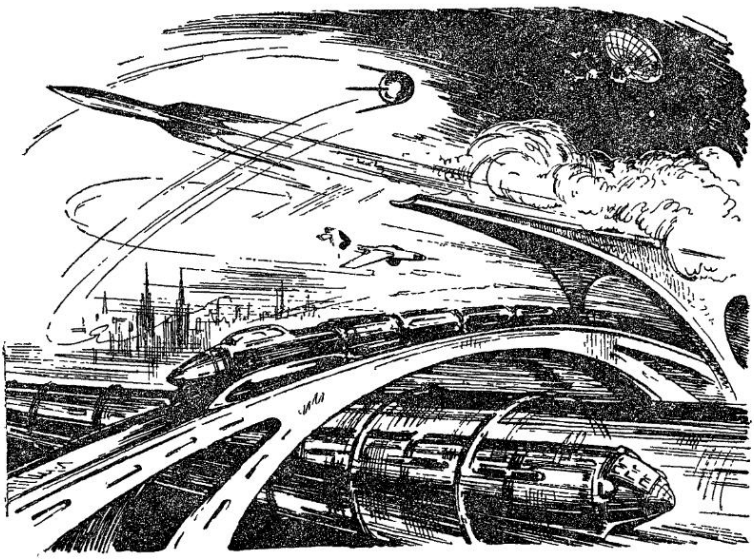
«Успеем ли?» — думал Федот Иванович.

В окне ничего нельзя было увидеть, кроме звезд, среди них особенно ярко выделялся знаменитый ковш Большой Медведицы — стрелка небесных часов старого охотника.

Деловито ревели двигатели, шли часы. Вернее, шли часы штурмана, а звездные часы Федота Ивановича... стояли. Более того, стрелка их передвинулась назад.

Штурманские часы показывали двадцать три часа, столько же показывала и Большая Медведица.

Самолет шел на посадку, машина остановилась. В дверях показалась крепкая фигура летчика, победившего время.



НОВОГОДНИЙ ТОСТ

Новый год! Бой часов Кремлевской башни, как поступь времени, размеренный, торжественный, бесконечно знакомый и все же волнующий...

Только что звенели бокалы, хлопали пробки бутылок, перекликались веселые голоса... Но бьют Кремлевские куранты — и все смолкает, как в предрассветный час.

На миг задумается каждый.

Вот он, завтрашний день, завтрашний год, будущее!

В этот день, в этот час вспомнить друг друга договорились мы с друзьями по арктическому плаванию...

Последние мили нашего общего пути... Я стоял рядом с капитаном на мостике. В наступавших уже сумерках, в тихую погоду Борис Ефимович вел корабль по протоке Северной Двины — Маймаксе.

В войну он был военным лоцманом и с тех пор не вызывал архангельцев на помощь, помня, что сам из старинной лоцманской семьи, в которой профессия эта переходила по наследству от прадедов к правнукам

Только теперь я увидел, что «Георгий Седов» все же огромный морской пароход. Он величественно возвышался над береговыми домиками.

На судне заканчивалась уборка. Корабль принаряжался, чистился. От вчерашнего обледенения не осталось и следа.

Все встречные катера и речные пароходы гудками приветствовали нас.

Славный, заслуженный корабль! Он входил в родной порт, незаметно совершив много подвигов, поставив небывалые рекорды, обеспечив работу далеких полярных станций.

Корабль остановился на рейде против освещенных яркими огнями пристаней. Береговой катер подошел к нам. Пришла пора прощаться. На палубе стояли капитан Борис Ефимович, штурман Нетаев, радист, боцман и многие другие моряки. Тогда-то мы и дали слово вспомнить друг друга в новогодний час. Я сроднился с ними за этот рейс, который был так труден, хотя и казался им самой обычной будничной работой. Они любили рассказывать о подвигах других, но самим им никогда не пришло бы в голову назвать свою работу героической. Они умели беззаветно работать, расчетливо бороться в любых условиях и с выдумкой мечтать.

Подошел чуть смущенный, застенчивый Нетаев:

— Вы помните гостя из Космоса?

— Астронома?

— Да, который рассказывал о Марсе... Я достал в судовой библиотеке книжку с фотографией марсианских каналов.

— Знаю. Сложная геометрическая сетка!

— А вы помните пластинку из слоновой кости?

— Шахматный этюд?

— Нет. Рисунки, доказывающие теорему Пифагора.

— Да, да, конечно! Два квадрата и по различному расположенные в них треугольники. Блестящее древнее доказательство. Находка в индийской гробнице.

— А вы слышали о проектах сношения с марсианами?

— Кажется кто-то предлагал выложить в пустыне огромные геометрические знаки. Геометрию должны понимать любые разумные существа.

— А знаете, что я обнаружил в сетке марсианских каналов?

Молодой штурман с видом заговорщика показал мне страницу с фотографией марсианских каналов. Некоторые из них были обведены карандашом. Я вздрогнул. Знакомые изображения... Что это? Совпадение? Или Нетаев, сам того не замечая, подрисовал недостающие линии?

Нетаев словно прочел мои мысли:

— Конечно, часть линий могла и не получиться при фотографировании, но... вы посмотрите только.

Да, передо мной на фотографии Марса можно было отчетливо разобрать два квадрата с различно расположенными в них треугольниками.

— Что же по-вашему марсиане сигнализируют нам, что квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов? — спросил я.— Они знают теорему Пифагора?

— Кто знает, не бывали ли они уже прежде на Земле.

— Ну! — запротестовал я.

— Кто-то бывал, это бесспорно! — горячо заговорил Нетаев.— Вспомните о Скалистых Горах Северной Америки. Там были обнаружены отпечатки ступней на камне. Ступня напоминала человеческую, но отпечаток ее на иле, впоследствии окаменевшем, был сделан во время каменноугольного периода, когда на Земле и животных-то не было! Значит, кто-то человекоподобный посетил тогда Землю! А помните фотографии «сооружений Титанов»? Геометрические фигуры, сложенные из колоссальных, ровных, как будто обработанных каменных плит. Их находили в разных местах земного шара, на неприступных горных вершинах. Людям, даже строившим пирамиды, не под силу бы вручную, без машин, сложить такие знаки. А кто мог это сделать? Ведь они сделаны! А легенды многих народов о людях, сошедших с неба? А тайна острова Пасхи с исполинскими фигурами...

— Значит, о н и были на Земле...— переспросил я,— и даже оставили в индийской гробнице математические рисунки.

Нетаев смутился:

— Во всяком случае, если это были не марсиане, если в гробнице оставлены рисунки древних земных мудрецов, то можно сказать, что жизнь, где бы она ни развивалась, породив разум, проявится в тех же самых достижениях ума, науки и техники, как и у нас на Земле, или даже превзойдет их в какой-нибудь части галактики...

Я крепко пожал штурману руку. Хорошо уверенно водить в тумане корабли и обладать крылатым воображением. Хорошо мечтать!

Я обнялся со своими друзьями:

— До свидания, моряки! До свидания «Георгий Седов»!

Береговой катер отошел от морского странника. На высоком борту висел знакомый мне штормтрап — веревочная лестница с мокрыми внизу перекладинами, по которой так нелегко лезть в первый раз.

«Седов» дал прощальный гудок. Это, конечно, Борис Ефимович! Он и Нетаев на мостике, на котором началась и крепла их дружба, дружба двух советских моряков.

И вот я снова мысленно с ними, когда торжественно бьют, отмечая шаг времени, Кремлевские куранты, я снова с теми, кто, прокладывая путь в будущее, многими чертами характера уже живет в нем.

Поднимем же в новогодний час тост за будущее, вечное, отдаленное или близкое, всегда скрытое таинственной шторой времени, которую пробивает светом фантазии только мечта!

И поднимем тост за мечту, тост за мечту, приоткрывающую дверь в завтра, как бы приближающую к нашим глазам телескоп времени.

Тише, тише! Прислушайтесь!

Что же видим мы в чудесный телескоп мечты? Каково оно, будущее? Но нет! Не подручный инструмент оракула — наш телескоп мечты, он ничего не предскажет, не предречет, он только покажет нам будущее таким, каким мы хотим его видеть, полные веры в него, каким оно представится нам, если мы знаем идущую вдаль дорогу науки, техники, человеческого общества, дорогу, которой идет Человек!

Разве он будет не похож на наших современников? Разве совсем другим будет Человек будущего, Человек нашей мечты?

Нет, не выдуманный это будет Человек, знакомы мы с ним, слышали о нем не раз, даже встречались с ним!

Молод будет этот Человек, молод, какого бы возраста ни был, молод потому, что сохранит знакомые нам черты тех, кто в наши дни поднимался во весь рост перед врагом, считая себя молодогвардейцем, юным мстителем или бойцом армии, кто не раздумывая отдал жизнь за Родину, за счастье уже не свое, а тех, кто будет жить, кто пойдет вместо него к коммунизму.

Молод будет этот Человек, и не только потому, что наука сумеет сохранить его волосы от седин, что складки твердой воли и энергии, а не морщины горькой усталости избороздят его лицо, не только потому, что будет он жить на Земле свои нормальные полтораста лет; молод будет наш грядущий Человек знакомым нам порывом к подвигу, который совершают, его не замечая, оставаясь в тени, в сумерках ли арктических или антарктических будней или в зное унылых недавно степей, превращенных энтузиазмом молодости в золотистый комсомольский океан плодородия; молод будет этот Человек, какими бы знаниями и опытом жизни ни обладал, молод будет своей неистовой одержимостью, ведущей его через хребты и пустыни трудностей в даль исканий, молод знакомой нам страстностью искателя, ученого, созидателя, преобразующего природу, мир.

Мы знаем тебя, Человек будущего, мы встречали тебя среди лучших людей настоящего, среди героев войны и труда, среди моряков и полярников, среди ученых и инженеров, среди тех, кто выиграл кровавую схватку за жизнь ради того, чтобы в этой жизни выиграть еще одну схватку, схватку за мир. Мы знаем тебя, Человек будущего, и мы поднимаем тост за то, чтобы дорогие нам твои черты с невиданной яркостью проявились в обстановке завтрашнего дня!

Он твой, этот завтрашний день. Тебе будут служить могучие и умные машины, их будет больше, этих машин, чем сейчас, они будут быстрее двигаться, мгновенно вычислять, больше производить, но не в этом будет их коренное отличие от нам знакомого. Главное будет в том, что ими не нужно будет управлять!

Твои машины, Человек будущего, которые задуманы нами сейчас, будут регулировать и направлять сами себя, контролировать и проверять свои изделия, будут самостоятельно жить и работать выполняя твою волю, один раз направленные твоей рукой. Ты будешь ходить среди них, машин и станков будущего, завтрашний Человек, умелый, образованный, способный разобраться в любом самодействующем механизме, зорко следя за их работой, настройкой, точностью. И в твои дни, будущий Человек, обычными станут самодействующие заводы, которые в распахнувшиеся сами собой ворота примут привезенное сырье, чтобы взамен погрузить на железнодорожные платформы готовые, проверенные без людей, смазанные и упакованные машины, будь то станок, телевизор или пишущая машинка, печатающая со слов...

Впрочем, железные ли дороги это будут? Может быть, и нет. Однако наряду с самыми совершенными новыми видами транспорта еще долго будут жить «стальные полосы прогресса», протянувшиеся из девятнадцатого через весь двадцатый век. Но рядом с ними или их продолжением протянутся, быть может, через моря и степи герметические трубы, похожие на гигантский газопровод, зарытые в землю или плавающие под водой, идеально прямые, не знающие ни поворотов, ни уклонов, ни подъемов, даже сопротивления воздуха внутри, если будет он удален. И будут по ним мчаться поезда, не только пассажирские экспрессы, а грузовые, товарные, но быстрые, как космические ракеты, будут мчаться, уничтожая старые представления о расстоянии. И замечательны они будут тем, что почти не потребуется энергии для передвижения таких поездов, как не нужна она летящему в безвоздушном пространстве искусственному Спутнику Земли, ибо трение качения при огромных скоростях ничтожно, а энергия разгона будет возвращена при торможении.

Пусть не таким будет транспорт будущего, одно можно сказать с уверенностью, он будет транспортом гигантских скоростей, уже завоеванных сегодня. И новый транспорт сделает людей, живущих далеко друг от друга, сплоченнее.

И более тесной семьей будут жить люди, да и не просто люди, но и народы. «Сдвинутся» континенты, безразлично чем соединенные — межконтинентальными пассажирскими ракетами, метеор-самолетами или плавающими мостами-трубами. Жизнь людей будущего будет так же отличаться от нашей, как наше время автомобилей и самолетов от почтовой кареты, в которой путешествовал Радищев из Петербурга в Москву.

Более тесной, общей семьей будут жить люди на Земле, но сами они не будут жить так скученно, как в былые, наши времена.

Еще дальше пойдут архитекторы, градостроители, в наши дни воздвигающие просторные, светлые кварталы зданий, раз-

деленных не каменными колодцами дворов прошлого, а широкими зелеными скверами. В дни, когда воздух станет всеобщей трассой движения, когда каждый человек сможет подниматься на вертолетике и быстро пролететь от места работы до дому, дом его отодвинется от скопления зданий и людей, скроется в тени листвы по берегам рек, на опушках, на пригорках, откуда открывается радующий душу вид. Сотрется физическая грань между городом и деревней. Горожанин, по роду работы своей, по укладу жизни и потребностям, станет соседом жителя села, будет жить на природе, близкий к ней, взлелеянный ею, убереженный от старения, напоенный силой земли.

И вместе с переселившимся на природу человеком пойдут вслед за ним ближе к лесам и лугам заводские цехи, выйдут они за пределы старых фабричных заборов и проходных, раскинутся пятнышками индустрии меж зеленеющих полей, на которых сниматься будут сказочные для наших дней урожаи. Разбросанные цехи заводов свяжутся в узел дорогами по земле, воде и воздуху.

Городские центры останутся не как скопище жилищ, а как центры культуры, охватывающие огромные районы расселения людей будущего, способных быстро слетаться всякий раз, как нужно им быть вместе, чтобы посмотреть спектакль, послушать музыку, обсудить проблемы, направить исследования, выбрать достойных исполнителей их воли.

Обсуждать они будут грандиозные проблемы. Они дерзостно возьмутся за осуществление величественных проектов, переделают моря и материки, навечно победят былой энергетический голод прошлого. Их атомный век будет не просто использование ничтожной доли энергии вещества, освобождающейся при известном нам расщеплении атома,— нет, ими будет постигнута самая сокровенная тайна вещества — секрет полного перехода материи в энергию. Быть может, далеко вперед пройдут они по пути, намеченному сегодня, откроют обнаруженный уже нами мир антивещества, во всем похожего на наше, но зеркально противоположного по электрическому заряду. Мы уже знаем, что при соприкосновении атомов вещества и антивещества остается в колоссальном количестве одна только энергия. Когда будет людьми будущего решен вопрос о полном переходе материи топлива в энергию, станет реально возможен не только обычный для их времени, близкий уже и нам, их предшественникам, космический полет на Луну, Венеру или Марс, станет возможен межзвездный перелет со скоростью, близкой к скорости света.

И Человек будущего достигнет иных солнечных систем. Наши ученые подсчитали, что во Вселенной их великое множество. Такое великое множество, что чисто математически можно показать, что вероятны тысячи планет, где условия для

развития жизни подобны нашим и где должен был развиться разум у существ, быть может, похожих на нас.

И утоляя светлую свою жажду знания, полетит Человек будущего к иным звездам, расстояния до которых исчисляются световыми годами, полетит, чтобы пробыть в полете десятилетия своей жизни.

И, верю, вернется из звездного перелета будущий наш Человек, очень похожий на лучших наших летчиков-героев, вернется на Землю и...

И тут властно скажется закон природы, известный в наше время, как парадокс Эйнштейна; для человека, летевшего десяток лет почти со скоростью света, время протекало совсем не так, как на оставленной им Земле,— и чем быстрее летел наш будущий Человек, тем медленнее текло его время, и когда спустя десяток лет, проведенных им в ракете, вернется он на Землю, то застанет на ней новые поколения, прожившие после его современников тысячелетия, застанет людей еще более отдаленного для нас времени, людей еще дальше ушедших вперед в будущее.

Поднимем же тост за будущее, вечное, отдаленное или близкое, но всегда прекрасное и лишь скрытое таинственной шторой времени, которую пробивает наша вера в грядущее, в светлый день коммунизма, на заре которого мы живем!

Поднимем тост за будущее, которого достойны многие простые и скромные люди полярных или целинных просторов, мира заводов и лабораторий, люди замечательного нашего сегодняшнего дня!

Поднимем тост за будущее, когда ступит на неведомую планету чужого звездного мира Гость из Космоса, Человек Земли!

Арктика — Москва 1947—1957 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Помощь	3
Остановленная волна	14
Полярный Варяг	24
Остров Исчезающий	30
Льды и лодка	40
Любовь	52
Поединок	59
Против ветра	68
Механик	81
Находка	90
Гость из Космоса	104
Марсианин	130
Медвежата	140
Трехлапая	151
В тумане	165
Катер в море	175
Нетронутый стол	184
Пластинка из слоновой кости	193
Ныряющий остров	202
Лево на борт!	211
Вера в человека	219
Полярной ночью	225
Новогодний тост	231

Александр Казанцев

ГОСТЬ ИЗ КОСМОСА

Редактор *Ю. Г. Липец*

Художественный редактор *Е. А. Радкевич*

Технический редактор *Н. И. Ногина*

Корректор *П. И. Чивикина*

Т 07108. Сдано в производство 25/III 1958 г.
Подписано в печать 8/VII 1958 г. Формат 60 × 92¹/₁₆.
Физических листов 15. Печатных листов 15.
Издательских листов 14,72. Тираж 165 000. Зак. 3461.
Цена 4 р. 45 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз

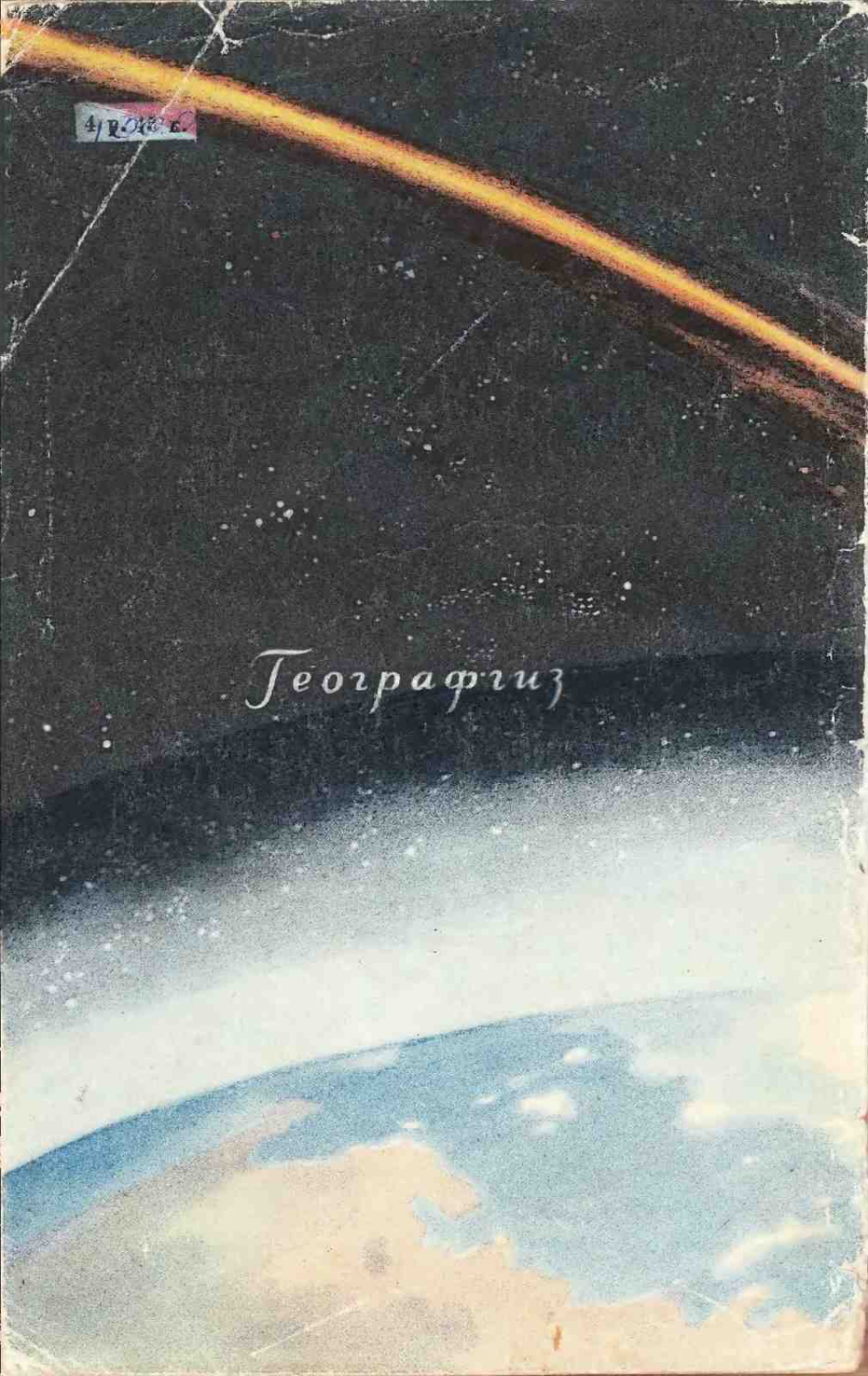
Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата
Министерства культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

ВНИМАНИЕ!

Заказы на книги, издаваемые географгизом, принимает специализированный магазин № 104 Москниготорга

Иногородним заказчикам книги высылаются наложенным платежом отделом «Книга — почтой» этого магазина.

Адрес: Москва, Энергетическая ул., д. № 8, корп. 2, магазин № 104 Москниготорга


Географгиз